ISSN 2542-2197

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

9
Выпуск (877)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

ISSN 2542-2197

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

9 Issue (877)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 9 (877)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК — **доктор филологических наук, профессор**

Зам. главного редактора
Е. И. Карпенко — **кандидат филологических наук**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 9(877)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
GALINA G. BONDARCHUK — **Doctor of Philology, Professor**

Deputy Chief Editor
ELENA I. KARPENKO — **PhD in Philology**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Параметры психолингвистического исследования «социальных образов»
АДАМОВА З. Г. 9

Терминологический кластер «Понимание» в когнитивной лингвистике
КИОСЕ М. И. 16

Актуализация смыслового содержания понятия «угроза»
(на основе результатов направленного ассоциативного эксперимента)
КОМАЛОВА Л. Р. 25

Моделирование порождения текста на основе данных кейлоггеров и дистрибутивных семантических моделей: обоснование методологии и программа исследований
ЛИТВИНОВА Т. А. 35

Речевое действие как реализация психологического значения
(на материале ассоциативного поля лексемы гражданин)
ПИЩАЛЬНИКОВА В. А., СТЕПЫКИН Н. И. 41

КОММУНИКАЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ

Семиозис естественной коммуникации: детерминанты в вариативности
КАРДАНОВА-БИРЮКОВА К. С. 49

Лингвосемиотика событийной коммуникации (на материале новостных сообщений интернет-канала Би-би-си)
КОСИЧЕНКО Е. Ф., КАЗАКОВА И. В. 57

О некоторых функциях этнического языка во внутренней диаспоре
(пилотное социолингвистическое обследование в общине хауса в Хартуме)
ОСМАН М. Н. 65

Лингвопрагматические аспекты изучения идентичности в Китае: теория прагматической идентичности
ПЭЙ СЯНЛИНЬ, ГЕРМАНОВА Н. Н. 72

Гендерно обусловленная жестикуляция в устном драматургическом дискурсе
РЖЕШЕВСКАЯ А. А. 80

Характеристики субжанра продающей страницы в рамках жанра веб-сайта в англоязычном рекламном дискурсе
ХАХАЛЕВА А. Ю. 88

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

Фразеологизмы и метафоры в поэтических текстах музыкального сопровождения фильмов
КУЛИДЖАНЯН С. С. 96

СОДЕРЖАНИЕ

Явления прономинализации русских прилагательных (на примерах «известный» и «определенный»)
ЧЖОУ ХАЙЯНЬ 104

ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЯ

Картина мира В. фон Гумбольдта и ее осмысление в современной французской лингвистике
ВЕРЕЩАГИНА Н. В. 110

Цицерон в «Риторике» Феофана Прокоповича
МАРКАСОВА Е. В., СЕНЕЦКАЯ Л. Б. 116

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Неточности в переводе идиоматических выражений с английского языка
на русский как отражение ментального лексикона
КРАСОЦКАЯ М. Д. 123

Стратегии эквивалентности и преобразования
при переводе английских новостных заголовков на русский язык
ФИЛЯСОВА Ю. А. 130

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

История любви в восприятии поэта (Филип Ларкин и Уинифред Арнотт)
ГАНИН В. Н. 137

Художественное пространство и герой, его организующий, в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин»
КРЮКОВА О. С., РАРЕНКО М. Б. 143

Метаязыковая рефлексия в американской поэзии (на примере текстов П. Роджерс)
ХОЛМАНСКИХ Ю. С. 149

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Символическое «страдание» артефактов Статья 1
СМИРНОВА А. А., ЛЕОНОВ И. В., КИРИЛЛОВ И. В. 156

Ключевые понятия легизма и их трансформация в современной китайской лингвокультуре
ЦУН ФЭНЛИН, ДУБКОВА О. В. 162

LINGUISTICS

LANGUAGE AND COGNITION: UNDERSTANDING AND GENERATION OF SPEECH

Parameters of Psycholinguistic Analysis of «Social Images»
ADAMOVA Z. G. 9

Term Cluster UNDERSTANDING in Cognitive Linguistics
KIOSE M. I. 16

Actualization of the THREAT Concept Semantic Content (based on directed associative experiment)
KOMALOVA L. R. 25

Modelling Writing Based on Keyloggers Data and Distributional Semantic Models: Justification of Methodology and Research Program
LITVINOVA T. A. 35

Speech Action as Realization of the Psychological Meaning (based on the associative field of the lexeme citizen)
PISHCHALNIKOVA V. A., STEPYKIN N. I. 41

COMMUNICATION IN VARIOUS SOCIO-CULTURAL CONTEXTS

Semiosis of Interpersonal Communication: Determinants in Variability
KARDANOVA-BIRYUKOVA KS. S. 49

Linguosemiotics of Event Communication (analysis of BBC Homepage news)
KOSICHENKO E. F., KAZAKOVA I. V. 57

On Some Functions of Ethnic Language in the Inner Diaspora (a pilot sociolinguistic study in the Hausa community of Khartoum)
OSMAN MUHAMMAD N. 65

Linguopragmatic Aspects of Identity Studies in China: the Theory of Pragmatic Identity
XIANGLIN PEI, GUERMANOVA N. N. 72

Gender Determined Gestures in Oral Drama Discourse
RZHESHEVSKAYA A. A. 80

Characteristics of the Subgenre of a Sales Page within the Genre of a Web-Site in the English-Language Advertising Discourse
KHAKHALEVA A. YU. 88

CONTENTS

VOCABULARY AND SEMANTICS

Phraseological Units and Metaphors in Poetic Texts in the Music Accompaniment of Films
KULIDZHANYAN S. S. 96

Phenomena of the Pronominalization of Russian Adjectives (on the examples of “известный” and “определенный”)
ZHOU HAIYAN 104

LINGUOHISTORY

W. von Humboldt ‘s Concept of the Worldview and Its Interpretation in Modern French Linguistics
VERESHCHAGINA N. V. 110

Cicero in the “Rhetoric” of Feofan Prokopovich
MARKASOVA E. V., SENETSKAYA L. B. 116

LINGUISTICS AND TRANSLATION STUDIES

Inaccurate Translation of Idiomatic Expressions from English into Russian as a Reflection of Mental Lexicon
KRASOTSKAYA M. D. 123

Equivalence and Transformation Strategies for Translating English News Headlines into Russian
FILYASOVA YU. A. 130

LITERARY STUDIES

Poet’s Impression of Love Story (Philip Larkin and Winifred Arnott)
GANIN V. N. 137

The Space in the Novel by E. G. Vodolazkin “Chagin” and the Character Who Organizes It
KRYUKOVA O. S., RARENKO M. B. 143

Metalanguage Reflection in American Poetry (based on texts by P. Rogers)
KHOLMANSKIKH YU. S. 149

CULTUROLOGY

Symbolic «suffering» of artifacts. Article 1
SMIRNOVA A. A., LEONOV I. V., KIRILLOV I. V. 156

Key Concepts of Legalism and Their Transformation in Modern Chinese Linguistic Culture
FENGLING CONG, DUBKOVA O. V. 162

Научная статья
УДК 81.23
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_9

Параметры психолингвистического исследования «социальных образов»

З. Г. Адамова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
zoya_adamova@mail.ru

Аннотация. В статье описывается психолингвистическая методика анализа «социальных образов», типизирующих социальную реальность. Определяются параметры и последовательность психолингвистического анализа «социальных образов». Он основан на типологизации данных ассоциативного эксперимента по выделенным параметрам и на интегративной модели актуального психологического значения.
Аргументируется возможность применения психолингвистической методики для выявления актуальных форм социального мышления.

Ключевые слова: социальный образ, социальное и речевое действие, естественная установка, модель актуального психологического значения, мотивационная значимость, функциональная значимость

Для цитирования: Адамова З. Г. Параметры психолингвистического исследования «социальных образов» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 9–15. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_9

Original article

Parameters of Psycholinguistic Analysis of "Social Images"

Zoya G. Adamova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
zoya_adamova@mail.ru

Abstract. The article describes the psycholinguistic method of analysis of «social images» typifying social reality. The parameters of the psycholinguistic analysis of «social images» are determined and the sequence of psycholinguistic analysis based on the typology of the data of the associative experiment according to the selected parameters and the integrative model of the actual psychological meaning is given. The possibility of using psycholinguistic methods to identify actual forms of social thinking is argued.

Keywords: social image, social and speech action, natural attitude, model of actual psychological significance, motivational significance, functional significance

For citation: Adamova, Z. G. (2023). Parameters of Psycholinguistic Analysis of "Social Images". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 9–15. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_9

ВВЕДЕНИЕ. АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Актуальность проблемы исследования содержания «социальных образов» определяется особой ролью типизирующих (А. Шюц) социальную реальность аксиологических понятий. Так, в политической философии верное употребление ключевых для политической жизни общества слов – это не только вопрос политологической терминологии, но и «стоящих за ними реалий» и «исторической перспективы» [Арендт, 2014, с. 51]. Необходимостью специального изучения языковых / речевых средств, связанных с обыденными представлениями носителей языка о политике в целом и сопряженных с нею понятиями в частности, продиктовано возникновение политической лингвистики и лингвистической концептологии [Современная политическая лингвистика, 2011; Сковородников 2015]. В рамках последней активно проводятся исследования содержания так называемых социально значимых концептов. При этом задачей исследований становится осуществление «целостного описания мыслительного образа», закрепленного за тем или иным словом как «главным репрезентантом одноименного концепта» [Ручина, 2022, с. 138].

Предлагаемая нами методика психолингвистического анализа «социальных образов» направлена на выявление содержания и структуры элементов «естественных установок». Они составляют основу обобщения, или социальной типизации. Вслед за А. Н. Леонтьевым и Г. М. Андреевой под «социальными образами» мы понимаем выделяемую в рамках психологии социального познания ментальную конструкцию. Она основана на концепции А. Н. Леонтьева об образе мира, «в котором они (люди) живут и действуют, который они переделывают и создают», а также «знание о том, как функционирует образ мира, опосредуя их деятельность» [Цит. по: Андреева, 2003, с. 32]. Выявление механизмов социального действия как конституирующей социальную реальность единицы, включая его цели и средства, становится возможным благодаря психолингвистическому анализу ассоциативных данных. Он предполагает выделение параметров анализа, соответствующих свойствам речевого действия как социального действия. На наш взгляд, такой подход может быть применим к исследованию механизма функционирования любого аксиологического понятия как побуждающей и придающей смысл человеческому действию, или шире – деятельности, ценности.

Цель данной статьи – представление методологии и процедуры предлагаемой нами психолингвистической методики анализа социальных образов.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПАРАМЕТРЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА «СОЦИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ»

Диагностический потенциал психолингвистического подхода к исследованию «социальных образов» обусловлен методологическими основами теории речевой деятельности Алексея Алексеевича Леонтьева. Его построения базируются на социологических и психологических постулатах научного познания социального мира. Сформированные в одно и то же время, в середине XX века, теория понимающей социологии австро-американского социолога Альфреда Шюца и отечественная психологическая теория деятельности Алексея Николаевича Леонтьева обосновали феноменологический подход к действию человека. Согласно этому подходу, человек проявляет себя в процессе целенаправленной и чувственной жизнедеятельности. Как избирательное активное переживание и интерпретация действие человека всегда базируется на его предшествующем опыте и воспринимается им как нечто само собой разумеющееся. Однако в любой момент может быть подвергнуто сомнению.

Принципиально важным аспектом социального действия А. Шюц называет его интерсубъективность, под которой понимается интерпретативный, или коммуникативный, характер социального действия, основанного на социальных конвенциях – формах типизации и «самотипизации». Они возникают вследствие опыта социального взаимодействия человека с себе подобными [Шюц, 2004]. Иным аспектом социального действия является его всеобщность. Социальное действие основывается на всеобщих представлениях и «взаимных перспективах», которые связаны как с *целью*, так и со *средствами* действия. (Здесь и далее курсив мой. – *З. А.*). Без них повторяющиеся акты интерпретации, составляющие суть социальности, были бы невозможны.

Таким образом, первостепенными для анализа социального действия становятся параметры целенаправленности и мотивированности. При этом «подлинно социальными» А. Шюц называет «мотивы потому-что». Они относятся к прошлому опыту и побуждают действовать тем или иным способом. Анализ этих мотивов дает возможность установить часто неосознаваемые связи между целью и средством действия. (Эти связи обнаруживаются только в результате ретроспективного наблюдения и самонаблюдения). Не менее значимыми являются направляющие «мотивы-для». В «длящемся процессе действия» человек руководствуется именно ими как осознаваемыми «проектами» достижения, или удовлетворения желаемых потребностей [Шюц, 2004, с. 24].

Идеи А. Шюца легли в основу теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана. Согласно данной теории объективную реальность обеспечивают конструкты – «социально объективированные и субъективно реальные значения повседневной жизни». Под их совокупностью понимаются *опосредованные языком «символические универсумы»*. Они делают объективно доступными системы социальных «знаний» и способы, посредством которых эти лингвистические «объективации» вызываются к жизни в *актуальном человеческом поведении*. Тем самым означенные конструкты становятся для субъекта вероятными или *реальными* [Бергер, Лукман, 1995, с. 66].

Таким образом, в феноменологической социологии определяющая роль в анализе социального действия отводится «социальным образам». Они выступают как смыслы и способы, фиксированные в конструктах естественного языка.

Главенствующая роль акта практической и теоретической деятельности в понимании психологических аспектов социальных процессов закреплена в отечественной теории деятельности. В основе ее лежит психологический субъектно-деятельностный подход к проблеме самоопределения и социализации, разработанный С. Л. Рубинштейном: раскрытие сущности индивидуальности как единства единичного, особенного и всеобщего возможно только через ее отношения с действительностью, то есть через понимание *обусловливающих* и *направляющих* ее *деятельность потребностей*. Следовательно, предметом исследования должны стать «возникающие на функциональной основе психические явления и процессы, в которых может быть проявлена потребность как исходное побуждение к действию» [Рубинштейн, 2004, с. 210]. Таким образом, единицей анализа становится акт действия, а предметом – потребность в действии.

В теории деятельности А. Н. Леонтьева выделяются следующие параметры действия как единицы анализа деятельности человека: целенаправленность, мотивированность и предметность. Процессы практических контактов человека с предметным миром изначально подчиняются его свойствам, связям и отношениям, а именно организованной системе психосоциальных языковых значений, так как действительная жизнь, или предметность человеческой деятельности, формируется в процессе общения с помощью языка. Это означает, что «социальный образ» как образ субъективной деятельности порождается в «едином континууме, в котором субъект взаимодействует с миром объектов» в процессе своей «конституирующей» деятельности [Леонтьев, 2001, с. 262]. Она включает в себя как *«образы»* или *идеализированные формы предметного мира*, внешние или внутренние, так и *процессы их функционирования*.

Это положение коррелирует с социологической категорией типизации, то есть усвоением предметов социального мира и событий в их «типичности», под которой подразумеваются опосредованные языком системы актуальных и потенциальных практических и теоретических форм мышления, деятельности и чувствования, включающих в себя «схемы» *интерпретации* и *ориентации* – «систем релевантностей» [Шюц, 2004, с. 627].

Для того чтобы показать, как предметность влияет на мотивационно-потребностную сферу, А. Н. Леонтьев акцентирует различение двух категорий потребностей в психологии потребностей: «потребности как внутреннего условия, как одной из обязательных предпосылок деятельности и потребности как того, что направляет и регулирует конкретную деятельность субъекта в предметной среде»; из двух видов потребностей решающую роль играет направляющая, потому что лишь в результате «чрезвычайного акта встречи» потребности с предметным миром она становится «способной направлять и регулировать деятельность» [Леонтьев, 1975, с. 87-88]. Именно в этом смысле потребности и связанные с ними эмоции имеют побудительную силу. Они актуализируются только в связи с предметным миром, в котором осуществляется деятельность субъекта, и становятся объектом психологического познания.

Итак, важнейший психологический принцип А. Н. Леонтьева заключается в противопоставлении образа процессу. Данный принцип подразумевает взаимное противопоставление не внешнего и внутреннего миров, а *ожидаемого и «реального»* в предметной деятельности субъекта. Такой подход позволяет говорить о диагностическом потенциале конструкта «социального образа». В социологии повседневности данный принцип выражается в хабитуальном характере «социальных образов». Они сочетают в себе не только типичные потребности, но и типичные «инструкции к действию», обусловленные целью действия и свойствами социального мира.

Исходя из принципа противопоставления «образа» и операции, в теории деятельности в качестве единицы анализа наравне с действием выделяются операции («рецепты», или «инструкции к действию» в терминах А. Шюца) – способы осуществления действий, которые «как правило, вырабатываются, обобщаются и фиксируются общественно-исторически, так что каждый отдельный индивид обучается операциям, усваивает и применяет их» [Основы теории речевой … 1974, с. 15]. «Продукт действия» по своему происхождению,

«исторически – продукт общественной практики». Операция зависит от условий достижения целей, тем самым «выступает как процесс непсихологический». Однако «системный и генетический анализ открывает их (операции) как осуществляющие деятельность психологическую», поскольку операции принципиально целенаправленны и связаны, таким образом, с побудительной силой действия [Основы теории речевой … 1974, с. 15].

Таким образом, социологический методологический принцип единства социального действия и социальной структуры находит свое выражение в психологическом принципе противопоставления образа и процесса и операционализируется как противопоставление образа и операции; причем образ соотносится с целью, или представлением о цели, а операция – с условиями ее достижения. При этом Параметрами анализа «социального образа» как формы знания о социальном действии становятся: целенаправленность или представления о потребностях; мотивированность (она выступает и в качестве побудительной силы, и в качестве причинности); а также позволяющий овладеть социальной ситуацией ориентирующий смысл потребностей. Мы называем его функциональностью.

Рассматривая речевую деятельность как сложную иерархию действий и операций, образующих собой «константные моменты, без которых невозможно и бессмысленно само речевое общение» [там же, с. 41], теория речевой деятельности предоставляет возможности моделирования вариантов языковой реальности как социальной. Как утверждает А. А. Леонтьев, с социологической или социально-психологической точки зрения система «языка есть частный случай социальной нормы» [там же]. Она обеспечивает единообразие социального поведения.

Речевые действия и речевые операции входят в познавательную деятельность. В первую очередь, они реализуются как процессы социализации и самоопределения, ибо сущность языка, по Л. С. Выготскому, заключается в единстве общения и обобщения. Следовательно, с помощью анализа речевых действий и операций, обладающих всеми основными вышеуказанными признаками любой деятельности, можно выявить порождаемые системой социальных норм, но функционирующие внутри психофизиологической структуры языка, вариантности речевой деятельности как системы возможностей социальной деятельности – схем интерпретации и ориентации.

В отечественной психолингвистике исследование взаимоотношения опосредованного языком образа мира и речевой деятельности как процесса ведется в рамках теории межкультурной коммуникации, прежде всего, с помощью конструктов образов языкового сознания и ассоциативного поля, моделируемых на основе экспериментальных ассоциативных данных. Однако, по замечанию В. А. Пищальниковой, неразрешенной проблемой психолингвистических исследований «образов сознания» остается «поверхностная интерпретация содержания полученных в ассоциативном эксперименте реакций». В результате часто игнорируются методологические основы теории речевой деятельности, не учитывается характер речевого действия, реализуемого в паре «стимул-реакция» [Ассоциативный эксперимент … 2019, с. 9]. В результате обнаруживаемые экспериментальным путем «образы сознания» рассматриваются как нечто «объективное», а не трактуются в качестве результата целенаправленной выборки и интерпретации «образцов» действия и социального взаимодействия; реакции эмоционально-оценочного характера интерпретируются в качестве «*признака*» *действительности* [Ручина, 2022].

Между тем, психолингвистический анализ «образов сознания» или, точнее, «социальных образов» открывает широкие возможности для проведения исследований диагностического характера. Эти исследования производятся на основе характеристик речевого действия. Они направлены на выявление элементов реальной и ожидаемой социальной деятельности. Следовательно, они способствуют преодолению «систем релевантностей» социальной и языковой реальности, которые могут препятствовать формированию положительной социальной идентичности.

Рекуррентный характер формирования и функционирования опосредованных языком «социальных образов» актуализирует проблему функциональной зависимости между целью и средствами действия. Другими словами, зависимости между целью и той ролью, которую играют форма языка и социальные формы мышления в процессе овладения индивидом социальной ситуацией. С точки зрения гуманистической психологии, только при овладении ситуацией человек обретает способность полностью осознавать себя, видеть и понимать личные переживания наперекор процессам социализации [Маслоу, 1999; Чиксентмихайи, 2015]. В результате становится актуальным вопрос определения национально-культурной функции «социальных образов», т. е. их регулирующей функции, обусловленной социальными нормами и формами национального языка.

На основе методологических постулатов теории речевой деятельности и положений философии языка Вильгельма фон Гумбольдта, а также гуманистической психологии мы определяем эту

функцию как состоятельный, т. е. способствующий формированию положительной этнической идентичности, характер внутренних и внешних потребностей в ценностях и «вызываемых» ими к жизни языковых форм, обеспечивающих *состоятельность системы ценностей* как «духовного единства» языка и ценностей, обусловленного познавательной деятельностью народа как единого социокультурного сообщества. Именно поэтому предметом диагностических психолингвистических исследований должно стать функционирование ценностей как выражение единства «духа народа» и его языка, освоенного в процессе социализации.

На основе ключевых аспектов речевых действий и операций мы выделили следующие параметры психолингвистического анализа «социальных образов»:

- актуальные внутренние и внешние потребности, обнаруживаемые в речевых действиях и операциях соответственно;
- отношение к потребностям, или мотивационная основа социальных образов, обнаруживаемая в речевых действиях эмоционально-оценочного содержания;
- побудительная «сила» социальных образов, обнаруживаемая в соотношении мотивационной основы и «направленности» речевых действий;
- функциональность, или функциональная значимость «социальных образов», обнаруживаемая в характере соотношения речевых действий и операций как элементов социальных образов, образов и операций – их ориентирующий смысл.

ПРОЦЕДУРА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА «СОЦИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ»

Возможности психолингвистической диагностики межэтнической напряженности были выявлены В. А Пищальниковой и И. В. Рогозиной, З. Г. Адамовой [Пищальникова, Рогозина, 2004; Адамова, 2006]. Работа проводилась посредством моделирования структуры этнических стереотипов. Они определялись по заданным параметрам на основе ассоциативным данных.

Конечная цель анализа «социальных образов» – выявление механизмов социального действия. Эти механизмы включают в себя цели и средства социального действия, его мотивационную основу и др. С учетом указанных факторов мы предлагаем следующую последовательность анализа социальных образов:

- выявление актуальных типизирующих социальную реальность аксиологических понятий – ценностей с помощью изучения специальной литературы и верификации полученных данных посредством свободного ассоциативного эксперимента;
- построение ассоциативного поля изучаемого понятия и типологизация полученных данных на основе разработанной В. А. Пищальниковой интегративной модели актуального психологического значения (смысла / концепта) с заданным количеством актуальных параметров – понятия, представления, предметного содержания, эмоций и оценок [Пищальникова, 1992];
- построение моделей актуального психологического значения изучаемых понятий и изучение их структуры и содержания как конвенциональных стереотипов на основе выделенных в соответствии с целью исследования параметров анализа речевых действий и операций;
- анализ содержания речевых действий и операций и выявление актуальных внутренних и внешних потребностей;
- построение моделей мотивационной значимости на основе заданных параметров и интерпретация их содержания в соотношении с содержанием других компонентов актуального психологического значения – определение побудительной силы изучаемого понятия;
- интерпретация полученных данных как логически и психологически согласованных элементов единой «схемы» интерпретации и ориентации, определение функциональной значимости изучаемого понятия;
- определение «состоятельности» изучаемой ценности на основе выводов об ее мотивационной значимости, побудительной силе и функциональности;
- сопоставление полученных данных с результатами аналогичных исследований ценностей в разных лингвокультурах и определение этнокультурной специфики социальных образов;
- выявление и формулирование проблем, связанных с предоставляемыми «социально объективированными и субъективно реальными» (П. Бергер и Т. Лукман) значениями ценностей, а именно ожидаемыми и реальными возможностями социальной деятельности по сохранению и усовершенствованию положительной социальной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы представили процедуру психолингвистического анализа «социальных образов» на основе данных свободного ассоциативного эксперимента по заданным параметрам. Они соответствуют свойствам речевого действия как социального действия.

Примененная к исследованию механизма функционирования аксиологических понятий, психолингвистическая методика позволяет выявить механизмы социального действия, включая его цели и средства, тем самым обнаружить этнокультурную специфику социального мышления, связанную с психосоциальной структурой и «социальными образами» как целями и «реальными» ориентирами деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014.
2. Современная политическая лингвистика: учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова; ответственный редактор А. П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2011.
3. Сковородников А. П. О смысловой амбивалентности ключевых слов современного российского политического дискурса (на материале газетных текстов) // Политическая лингвистика. 2015. №2 (52). С. 50–56.
4. Ручина Л. И. Опыт экспериментального исследования социально значимых концептов в современном русском языковом сознании (концепт ДЕМОКРАТИЯ) // Научный диалог. 2022. 11(3). С.135–151. URL: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-135-151
5. Андреева Г. М. Образ мира в структуре социального познания // Мир психологии. 2003. №4 (36). С. 31-41.
6. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004.
9. Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.
10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
11. Основы теории речевой деятельности / отв. ред. доктор филологических наук А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1974.
12. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Р. Валент. 2019.
13. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
14. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
15. Пищальникова В. А., Рогозина И. В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2004. С. 121–128.
16. Адамова З. Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: дис. … канд. филол. наук. Тверь. 2006.
17. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1992.

REFERENCES

1. Arend, H. (2014). O nasilii = On violence. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
2. Budaev, Je. V., Voroshilova, M. B., Dzjuba, E. V., Krasil'nikova, N. A. (2011). Sovremennaya politicheskaya lingvistika = Modern Political Linguistics: The study guide. Ed. by A. P. Chudinov. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
3. Skovorodnikov, A. P. (2015). O smyslovoj ambivalentnosti klyuchevyh slov sovremennogo rossijskogo politicheskogo diskursa (na materiale gazetnyh tekstov) = On semantic ambivalence of key words of modern Russian political discourse (on the material of newspaper texts). Political Linguistics, 2(52), 50–56. (In Russ.)
4. Ruchina, L. I. (2022). Opyt eksperimental'nogo issledovaniya social'no znachimyh konceptov v sovremennom russkom yazykovom soznanii (koncept DEMOKRATIYA) = Experience experimental research of socially significant concepts in modern Russian language consciousness (concept DEMOCRACY). Nauchnyi dialog, 11(3), 135–151. (In Russ.)
5. Andreeva G. M. (2003) Obraz mira v strukture social'nogo poznaniya = The image of the world in the structure of social cognition. Mir psikhologii, 4 (36), 31–41 (in Russ.)
6. Schutz, A. (2004). Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom = Selected Papers: A world glowing with meanings. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
7. Berger, P., Lukmann, Th. (1995). Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya = The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium. (In Russ.)
8. Rubinshtejn, S. L. (2004). Osnovy obshchey psikhologii = Basics of general psychology. St. Petersburg: Piter. http://yanko.lib.ru/books/psycho/rubinshteyn=osnovu_obzhey_psc.pdf. (In Russ.)

9. Leont'ev, A. A. (2001). Deyatel'nyy um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost') = Active mind (Activity. Sign. Personality). Moscow: Smysl. (In Russ.)
10. Leont'ev, A. N. (1975). Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat. http://www.psy.msu.ru/people/leontiev/dsl/3-2.html (In Russ.)
11. Leont'ev, A. A. (Ed.). (1974). Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti = Basics of the Theory of Speech Activity. Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Pishchal'nikova, V. A. (Ed). (2019). Assotsiativnyy eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psikholingvistiki: monografiya = Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics: Study. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
13. Maslow, A. (1999). Motivatsiya i lichnost' = Motivation and Personality. St. Petersburg: Evraziya. (In Russ.)
14. Csikszentmihalyi, M. (2015). Potok: psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya = Flow: The Psychology of Optimal Experience. Moscow: Al'pina non-fikshn. (In Russ.)
15. Pishchal'nikova, V. A., Rogozina, I. V. (2004). Koncept kak instrument diagnostiki etnicheskoj napryazhennosti = The concept as a tool for diagnosing ethnic tension. In Ufimceva, N. V. (ed.), Yazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty (pp. 121–128). Moscow, Barnaul: Izdatel'stvo Altajkogo gosudarstvennogo untiversiteta. (In Russ.)
16. Adamova, Z. G. (2006). Verbal'naya diagnostika mezhetnicheskoj napryazhennosti = Verbal diagnosis of interethnic tension: PhD in Philology. Tver. (In Russ.)
17. Pishchal'nikova, V. A. (1992). Problema smysla khudozhestvennogo teksta: psikholingvisticheskiy aspect = Problem of the Meaning of a Literary Text: psycholinguistic aspect: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Адамова Зоя Гаврильевна

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник Лаборатории психолингвистики
кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Adamova Zoya Gavrilievna

PhD (Philology)
Leading Researcher at the Laboratory of Psycholinguistics
Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.111
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_16

Терминологический кластер «Понимание» в когнитивной лингвистике

М. И. Киосе

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Институт языкознания РАН, Москва, Россия
maria_kiose@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется ряд терминов («понимание», «интерпретация», «инференция» и их англоязычные аналоги), формирующих терминологический кластер «Понимание» в современной когнитивной лингвистике. Материалом исследования становятся авторитетные отечественные и зарубежные глоссарии и коллективные монографии. Методом сплошной выборки из них отбираются выражения, содержащие вышеуказанные лексемы. Анализ их коллокатов позволяет установить особенности терминологического и нетерминологического использования лексем, а также разграничить сферы их употребления.

Ключевые слова: понимание, термин, терминологический кластер, когнитивная лингвистика, кластеризация

Для цитирования: Киосе М. И. Терминологический кластер «Понимание» в когнитивной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 16–24. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_16

Original article

Term Cluster UNDERSTANDING in Cognitive Linguistics

Maria I. Kiose

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia
maria_kiose@mail.ru

Abstract. In the study, we explore the key terms (“understanding”, “interpretation”, “inference” in Russian and English) which form the term cluster UNDERSTANDING in contemporary cognitive linguistics. The research data are influential Russian and foreign glossaries and collected papers which serve to select the word combinations containing the lexemes under analysis. Their collocates help determine whether the lexemes function as terms or not, and further identify their spheres of use.

Keywords: understanding, term, term cluster, cognitive linguistics, clusterization

For citation: Kiose, M. I. (2023). Term Cluster UNDERSTANDING in Cognitive Linguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 16–24 10.52070/2542-2197_2023_9_877_16

.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем исследовании предпринимается попытка систематизировать возможные способы толкования феномена «понимание» в современной когнитивной лингвистике. Несмотря на то, что изучение понимания информации является одним из центральных объектов когнитивного анализа языка, к настоящему моменту не существует единой точки зрения на содержание данного феномена; при этом появился ряд терминов, соотносимых с пониманием, но не эквивалентных по содержанию. Анализ отдельных терминов («понимание», «интерпретация», «инференция») был успешно осуществлен в 90-е годы XX века В. З. Демьянковым и Е. С. Кубряковой [Демьянков, 1996; Кубрякова, 1996]. Так, в работах В. З. Демьянкова описаны отдельные модули понимания, представленные в разных сферах когнитивной науки о языке [Демьянков, 1983; Демьянков, 1994; Демьянков, 1996]. Тем не менее в начале XXI века произошла интеграция когнитивных направлений, появились новые направления, усилилась роль эмпирических исследований [Evans, 2007], поэтому требуется детализация данных модулей с учетом семантики отдельных терминов. Исследование актуально еще и потому, что интерес к анализу понимания не только не ослаб, но усилился. Как отмечает Е. С. Кубрякова, основатель отечественной когнитивно-функциональной парадигмы, «особую привлекательность для лингвистов представляют <…> альтернативные способы описания одного и того же, и именно потому, что они возвращают нас к онтологически тождественным реалиям, увиденным людьми с разных сторон и в разных аспектах, а также и потому, что мы можем задуматься о причинах такого разного осмысления разных явлений мира» [Кубрякова, 2004, с. 17]. Для изучения феномена понимания используется метод терминологической интерпретации [Ирисханова, Киосе, 2016]. Контекстуально-семантический анализ терминов, соотносимых с феноменом понимания, и анализ их коллокационной сочетаемости позволяет установить их «атрибуцию» в сферах когнитивной лингвистики (отечественной и зарубежной), сформулировать дефиницию, определить степень терминологизации и конвенционализации.

МЕТОД И ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА

Как известно, терминосистема отражает содержание научной парадигмы. Анализ языковой, логической и собственно терминологической семантики позволяет оценивать степень терминологизации лексем, а также степень их конвенционализации в рамках каждого из направлений научной парадигмы. Одним из методов ее анализа может стать терминологическая интерпретация дефиниционных и контекстуально-семантических отношений внутри терминологических кластеров или «групп взаимосвязанных терминов, находящихся в ядерно-периферийных и иерархических отношениях» [Ирисханова, Киосе, 2016, с. 153]. Ранее при анализе терминологической кластеризации как одной из технологий трансфера научного знания мы выделили три варианта ее структурной реализации: моноцентрический (с одним ведущим термином в центре кластера), полицентрический (с несколькими ведущими терминами) и смешанный (в тех случаях, когда семантика термина меняется в зависимости от конкретных направлений парадигмы). Предположительно, изучение семантики терминов современной когнитивной лингвистики, соотносимых с феноменом «понимание», позволит установить структуру такого кластера, а также определить закрепленность терминов за конкретным научным направлением и варьирование их содержания.

На первом этапе устанавливается состав терминов, реализующих терминологический кластер «Понимание» в когнитивной лингвистике, и их дефиниции. Материалом анализа служат глоссарии когнитивной лингвистики и авторитетные научные работы, центральным объектом которых является феномен понимания. На втором этапе с помощью сплошной выборки лексем и их коллокатов, а также с помощью контекстуально-семантического анализа определяются термины кластера «Понимание» как соотнесенные с тем или иным научным направлением в когнитивной лингвистике, в научных школах, отечественных и зарубежных. Устанавливается характер терминологизации лексем, инвентарь коллокатов терминов, который позволяет уточнить возможности их конвенционализации в каждом из научных направлений. Материалом анализа для реализации данного этапа являются авторитетные коллективные и индивидуальные монографии, изданные в рамках ведущих научных школ.

Анализ позволит выявить, какова структура кластера «Понимание» – полицентрическая, моноцентрическая или смешанная. Моноцентрическая структура кластера определяется, если существует центральный концепт, имеющий преимущественно терминологическое значение в разных направлениях когнитивного анализа языка. Полицентрическая структура кластера обнаруживается в тех случаях, когда существует несколько понятий, отличающихся сходной частотностью и демонстрирующих закрепленное и различающееся терминологическое значение в разных направлениях когнитивной

лингвистики. Если будет обнаружено, что в разных направлениях когнитивной лингвистики наблюдается варьирование в семантике и в распределении терминов, то возможно констатировать смешанную кластеризацию данных терминов.

ЛЕКСЕМНЫЙ СОСТАВ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА «ПОНИМАНИЕ» В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Множественный эмпирический материал работы содержится в глоссариях по когнитивной лингвистике («Краткий словарь когнитивных терминов» (далее – КСКТ) под ред. Е. С. Кубряковой и «A Glossary of Cognitive Linguistics» (далее – GCL) под ред. В. Эванса), а также в отдельных статьях авторов КСКТ – В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой. Из глоссариев были отобраны термины, соотносимые с феноменом понимания. В русскоязычных источниках к их числу относятся термины «понимание», «интерпретация», «инференция». Разграничение терминов «понимание» и «интерпретация» возможно провести с опорой на работы В. З. Демьянкова [Демьянков 1983; Демьянков, 1994; Демьянков, 1996]. Понимание трактуется как когнитивная деятельность, а интерпретация – как процесс и результат в установлении смысла. Различие обнаруживается и в объекте понимания / интерпретации: в случае интерпретации речь идет о смысле речевых или неречевых действий, а в случае понимания – о смысле более сложного целого, обычно текста или дискурса. Понимание представлено как сумма модулей: использование языкового знания, построение и верификация гипотетических интерпретаций, «освоение» сказанного, реконструкция намерений автора, установление степени расхождения между внутренним и модельными мирами, установление связей внутри модельного и внутреннего миров, соотнесение модельного мира с непосредственным восприятием действительности, соотнесение с линией поведения, выбор «тональности», или «ключа». При этом сложно установить жесткие связи между каждым из названных модулей и некоторым направлением когнитивного изучения языка конца XX века. Интерпретация понимается как процесс «постепенного расширения или сужения текущего набора гипотез интерпретатора относительно скрытой структуры интерпретируемого объекта, [который состоит из] единичных промежуточных “гипотетических интерпретаций” [Демьянков, 1981, с. 369]; как «решение задачи, связанной с распознаванием значения» [Демьянков, 2016, с. 64]. Интерпретирование предполагает «прохождение лабиринта (разветвления в лабиринте – это альтернативные возможности интерпретации)» с «постепенным привыканием к специфике лабиринта, к степени его запутанности и т. п.» [Демьянков, 1983, с. 59].

Также в КСКТ мы встречаем еще один термин, содержание которого соотносится с пониманием, – «инференция». Данный термин обозначает более частный процесс или операцию, которая понимается как «получение выводных данных в процессе обработки информации … умозаключение» [Кубрякова, 1996, с. 33]. Термин «инференция», как известно, восходит к работам философской логики (прежде всего – к работе У. Селларса); его проникновение в когнитивную лингвистику связано с работами Ч. Филлмора и У. Кинча. Они приобретают актуальность в связи с возросшим интересом к способам выводного знания в профессиональном сообществе лингвистов (см. обзор в [Ирисханова, Киосе, 2016]). Как указывает Е. С. Кубрякова, «инференцией можно считать операцию обыденного сознания, в своей основе рационального, но в то же время не столь связанного с формальными способами доказательства истины. Инференция сопряжена с догадками на базе имеющегося опыта, с интуицией» [Кубрякова, 1996, с. 33].

Таким образом, исходя из семантики терминов, зарегистрированной в КСКТ, содержание трех терминов – «понимание», «интерпретация», «инференция» – можно разграничить с точки зрения 1) характера обозначаемого процесса от более глобального к локальному; 2) типа воспринимаемого объекта от более абстрактного (описывающего структуры знания, мышление) к более конкретному (описывающему структуры языка и речи). Отметим и еще одну важную особенность в функционировании данных лексем: лексема «понимание» в большинстве случаев используется нетерминологически, в то время как нетерминологическое использование лексемы «интерпретация» встречается относительно редко и не встречается при употреблении лексемы «инференция». Поэтому третье различие в семантике терминов состоит в степени их терминологизации.

При переносе данных терминов на почву английского языка мы сталкиваемся с определенной сложностью. Она определяется тем, что для термина «понимание» есть два эквивалента – «understanding» и «comprehension». Поэтому в ходе анализа содержания терминов, соотносимых с пониманием в англоязычной научной литературе, мы будем рассматривать четыре термина: «understanding», «comprehension», «interpretation» и «inference». Вторая сложность состоит в том, что

ни одна из данных лексем не зафиксирована как термин в GCL [Evans, 2007]. Логично предположить, что термины не имеют значения, связанного с реализацией конкретной теории в когнитивной лингвистике (далее мы покажем, что это не совсем верно). В целом предположительно кластер «Понимание» будет иметь смешанную структуру, и каждому направлению когнитивной лингвистики будет соответствовать свой набор терминов, относящихся к феномену понимания, и их особая организация; при этом распределение терминов не будет жестко соотноситься с направлениями лингвистики.

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И КОНВЕНЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛЕКСЕМ КЛАСТЕРА «ПОНИМАНИЕ»

Оценка терминологизации лексем проводится с опорой на их коллокаты: если коллокаты являются терминами (в нашем случае в лингвистике), то сочетание «лексема понимание / интерпретация / инференция (understanding / comprehension / interpretation / inference) + термин» (или «термин + лексема») может быть рассмотрено как терминологическое. Оценка конвенционализации проводится с опорой на частотность терминологических использований лексем в тех или иных направлениях когнитивной лингвистики. В совокупности показатели терминологизации и конвенционализации лексем позволяют выработать дефиниции терминов и определить структурный тип кластера.

Вначале рассмотрим функционирование лексем «понимание», «интерпретация», «инференция» в современных изданиях отечественных школ когнитивной лингвистики, в которых феномен понимания является центральным объектом анализа, когнитивно-функциональной и когнитивно-дискурсивной (и когнитивно-семиотической). Для когнитивно-функциональной школы (основоположник – Е. С. Кубрякова) ключевым термином, соотносимым с термином «понимание», является «интерпретация». Так, одной из значимых функций языка Н. Н. Болдырев полагает именно интерпретирующую; также он пишет об интерпретирующей деятельности сознания. Язык, как указывает Н. Н. Болдырев, «служит средством вторичной обработки полученных знаний в индивидуальном сознании каждого отдельного человека, в рамках его индивидуальной концептуальной системы, т. е. является средством их интерпретации» [Болдырев, 2014, с. 159]. Интерпретация понимается как «неотъемлемое свойство человеческого сознания и познавательных процессов, в частности» [там же, с. 160]. Она связана с «восприятием и оценкой мира и системы языка». «Средствами» реализации интерпретирующей функции языка Болдырев считает модусные или, в широком смысле, оценочные категории, например, категории аппроксимации, определенности / неопределенности, категорию отрицания и ряд других. «Понимание» как термин в работе Н. Н. Болдырева не используется, термин «инференция» употребляется в следующем значении: «формирование смысла за счет имплицитного обращения к другому концепту, т. е. на основе выводного, дополнительного знания (Окончил Гарвард = получил хорошее, престижное образование)» [там же, с. 102]; при этом в списке ключевых терминов работы ни «понимание», ни «инференция» не значатся. В. З. Демьянковым «понимание» трактуется как «одновременно и интерпретативная деятельность (в этом можно видеть культурную обусловленность)» и как «идеал, к которому мы стремимся (в этом цивилизационная составляющая понимания)» [Демьянков, 2016, с. 64]; интерпретация понимается как «решение задачи, связанной с распознаванием значения» [там же]. В. З. Демьянков отводит пониманию (различными путями трансфера знаний связанному с оценочностью, цивилизационностью) более значимое место, оставляя интерпретации место более скромное, но при этом более обозримую для лингвистического анализа роль — подвергаться измерению [Демьянков, 1994]. Автор отмечает, что когнитивная лингвистика занимается именно анализом интерпретации. В целом, ключевым термином данного направления является именно «интерпретация», которая исследуется посредством анализа концептуализации и категоризации в языке.

Концепция когнитивно-дискурсивной (и когнитивно-семиотической) школы (основоположник – А. А. Кибрик) представлена, например, в монографии «Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика» под ред. А. А. Кибрика, А. Д. Кошелева, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазуровой, О. В. Федоровой, где разрабатывается «когнитивный подход к языку» [Язык и мысль, 2015, с. 30], в основе которого лежит «постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы»; она может быть установлена или «реконструирована» с помощью методов внутриязыковой и межъязыковой реконструкции [там же, с. 32–33]. В глоссарии ключевых терминов работы термин «понимание» присутствует как «понимание речи», т. е. сближается с распознаванием (этот термин не присутствует с КСКТ, поэтому мы его не рассматриваем); он обнаруживается в разделе по экспериментальной когнитивной психолингвистике О. В. Федоровой, О. В. Драгой. Лексема «понимание» встречается в монографии в переводных работах. Лексема «интерпретация»

часто используется в значении «идентификация какого-л. лингвистического явления исследователем», например, *интерпретация числа и времени*, *интерпретировать группы объектов как представителей категорий*, *мысль интерпретируется в качестве реализации семантической категории*. «Инференция» в составе ключевых терминов не представлена. Таким образом «понимание» как термин используется в значении «распознавание какого-л. явления в речи», а «интерпретация» в значении «идентификация какого-л. лингвистического явления исследователем».

Исследование контекстуально-семантических особенностей лексем терминологического кластера «Понимание» в зарубежной лингвистике целесообразно проводить с опорой на коллективные монографии, представляющие не столько разные школы, сколько разные направления когнитивной лингвистики. В качестве материала анализа выбрана авторитетная монография «Oxford Handbook of Cognitive Linguistics» под ред. Д. Герартса и Г. Кайкенса (2007) [Oxford Handbook of Cognitive Linguistics, 2007], в которой освещены такие разделы когнитивной науки о языке, как «Основные понятия когнитивной лингвистики» (с разделами, посвященными воплощенности, конструированию, схематизации и др.), «Грамматические модели», «Взаимодействие когнитивной лингвистики и других наук», «Лингвистическая структура и использование языка» (с разделами, посвященными фонологии, морфологии, словообразованию и др.), «Языковая вариативность» и «Прикладная и междисциплинарная перспектива когнитивной лингвистики». Поисковые запросы позволили выявить 95 случаев использования термина «inference», 283 случая использования термина «understanding», 60 случаев использования термина «comprehension», 248 случаев использования термина «interpretation».

Как показал анализ, лексема «inference» преимущественно употребляется терминологически (среди редких исключений – inferences arise, there is no inference, make / generate / invite / draw inferences, др.). Она представлена в составе следующих выражений:

- inference schema, inference patterns (*T. Rohrer. Embodiment and experientialism*)
- metaphorical inference, inference generalizations, pragmatic inferences, inferences from the object of conceptualization to the ground (*A. Verhagen. Construal and perspectivization*)
- analytic inferences (*B. Lewandowska-Tomaszczyk. Polysemy, prototypes, and radial categories*)
- inference mapping, set of inferences (*J. Grady. Metaphor*)
- probabilistic inferences, inference schemas, pragmatic inference, deductive inferences (*K. Panther, L. Thornburg. Metonymy*)
- semantic inferences (*W. de Mulder. Force Dynamics*)
- transitive and converse inferences (J. Zlatev. Spatial semantics)
- indirect inferences (*G. Fauconnier. Mental spaces*)
- conventionalize inferences (*S. Svorou. Relational constructions in cognitive linguistics*)
- pragmatic inferences (R. Maldonado. Grammatical voice in cognitive grammar)
- causal inferences (*T. Sanders, W. Spooren. Discourse and text structure*)
- pragmatic inferences, inference-based process, causal inference, conventionalization of inferences, metaphor or inference, metonymy or inference, inference of intention (*J. Bybee. Diachronic linguistics*)
- speaker's inferences about actions or intentions (*S. Wilcox. Signed languages*)

В глоссарии ключевых терминов указаны три контекста использования термина: *conventionalization of inference, pragmatic strengthening or inference, inference schemas*; однако в самой монографии понимание метафоры и метонимии также часто подвергается анализу с применением термина «inference». Таким образом, инференция рассматривается в контексте теории образ-схем, теории конвенционализации, когнитивной прагматики, концептуальной метафоры и метонимии; чаще всего термин появляется в разделах «Construal and perspectivization» (*A. Verhagen*), «Metaphor» (*J. Grady*), «Diachronic linguistics» (*J. Bybee*). С опорой на выявленные терминологические контексты можно сделать вывод, что «inference» – это некоторое единичное направленное, прагматически ориентированное действие извлечения информации (преимущественно сокрытой), которое подвергается закреплению в языковом коллективе и индивидуально.

Лексема «understanding», напротив, употребляется преимущественно нетерминологически, например, в *our understanding of the relations between language and thought, understanding why, understanding others, human understanding, understanding of the present situation, self-understanding, yield multiple understandings, a minimum of three understandings, contextual understanding, holistic understanding, traditional understanding, two understandings of ideology*. Как видно, в этих контекстах значение лексемы сходно со значением лексемы «понимание», описанным В. З. Демьянковым как «одновременно и интерпретативная деятельность» и как «идеал, к которому мы стремимся» [Демьянков, 2016, с. 64]. Примечательно, что лексема «understanding» часто

встречается в названиях монографий и статей, например: «Understanding figurative and literal language: The graded salience hypothesis» (*R. Giora*), «Metaphoric structuring: Understanding time through spatial metaphors» (*L. Boroditsky*), «The poetics of mind: Figurative thought, language, and understanding» (*R. Gibbs*).

Среди менее частотных, но терминологических контекстов лексемы назовем следующие:

- understanding of semantic roles in U-semantics (*Ch. Fillmore. Frames and the semantics of understanding*)
- understanding of domains (*A. Cienki. Frames, idealized cognitive models, and domains*)
- understandings of spatial relationships, understanding complex abstract entities as erect physical structures, metaphorical understandings, understanding of a scenario, shared cultural understandings (*J. Grady. Metaphor*)
- understanding of spatial categorization (*J. Zatev. Spatial semantics*)
- local understanding and action (*G. Fauconnier. Mental spaces*)
- deeper levels of understanding (*R. Langacker. Cognitive grammar*)
- language understanding and language acquisition (*B. Nerlich, D. Clarke. Cognitive linguistics and the history of linguistics*)
- metaphorical system of understanding (*R. Gibbs. Idioms and formulaic language*).

В глоссарии ключевых терминов указаны два контекста использования «understanding» как термина: *content of understanding*, *U-semantics* (*semantics of understanding*). В целом, можно идентифицировать три сферы когнитивного изучения языка, в которых «understanding» функционирует как термин: теория семантических ролей (вслед за Ч. Филлмором), теория концептуальной метафоры (вслед за Дж. Лакоффом) и онтологическая теория понимания в когнитивной психологии развития в language understanding / language acquisition. Чаще всего термин появляется в разделах: «Frames, idealized cognitive models, and domains» (*A. Cienki*), «Idioms and formulaic language» (*R. Gibbs*). Таким образом, терминологически «understanding» трактуется как процесс построения модельного внешнего или внутреннего мира (через установление семантических ролей, пространственно-временных отношений, метафорических проекций), характеризующийся уровневой структурой и онтологической стадиальностью.

Лексема «comprehension», напротив, редко используется нетерминологически; в большинстве случаев она функционирует в составе выражений, включающих лингвистический объект понимания:

- tests using language comprehension, models of language comprehension (*T. Oakley. Image schemas*)
- language production and comprehension, production and comprehension of utterances, utterance production and comprehension (*W. Croft. Construction grammar*)
- children's comprehension of idioms (*R. Gibbs. Idioms and formulaic language*)
- comprehension questions (*T. Sanders, W. Spooren. Discourse and text structure*)
- experiments on language comprehension (*C. Sinha. Cognitive linguistics, psychology, and cognitive science*).

Отметим, что в названиях монографий и статей лексема также часто используется терминологически, например:

- "Metaphor in idiom comprehension" (*R. Gibbs et al.*)
- "Conceptual metaphors are not automatically accessed during idiom comprehension" (*S. Glucksberg et al.*)
- "Strategies of discourse comprehension" (*T. van Dijk, W. Kintsch*)

В глоссарии ключевых терминов указаны три контекста использования «comprehension»: *imagery role in comprehension and cognition, metonymy in language production, comprehension u language production, comprehension and acquisition*.

Разделы, в которых «comprehension» имеет самую высокую частотность, следующие:

- "Polysemy, prototypes, and radial categories" (*B. Lewandowska-Tomaszczyk*)
- "Metaphor" (*J. Grady*)
- "Metonymy" (*K. Panther*, *L. Thornburg*)
- "Construction grammar" (*W. Croft*)
- "Idioms and formulaic language" (*R. Gibbs*, *jr.*)
- "Diachronic linguistics" (*J. Bybee*)

Итак, терминологически «comprehension» понимается как момент / факт распознавания индивидом некоторого лингвистического явления разного уровня (от словных единиц до дискурса).

Лексема «interpretation» часто используется нетерминологически и сопровождается коллокатами, называющими степень или характер интерпретации (actual / unrestricted / specific / plausible / general / the more likely / the preferred / arbitrary / straightforward / famous / natural / competing / possible / radical / indeterminant),

иногда – «авторов» интерпретаций, например, *Rappaport and Levin's* (1992) *interpretation*.

Терминологически «interpretation» встречается также очень часто; при этом исследования, очевидно, претендуют на анализ интерпретации читателя, которая устанавливается либо экспериментально, либо (чаще) с опорой на семантические и прагматические конструкции текста и дискурса (ср. с «интерпретацией» в понимании В. З. Демьянкова и Н. Н. Болдырева):

- frames of interpretation[1] (*A. Cienki. Frames, idealized cognitive models, and domains*)
- models of metaphor interpretation (*J. Grady. Metaphor*)
- literal and figurative levels of interpretations; interpretation of the subject noun phrase; metonymically induced interpretations; intended interpretation; an action interpretation on the stative predicate (*K. Panther, L. Thornburg. Metonymy*)
- a force-dynamic interpretation of this domain (*W. de Mulder. Force dynamics*)
- pragmatic interpretation (*J. Zlatev. Spatial semantics*)
- de re and de dicto interpretations, discourse interpretation (*G. Fauconnier. Mental spaces*)
- semantic interpretation of the related concept of markedness (*W. van Langendonck. Iconicity*)
- semantic interpretations (очень частотное), gradient reinterpretation of the predicate-argument distinction (*W. Croft. Construction grammar*)
- idiomatic interpretation, figurative interpretation, online interpretations, literal interpretation (*R. Gibbs. Idioms and formulaic language*)
- context-induced reinterpretation (*S. Svorou. Relational constructions in cognitive linguistics*)
- the situated interpretation, aspectual interpretation, "modal" interpretations (*R. Boogaart, T. Janssen. Tense and aspect*)
- default interpretation (*R. Maldonado. Grammatical voice in cognitive grammar*)
- pragmatic interpretation (*T. Mortelmans. Modality in cognitive linguistics*)
- a noncoreferential interpretation, cognitive interpretation (*K. van Hoek. Pronominal anaphora*)
- other cognizers' interpretation, discourse interpretation (*T. Sanders, W. Spooren. Discourse and text structure*)
- causal interpretation, a present stative interpretation, spatial interpretation (*J. Bybee. Diachronic linguistics*)
- event of interpretation (*M. Freeman. Cognitive linguistic approaches to literary studies*).

[1] Термин используется вслед за D. Tannen (1985).

«Interpretation» часто используется в названиях монографий и статей, например, «The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies» (*W. Croft*), «Semantic interpretation in generative grammar» (*R. Jackendoff*), «Specialization and reinterpretation in idioms» (*D. Geeraerts*); однако отметим, что в основном эти работы изданы в конце XX века, а в новейших работах термин используется значительно реже, во многих случаях – в связанных контекстах, например, *default interpretations*, *the situated interpretation*. В глоссарии указаны два контекста использования «understanding»: deontic interpretation и semantic interpretation; т. е. термин фиксируется в двух обширных сферах, теории модальности (с выходом на прагматику) и в семантике (в широком ее значении). Таким образом, терминологически «interpretation» понимается как процесс, действие и результат семантического и прагматического конструирования информации (онлайн и офлайн, языкового и дискурсивного) реальным и потенциальным читателем, в том числе самим исследователем.

Проведенный анализ позволил уточнить состав модулей (если пользоваться термином В. З. Демьянкова [Демьянков, 1996]), разграничивающих термины кластера «Понимание»: 1) процесс / направленное действие / результат использования знания, 2) построение индивидуального / коллективного знания, 3) извлечение доступной / скрытой информации, 4) формирование единичного вывода / комплексного знания, 5) построение знания самим исследователем / потенциальным читателем / реальным читателем, 6) извлечение семантической / прагматической информации, 7) освоение информации как отражение сиюминутной потребности или задачи индивида / онтологического развития индивида, 8) формирование знания о конкретном языковом явлении / о явлении окружающего мира или внутреннего мира человека. В связи с тем, что семантику указанных терминов оказалось затруднительно разграничить с опорой на жесткие критерии, данный терминологический кластер можно определить как смешанный, но не полицентрический, поскольку за каждым термином пока не закреплено четкое содержание, отличающее его от других терминов кластера. Можно предположить, что с дальнейшим развитием самостоятельных направлений когнитивной лингвистики, а также с ее интеграцией с иными науками семантика терминов будет «разведена» (т. е. содержание термина будет жестко закреплено в рамках модулей), в таком случае структура кластера может стать полицентрической.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что терминологический кластер «Понимание» в современной когнитивной лингвистике представлен рядом лексем – «интерпретация», «понимание», «инференция» (и их англоязычные аналоги – «interpretation», «understanding», «comprehension», «inference»), которые находятся в достаточно сложных отношениях, не являясь ни комплементарными, ни взаимозаменяемыми, что определяет тип кластера как смешанный. Выбор терминов в научном контексте диктуется (но не жестко управляется) особенностями реализации нескольких модулей, описывающих семантику терминологического кластера. Дополнительная сложность в разграничении семантики лексем появляется в связи с тем, что:

1) все они могут употребляться нетерминологически;
2) некоторые термины формируют устойчивые сочетания с определенными лексемами (соотносясь с научной теорией или традицией);
3) семантика терминов меняется со временем (управляясь главенствующей теорией).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58–67.
2. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
3. Демьянков В. З. Понимание // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузиной. М: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 124–126.
4. Evans V. Cognitive linguistics // A Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 26–27.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 1996.
6. Ирисханова О. К., Киосе М. И. Технологии трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. С. 151–180.
7. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 368–377.
8. Демьянков В. З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. С. 61–85.
9. Кубрякова Е. С. Инференция // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузиной. М: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 33–35.
10. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2014.
11. Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Под ред. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015.
12. Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007.

REFERENCES

1. Dem'jankov, V. Z. (1983). Ponimanie kak interpretirujushhaja dejatel'nost' = Understanding as interpretation activity. Voprosy yazykoznaniya, 6, 58–67. (In Russ.)
2. Dem'jankov, V. Z. (1994). Kognitivnaja lingvistika kak raznovidnost' interpretirujushhego podhoda = Cognitive linguistics as a kind of interpretative approach. Topics in the Study of Language, 4, 17–33. (In Russ.)
3. Dem'jankov, V. Z. (1996). Ponimanie = Understanding. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = A glossary of cognitive linguistics terms (pp. 124–126). Ed. by E. S. Kubrjakova, V. Z. Dem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina. Moscow: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.)
4. Evans, V. (2007). Cognitive linguistics (pp. 26–27). A Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburgh.
5. Kubrjakova, E. S. (2004). Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge. On the way of getting linguistic knowledge: parts of speech from the cognitive aspect. Language in understanding the world. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)

6. Irishanova, O. K., Kiose, M. I. (2016). Tehnologii transfera mezhdisciplinarnyh terminov v lingvistiku = Technologies of transfer of multidisciplinary terms into linguistics (pp. 151–180). Lingvistika i semiotika kul'turnyh transferov: metody, principy, tehnologii = Linguistics and semiotics of cultural transfer: methods, principles, technologies. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya. (In Russ.)
7. Dem'jankov, V. Z. (1981). Pragmaticheskie osnovy interpretacii vyskazyvanija = Pragmatic basics of utterance interpretation. Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka. Studies in Literature and Language, 40(4), 368–377. (In Russ.)
8. Dem'jankov, V. Z. (2016). Jazykovye tehniki transfera znanij = Linguistic techniques of knowledge transfer (pp. 61–85). Lingvistika i semiotika kul'turnyh transferov: metody, principy, tehnologii = Linguistics and semiotics of cultural transfer: methods, principles, technologies. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya. (In Russ.)
9. Kubrjakova, E. S. (1996). Inferencija = Inference (pp. 33–35). Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = A glossary of cognitive linguistics terms (pp. 124–126). Ed. by E. S. Kubrjakova, V. Z. Dem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina. Moscow: Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
10. Boldyrev, N. N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku = Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics. Tambov: Tambovskij gosudarstvennyj universitet im. G. R. Derzhavina. (In Russ.)
11. Kibrik, A. A. et al. (2015). Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika = Language and thought. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
12. Geeraerts, D., Cuyckens, H. (Eds.). (2007). Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киосе Мария Ивановна
доктор филологических наук, доцент
доцент кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
ведущий научный сотрудник Лаборатории мультиканальной коммуникации Института языкознания РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiose Maria Ivanovna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Associate Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University
Leading researcher, Laboratory for multichannel communication, Institute of Linguistics RAS

Статья поступила в редакцию	31.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’23+81’37
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_25

Актуализация смыслового содержания понятия «угроза» (на основе результатов направленного ассоциативного эксперимента)

Л. Р. Комалова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Московский государственный лингвистически университет, Москва, Россия
komalova@inion.ru

Аннотация. В статье вербальные ассоциации рассматриваются в рамках полевого подхода к исследованию лексики. В фокусе внимания автора находится исследование множества слов, сходных по значению. Применение методики направленного ассоциативного эксперимента позволило выявить структуру и содержание представлений 61 испытуемого об угрозе. В результате эксперимента на материале девяти стимульных фраз-вопросов в совокупности было получено 678 реакций. Анализ реакций по каждому из предъявленных стимулов позволил выявить структурные тренды в представлении об угрозе.

Ключевые слова: угроза, шантаж, насилие, эмоции, ассоциативный эксперимент, лексико-семантическое поле

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ по теме № FSFU-2020-0020. Автор статьи выражает искреннюю благодарность бакалавру лингвистики Екатерине Алексеевне Ананьиной, которая приняла активное участие в сборе речевого материала.

Для цитирования: Комалова Л. Р. Актуализация смыслового содержания понятия «угроза» (на основе результатов направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 25–34. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_25

Original article

Actualization of the THREAT Concept Semantic Content (based on directed associative experiment)

Liliya R. Komalova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
komalova@inion.ru

Abstract. The paper explores verbal associations within the framework of the field approach. It focuses on a study of a set of words related in their meanings. The application of the directed associative experiment in research design made it possible to identify the structure and content of representations of threat concept. Based on 9 stimulus phrases we obtained 678 verbal reactions given by 61 subject. An analysis of those reactions for each of the stimuli presented made it possible to identify structural trends in the threat concept.

Keywords: threat, blackmail, violence, emotions, associative experiment, lexical and semantic field

Acknowledgments: The research is carried out within the framework of the state assignment to the Federal State Budgetary Educational Institution «Moscow State Linguistic University», project No FSFU-2020-0020. The author of the paper expresses sincere gratitude to the bachelor of Linguistics Ekaterina Alekseevna Ananjina, who took an active part in dataset collection.

For citation: Komalova, L. R. (2023). Actualization of the THREAT Concept Semantic Content (based on directed associative experiment). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 25–34. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_25

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе предлагается рассматривать вербальные ассоциации (ассоциаты) в рамках полевого подхода к изучению лексики (см., например: [Щур, 1974; Шафиков, 1999; Кобозева, 2000; Попова, Стернин, 2007]). Центральной составляющей данного подхода является исследование множества слов, сходных по значению. Ведущей гипотезой в данном подходе является предположение о том, что через эти множества слов становится возможным экстернализировать определенные области человеческого опыта, т. е. выявить структуру и содержание представлений об объекте действительности.

Актуальность исследования понятия «угроза» обусловлена запросом от сообщества специалистов в области судебной лингвистической экспертизы на концептуализацию данного понятия на основе данных индивидуальной рефлексии коллективного субъекта (см., например: [Бринев, 2009; Осадчий, 2012; Галяшина, 2018; Баранов, 2021]).

Одним из исследовательских инструментов работы с вербальной репрезентацией представлений выступает ассоциативный эксперимент [Леонтьев, 1997]. Согласно свидетельству В. А. Пищальниковой, в ассоциативном эксперименте демонстрируется «способ актуализации слова как предмета деятельности», представленного в стратегии ассоциирования. Анализ стратегий ассоциирования позволяет установить у индивида так называемую специфику образа мира, т. е. именно те способы взаимодействия индивида со словом, которым он отдает предпочтение [Пищальникова, 2019, с. 751]. Психолингвистический анализ ассоциативного поля позволяет идентифицировать мотивы речевой деятельности индивида, а также интерпретировать специфику его ассоциативно-вербальной сети [там же].

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве исследуемого объекта в настоящей работе рассматривается процесс ассоциирования. Предметом исследования выступают вербальные реакции испытуемых на стимульный материал в рамках экспериментального задания на ассоциирование. Причем анализируются не связи, возникающие при ассоциировании между стимулом и реакцией (синтагматические, парадигматические, тематические, деривационные, фонетические [Каштанова, 1997]), а смысловое наполнение ассоциаций и построенные на их основе лексико-семантические поля (см., например: [Пищальникова, 2007]). Данный подход используется для реконструкции картины мира (лингвофилософский аспект) и языкового сознания (психолингвистический аспект) [Кузнецова, 2020]. Ассоциативные поля в данном случае выступают проекциями языковой картины мира и языкового сознания испытуемых.

Известно, что форма проведения эксперимента оказывает влияние на процесс ассоциирования и структуру ассоциативного поля [Старостина, 2016]. В настоящем исследовании применяется направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ), который подразумевает наличие некоторых ограничений на ассоциативную реакцию испытуемых, направляющих их в нужное русло с помощью различных приемов [Виноградова, Стернин, 2016]. Нами применялась процедура НАЭ с уточняющими вопросами в сочетании с приемом завершения экспериментальной фразы (неполной конструкции). В данной процедуре вопросы помогают получить большее количество ассоциаций, отражающих различные дифференциальные и оценочные признаки стимула. Фразы содержат номинацию исследуемого явления. Испытуемому предлагается завершить фразу и тем самым ответить на вопрос, раскрывая интересующий исследователя семантический компонент исследуемой номинации явления.

В эксперименте участвовал 61 испытуемый. Гомогенность группы испытуемых была достигнута их принадлежностью к одному возрасту (20-25 лет), статусно-ролевой когорте (студенты вузов), русской лингвокультуре. В состав испытуемых вошли 48 женщин и 13 мужчин.

Перед началом эксперимента в рамках процедуры информированного согласия испытуемые ознакомились с содержанием исследования. Исследовательские анкеты со стимульным материалом были представлены в формате Google Forms и доступны испытуемым в Интернете.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате проведения направленного ассоциативного эксперимента на материале девяти стимульных фраз-вопросов в совокупности было получено 678 вербальных реакций (в том числе: 542 частотные реакции, 132 единичные реакции и 4 отказа – см. табл. 1). Далее реакции группировались и анализировались отдельно по каждой фразе-вопросу.

Таблица 1

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ПОЛУЧЕННЫХ РЕАКЦИЙ

Стимулы (фразы-вопросы)	Всего частотных реакций	Всего единичных реакций	Всего отказов	Итого реакций
Угроза – это …	66	3	0	69
Угроза (какая?)	55	20	1	76
Угроза проявляется (в чем?)	62	18	0	80
Угрожает (кто?)	55	18	0	73
Угрожает (как?)	50	27	1	78
Угрожает (чем?)	62	14	0	76
Угрожает (почему?)	60	8	1	69
Угрозой можно (что?)	68	12	1	81
Последствия угрозы – это …	64	12	0	76
Итого:	542	132	4	678

- **Угроза – это…**

В составе ассоциатов на стимул «угроза – это …» зафиксировано 96 % частотных реакций, которые удалось объединить в лексико-семантические поля «вред» (35 %), «запугивание» (25 %), «опасность» (23 %), «агрессия» (7 %) и «власть» (6 %), и 4 % не сгруппированных единичных реакций (табл. 2). В представлении испытуемых угроза как проявление власти является агрессивным запугиванием, причиняющим вред и несущим опасность.

Угроза в представлениях испытуемых воплощается как факт и как предвосхищающее факт словесное действие. В первом случае в ассоциациях обнаруживается прямое наименование факта (например: *запугивание*, *опасность*, *агрессия*). Во втором случае наименование факта предваряется обозначением «посредника» (например: ***словесное высказывание****, ставящее целью…*; ***сигнал*** *об опасности*; ***обещание*** *причинить кому-то зло*), отсылкой к подразумеванию намерения осуществить действие (например: ***намерение*** *причинить вред*; ***желание*** *кого-то напугать*).

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ «УГРОЗА – ЭТО…»

Лексико-семантические поля[1] частотных реакций (всего = 66): вред (24)[2], запугивание (17)[3], опасность (16)[4], агрессия (5)[5], власть (4)[6]
Единичные реакции (всего = 3): отчаяние (1), манипуляция (1), неправильно (1)
Отказы: 0

[1] Лексико-семантическое поле – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 380].

[2] Из них: вред = 17 реакций, зло = 3, ущерб = 2, боль = 2.

[3] Из них: запугивание = 16 реакций, запугать = 1.

[4] Из них: опасность = 14 реакций, отсутствие безопасности = 2.

[5] Из них: агрессия = 4 реакции, насилие = 1.

[6] Из них: власть = 2 реакции, принуждение = 1, подавление воли = 1.

В некоторых ассоциатах перед наименованием или после наименования факта угрозы имеется уточнение, указывающее на степень воздействия (***значительное*** *нарушение безопасности*), цель актора (*запугивание* ***с целью причинить вред***), потенциальный характер наступления последствий (***возможность*** *подвергнуть жизнь опасности*), характеристики угрозы (***словесное или физическое*** *запугивание*), источник угрозы (*опасность, которой подвергается человек,* ***исходящая от окружающей среды или от человека*** / ***группы людей***).

Ассоциаты, полученные в ответ на стимул «угроза – это ...», можно перегруппировать иначе, объединив их в следующие лексико-семантические поля:

- предвосхищение эмоциональной реакции пациенса в результате действий агенса, например, такие ассоциаты, как *запугивание* (предвосхищаемая реакция – страх);
- будущие негативные последствия для пациенса, например, *вред*;
- эмоционально-модальные состояния пациенса, например, *отчаяние*;
- действия агенса, например, *манипуляция*;
- оценка действий агенса / самого явления, например, *неправильно*.

В целом, реакции на стимул «угроза – это ...» представляют абстрактные понятия без отсылки к индивидуальному опыту испытуемых (например, *опасность*, *власть*, *ущерб*), в основном указывающие на действия, осуществляемые агенсом, и последствия этих действий, претерпеваемые пациенсом (см. также [Комалова, Калюжная, 2022]).

- **Угроза (какая?)**

В составе реакций на стимул «угроза (какая?)» зафиксировано 72 % частотных реакций, 26 % единичных реакций и 2 % отказов (табл. 3). Семантика частотных ассоциатов описывает прямую или скрытую физическую или вербальную угрозу, которая представляет потенциальную или реальную опасность для жизни, воспринимается как серьезная и страшная.

Большинство вербальных реакций испытуемых в ответ на стимул «угроза (какая?)» в совокупности структурируется в дихотомические пары («прямая – косвенная», «потенциальная – реальная», «физическая – вербальная», «внешняя – внутренняя» и т. д. (рис. 1)). В некоторых случаях один из элементов пары отсутствует в составе ассоциатов (например, в паре «опасная – безопасная» отсутствует второй компонент, первый компонент относится к категории наиболее частотных реакций; в паре «угроза жизни – угроза имуществу» также отсутствует второй компонент пары).

- **Угроза проявляется (в чем?)**

В составе ассоциатов на стимул «угроза проявляется (в чем?)» зафиксировано 77,5 % частотных реакций и 22,5 % единичных реакций (табл. 4).

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ «УГРОЗА (КАКАЯ?)»

Лексико-семантические поля частотных реакций (всего = 55): прямая (13)[1], опасная (8)[2], жизни (8)[3], скрытая (7)[4], потенциальная (5)[5], страшная (3)[6], серьезная (3), физическая (3), вербальная (3)[7], реальная (2)
Единичные реакции (всего = 20): нестрашная (1), внешняя (1), внутренняя (1), естественная (1), искусственная (1), слабая (1), любая (1), неопределенная (1), благополучию (1), шантажом (1), большая (1), нападения (1), острая (1), неожиданная (1), ставящая в тупик (1), постоянная (1), подлая (1), необдуманная (1), необоснованная (1), моральная (1)
Отказы: 1

[1]Из них: прямая = 7 реакций, неприкрытая = 3, явная = 2, открытая = 1.
[2]Из них: опасная = 2 реакции, жесткая = 2, агрессивная = 2, вредная = 1, причинение вреда = 1.
[3]Из них: (для) жизни = 4 реакции, смертельная = 2, жизненная = 1, расправы = 1.
[4]Из них: скрытая = 5 реакций, завуалированная = 2, косвенная = 1.
[5]Из них: потенциальная = 3 реакции, возможная = 2.
[6]Из них: пугающая = 2 реакции, страшная = 1.
[7]Из них: вербальная = 3 реакции, словесная = 1.

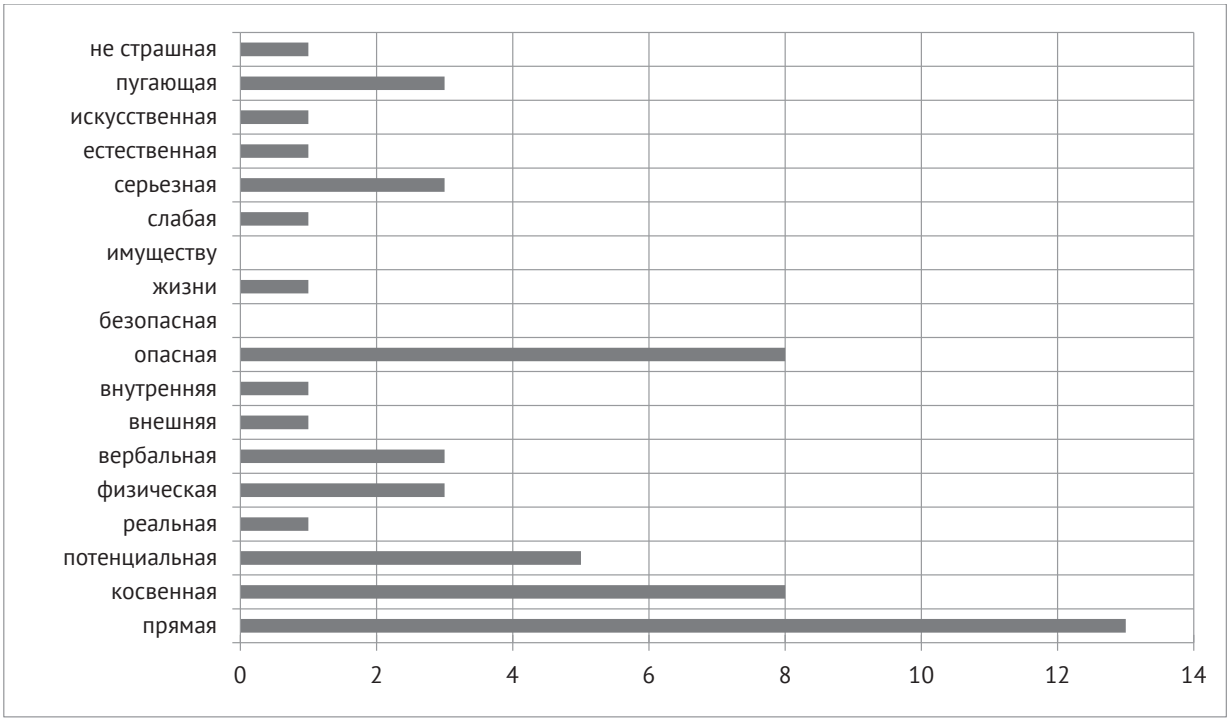


Рис. 1. Распределение реакций на стимул «угроза (какая?)» в виде дихотомий

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ «УГРОЗА ПРОЯВЛЯЕТСЯ (В ЧЕМ?)»

Лексико-семантические поля частотных реакций (всего = 62): в вербальных действиях (9)[1], (в) словах (8), (в) запугивании (7), (в) действиях (6), (в) шантаже (5), (в) агрессии (5)[2], в условиях внешней среды (5)[3], в желании причинить вред (3)[4], в причинении вреда (3)[5], в страхе (3)[6], (в) поведении (2), (в) людях (2), в опасности (2)[7], в жизни (2)[8].
Единичные реакции (всего = 18): в чем угодно (1), во всём (1), во взаимоотношении (1), в оружии (1), в положении тела, мимике, пантомимике (1), в интонационной конструкции, в громкости голоса (1), синяках (1), в мысли (1), в манипуляциях (1), нарушение безопасности (1), в покушении на здоровье, жизнь и безопасность (1), в риске для здоровья или жизни (1), в газлайтинге (1), применении психологического или физического давления (1), в нарушении чужих границ (1), негативный настрой (1), в злости (1), в овладении негативного эффекта (боли, ужасных последствий).
Отказы: 0.

Испытуемые ассоциировали проявление угрозы с конкретными вербальными действиями или в целом со словами, а также с запугиванием, шантажом и агрессией. Интересно, что к проявлениям угрозы испытуемые отнесли и условия внешней среды. Среди единичных реакций присутствуют отсылки к более дифференцированным признакам проявления угрозы, например, на уровне

[1] Из них: в сообщениях = 3 реакции, (телефонные) звонки = 2, (в) оскорбления(х) = 2, агрессивные письма = 1, пожелания смерти = 1.
[2] Из них: в агрессии = 3 реакции, в насилии = 2.
[3] Из них: (в природных) катаклизмах = 2 реакции, в постановке условия = 1, в событиях = 1, существах животного мира = 1.
[4] Из них: в желании причинить зло за что-либо / в желании индивида нанести другому индивиду вред = 2 реакции, в намерениях = 1.
[5] Из них: в причинении вреда = 2 реакции, в нанесении зла = 1.
[6] Из них: в страхе = 1 реакция, в овладении негативного эффекта страха = 1.
[7] Из них: в потенциальной опасности жизни или здоровью = 1 реакция, в опасности для жизни = 1.
[8] Из них: ухудшающейся жизни = 1 реакция, в жизни = 1.

паравербалики (*в интонационной конструкции*, *в громкости голоса*) и невербалики (*мимика*, *положение тела*) или к ассоциатам, приближающим к телу испытуемого (например, *синяках*, *в нарушении чужих границ*).

- **Угрожает (кто?)**

В составе ассоциатов на стимул «угрожает (кто?)» зафиксировано 75 % частотных реакций и 25 % единичных реакций (табл. 5).

На основе полученных частотных реакций угрожающим выступает человек: чаще один, реже группа, иногда с нарушениями психики, мужчина, озлобленный или слабый. В представлении испытуемых об угрожающем субъекте преобладают ассоциаты из семантического поля «правонарушитель»: *преступник*, *злоумышленник*, *маньяк*. Угрожающий предстает в роли агрессора, врага, наделенного властью. В совокупности единичных реакций присутствуют ассоциаты с негативными коннотациями (*монстр*, *идиот*) и семантикой правонарушений (*насильник*, *абьюзер*). Интересно, что испытуемые также ассоциируют с угрожающим общество и правоохранительные органы – среды и субъектов, которые созданы для обеспечения и поддержания безопасности. В единичных реакциях также представлены силы природы и судьба.

- **Угрожает (как?)**

В составе ассоциатов на стимул «угрожает (как?)» зафиксировано 64 % частотных реакций, 35 % единичных реакций и 1 % отказов (табл. 6).

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ «УГРОЖАЕТ (КТО?)»

Лексико-семантические поля частотных реакций (всего = 55): человек (22)[1], преступник (8), агрессор (5), злоумышленник (4)[2], угрожающий (3), мужчина (3), обладающий властью (3)[3], враг (2), маньяк (2), кто угодно (2), природа (2)[4]
Единичные реакции (всего = 18): никто (1), идиот (1), слабый (1), отчаявшийся (1), насильник (1), абьюзер (1), незнакомец (1), нападающий (1), потенциальный недоброжелатель (1), тот, кто не должен был угрожать (1), монстр (1), общество (1), правоохранительные органы (1), (внешне)политическая обстановка (1), животное (1), случай (1), явление
Отказы: 0

Таблица 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ «УГРОЖАЕТ (КАК?)»

Лексико-семантические поля частотных реакций (всего = 50): вербально (9)[5], настойчиво (5)[6], злобно (5)[7], открыто (5)[8], физически (4), устрашающе (4)[9], умышленно (3)[10], агрессивно (3), жестко (2), насилием (2)[11], действиями (2), скрыто (2), громко (2), опасно (2)
Единичные реакции (всего = 27): подло (1), мерзко (1), грязно (1), силой (1), резко (1), властно (1), с напором (1), сильно (1), дерзко (1), смело (1), морально (1), психически (1), спокойно (1), серьезно (1), бескомпромиссно (1), с предвкушением победы (1), неважно (1), по-разному (1), неумело (1), тихо (1), тюрьмой (1), оружием (1), отсутствием выбора (1), обещание нанести вред (1), человек (1), чтобы человек сделал то, что нужно угрожающему
Отказы: 1

[1] Из них: человек = 18 реакций, люди = 4.
[2] Из них: злоумышленник = 3 реакции, вымогатель = 1.
[3] Из них: власть имущий = 1 реакция, тот, кто обладает большей силой / властью = 1, кто имеет преимущество во власти или силе = 1.
[4] Из них: природная обстановка = 1 реакция, природа = 1.
[5] Из них: словами = 5 реакций, словесно = 1, вербально = 3.
[6] Из них: настойчиво = 4 реакции, методично = 1.
[7] Из них: зло = 1 реакция, злобно = 1, злостно = 1, зловеще = 1, разъяренно = 1.
[8] Из них: открыто = 2 реакции, прямо = 1, напрямую = 1, явная = 1.
[9] Из них: устрашающе = 1 реакция, пугающая = 1, внушая страх = 1, запугиванием = 1.
[10] Из них: умышленно = 2 реакции, преднамеренно = 1.
[11] Из них: насилием = 1 реакция, расправой = 1.

В лексико-семантическом поле частотных реакций наиболее представлен компонент «вербально», другие компоненты представлены относительно равномерно. Иногда реакции удается сочетать в дихотомические пары (вербально *vs* физически, открыто *vs* скрыто).

- **Угрожает (чем?)**

В составе ассоциатов на стимул «угрожает (чем?)» зафиксировано 81,5 % частотных реакций и 18,5 % единичных реакций (табл. 7). В совокупности частотные реакции относят инструмент угрозы к предметам физического мира и силовым действиям, небольшую долю составляют реакции типа «информацией», «шантажом» и реакции лексико-семантического поля «деньги / финансы».

- **Угрожает (почему?)**

В составе ассоциатов на стимул «угрожает (почему?)» зафиксировано 87 % частотных реакций, которые удалось объединить в лексико-семантические поля, 11,6 % не сгруппированных единичных реакций и 1,4 % отказов (табл. 8).

Таблица 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ «УГРОЖАЕТ (ЧЕМ?)»

Семантические поля частотных реакций (всего = 62): физическим предметом (19)[1], расправой (13)[2], словами (5), побоями (5)[3], силой (3), насилием (3), лишением чего-то (3), информацией (3), кулак(ом/ами) (2), действи(ем/ями) (2), разоблачением (2)[4], шантажом (2)
Единичные реакции (всего = 14): физическим давлением (1), запугиванием (1), бездействием (1), неудобством (1), преследованием (1), чем может (1), ментальным давлением (1), психологическими приемами (1), психологическая травма (1), деньгами (1), финансовыми последствиями (1), своими интересами (1), ограничением в чем-либо (1), нанесением вреда репутации (1)
Отказы: 0

Таблица 8

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ «УГРОЖАЕТ (ПОЧЕМУ?)»

Лексико-семантические поля частотных реакций (всего = 60): ради достижения желаемого (17)[5], эмоционально-психологическая реакция (10)[6], демонстрация силы (8)[7], особенности характера (7)[8], особенности психики (5)[9], вынужденность (5)[10], демонстрация отношения к объекту угрозы (2)[11], причинить вред (2)[12], протест (2)[13], привычный способ действования (2)[14]
Единичные реакции (всего = 8): хочет изнасиловать (1), по разным причинам (1), закончились аргументы (1), внутренний конфликт (1), желает вызвать определенное поведение (1), неверные действия (1), какие-то недопонимания вышли (1), потому что сделал что-то плохое ему (1)
Отказы: 1

[1] Из них: оружием = 9 реакций, ножом = 6, холодным оружием = 1, колюще-режущий предмет = 1, дубиной = 1, битой = 1.
[2] Из них: (физической) расправой = 8 реакций, убийством = 1, убьет = 1, причинением вреда = 2, опасностью для жизни человека = 1.
[3] Из них: побоями = 2 реакции, побьет = 1, ударом = 1, нанесение физической травмы = 1.
[4] Из них: разоблачением = 1 реакция, компроматом = 1.
[5] Из них: (ради своей / для / из-за) получения выгоды = 5 реакций, хочет, чтобы поступили так, как выгодно ему = 1, потому что хочет нажиться = 1, чтобы получить желаемое (финансовую выгоду, например) = 3, (чтобы / желает) добиться своего = 2, удовлетворить свои потребности = 1, ему что-то нужно = 1, потому что это хороший способ добиться результата = 1, чтобы заставить человека вести себя так, как удобно угрожающему = 1, хотят то, что им не принадлежит = 1.
[6] Из них: (потому что сам) боится = 2 реакции, из / от страха = 2, из-за злости / злобы = 1, от злости = 1, потому что злой / зол = 2, из-за обиды = 1, из-за нестабильного состояния = 1.
[7] Из них: (потому что) может = 4 реакции, показать силу = 1, потому что имеет власть = 1, потому что желает вернуть / обрести контроль над ситуацией = 1, надавить = 1.
[8] Из них: трус = 1 реакция, глуп = 1, потому что плохой человек = 1, из-за отсутствия эмпатии = 1, отсутствие терпимости = 1, от жадности = 1, человек, обиженный жизнью = 1.
[9] Из них: неадекватный = 1 реакция, из-за психических проблем = 1, нарушение психики или вымышленные причины = 1, от несовершенства = 1, несчастен = 1.
[10] Из них: потому что вынужден = 1 реакция, не имеет другого пути = 1, загнан в угол = 2, потому что сломлен духовно и морально = 1.
[11] Из них: неприязнь = 1 реакция, вследствие ненависти = 1.
[12] Из них: потому что хочет причинить вред = 1 реакция, чтобы нанести ущерб = 1.
[13] Из них: из-за неповиновения = 1 реакция, потому что его не устраивает положение дел = 1.
[14] Из них: из-за неумения решать вопросы другим способом = 1 реакция, не знает другого способа добиться своего = 1.

К причинам или мотивам, которыми руководствуется угрожающий, испытуемые относят, как правило, стремление получить что-то или эмоционально «разрядиться», т. е. угроза носит инструментальный характер (порождение страха не является целью угрожающего). Примечательно и то, что испытуемые относят использование угрозы к особенностям характера и психики угрожающего, т. е. не связывают угрозу с ситуацией. Вынужденность как одна из частотных реакций указывает на рефлексию угрозы как адекватного средства защиты в определенных условиях.

- **Угрозой можно (что?)**

В составе ассоциатов на стимул «угрозой можно (что?)» зафиксировано 84 % частотных реакций, которые удалось объединить в лексико-семантические поля, 14,8 % не сгруппированных единичных реакций и 1,2 % отказов (табл. 9).

Реакции в ответ на стимул «угрозой можно (что?)» во многом дублируют структуру реакций на стимул «угрожает (почему?)», подтверждая соотнесенность мотива и результата в коммуникативном действии «угроза» в языковом сознании испытуемых.

Таблица 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ «УГРОЗОЙ МОЖНО (ЧТО?)»

Лексико-семантические поля частотных реакций (всего = 68): изменения эмоционально-психологического состояния (24)[1], добиться своего (10)[2], изменения в представлениях и мышлении (7)[3], изменения в психике (6)[4], глобальные изменения в жизни человека (6)[5], причинить физический вред (6)[6], изменения поведения и действий (5)[7], шантажировать (2), нанести / причинить вред (человеку) (2)
Единичные реакции (всего = 12): ничего (1), насторожить (1), пренебречь (1), контролировать (1), доминировать (1), подавить человека (1), влиять (1), оттолкнуть (1), ограничить человека (1), надавить на человека (1), вынудить другого человека совершить требуемое действие (1), выйти на конфликт (1)
Отказы: 1

Таблица 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ «ПОСЛЕДСТВИЯ УГРОЗЫ – ЭТО…»

Лексико-семантические поля частотных реакций (всего = 64): для эмоционально-психологической сферы (27)[8], для физической сферы (14)[9], правовые (12)[10], в межличностных отношениях (6)[11], (не)получение желаемого для угрожающего / (не)достигнутый результат (3), победа над угрожающим (2)
Единичные реакции (всего = 12): никакие (1), плохие события (1), проблемы (1), страдания (1), слабость (1), то, что повлекла за собой угроза (1), большое количество психической и ментальной работы для того, кому угрожали (1), давление, вынуждающее совершить требуемое действие (1), выполнение требований угрожающего (1), лишение чего-то (1), враждебность угрожающего (1), нанесение вреда человеку (1)
Отказы: 0

[1] Из них: напугать / запугать / испугать / заставить человека испугаться = 17 реакций, напугать до смерти = 1, загнать человека в страх, панику = 1, довести (до нервного срыва / человека) = 2, озлобить = 1, разозлить = 1, обидеть = 1.
[2] Из них: добиться своего / того, чего хочется / своей цели = 4 реакции, добиться / достичь результата = 2, получить желаемое / добиться желаемого (результата) = 4.
[3] Из них: манипулировать (человеком) = 5 реакций, убедить = 1, внушать = 1.
[4] Из них: нарушить психику = 1 реакция, ранить = 1, сделать человека психологически нестабильным = 1, причинить психологическую травму = 1, причинить непоправимый эмоциональный вред человеку / нанести человеку эмоциональный ущерб = 2.
[5] Из них: разрушить (чужую) жизнь = 2 реакции, лишить свободы = 1, отравить жизнь человеку / испортить жизнь человека = 2, заставить жить хуже = 1.
[6] Из них: искалечить человека = 1 реакция, убить = 2, лишить жизни = 1, причинить физическую травму = 1, причинить непоправимый физический вред человеку = 1.
[7] Из них: изменить / поменять действия человека (в свою пользу) = 2 реакции, остановить = 1, повлиять на поведение человека = 1, сделать человека жестче = 1.
[8] Из них: страх (людей) = 7 реакций, психологические травмы / проблемы = 4, разрушенная / нестабильная психика = 2, опустошение = 1, ментальные болезни = 1, психологически травмированные люди = 1, подавленное эмоциональное состояние = 1, нарушение психологического состояния = 1, тревога / тревожность = 2, ответная агрессия = 1, стресс = 2, отчаяние = 1, беспомощность = 1, унижение = 1, неприятно = 1.
[9] Из них: травма (для жертвы угрозы) = 5 реакций, смерть = 2, физическая травма = 1, ранение = 1, синяки = 1, боль = 1, физический вред = 1, вред здоровью = 1, увечья разного характера = 1.
[10] Из них: наказание (угрожающему) = 5 реакций, тюрьма / статья = 3, преступление = 2, суд / скамья подсудимых = 2.
[11] Из них: (безвозвратное) разрушение (межличностных) отношений = 2 реакции, дистанцирование = 1, разрыв отношений = 1, ухудшение / разрыв отношений = 1, конфликт = 1.

- **Последствия угрозы – это ...**

В составе ассоциатов на стимул «последствия угрозы – это...» зафиксировано 84 % частотных реакций, которые удалось объединить в лексико-семантические поля, и 16 % не сгруппированных единичных реакций (табл. 10).

В реакциях испытуемых наиболее выраженным компонентом в представлении о последствиях угрозы выступают последствия для эмоционально-психологической сферы человека. В реакциях на стимул «последствия угрозы – это...» впервые появляется правовой компонент, т. е. угроза рассматривается испытуемыми как действие, влекущее за собой наказание со стороны общества в виде штрафа или тюремного заключения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного экспериментального исследования по процедуре направленного ассоциативного эксперимента было выявлено, что предложенные стимулы были поддержаны испытуемыми активным процессом ассоциирования (доля отказов составляет 0,6 %) и значительным числом частотных реакций (в совокупности 80 % от общего числа ассоциатов). Приведенные показатели свидетельствуют о том, что испытуемые знакомы с понятием «угроза». Анализ реакций испытуемых на каждый из предъявленных стимулов позволяет выявить структурные тренды в представлениях об угрозе.

Почти все стимулы актуализировали в сознании испытуемых реакции, связанные с эмоционально-психологическими состояниями и физическими действиями. Через ведущие лексико-семантические поля проявляется представление о том, что угроза исходит от человека, выражается открыто в вербальной форме. Угроза реализуется при помощи физического предмета или физического действия совершаемого по отношению к человеку. Мотивом для использования угрозы выступает стремление угрожающего достичь желаемого, изменить эмоционально-психологическое состояние объекта угрозы, реализовать эмоционально-психологическое состояние угрожающего. Реализация угрозы влечет за собой последствия для психики человека, нарушение физиологической целостности организма человека, правовые последствия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.
2. Шафиков С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа: Башкирский государственный университет, 1999.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ-Восток-Запад, 2007.
5. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.
6. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=7633
7. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 31–36.
8. Баранов А. Н. Угроза в криминальном дискурсе (семантика и прагматика). М.: Азбуковник, 2021.
9. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
10. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761.
11. Каштанова Е. Е. Лингвокультурологические основания русского концепта любовь (аспектный анализ): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.
12. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Часть 2. Этнопсихолигвистика. М.: МГЛУ, 2007.
13. Кузнецова Л. Э. К вопросу о механизме ассоциирования в языковом сознании индивида // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2020. № 17. С. 61-66. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42900245
14. Старостина Е. В. Факторы, влияющие на ассоциативное поведение испытуемых // Русская устная речь: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «II Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорнопросторечная культура общения» (Саратов, СГУ, 18–19 ноября 2015 г.). Саратов: Амирит, 2016. Вып. 2. С. 104–112.
15. Виноградова О. В., Стернин И. А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж: Истоки, 2016.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
17. Комалова Л. Р., Калюжная Л. В. Расширение онтологии угрозы в письменной интернет-коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2022. № 26(3). С. 779–806. DOI: https://doi.org/10.22363/2687-0088-29939

REFERENCES

1. Shchur, G. S. (1974). Teoriya polya v lingvistike = Theory of field in Linguistics. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Shafikov, S. G. (1999). Teoriya semanticheskogo polya i komponentnoj semantiki ego edinits = Theory of semantic field and components semantics of its units. Ufa: Bashkir State University. (In Russ.)
3. Kobozeva, I. M. (2000). Lingvisticheskaya semantika = Linguistic Semantics. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
4. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). Kognitivnaya lingvistika = Cognitive Linguistics. Moscow: AST-Vostok-Zapad. (In Russ.)
5. Brinev, K. I. (2009). Teoreticheskaja lingvistika i sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza = Theoretical Linguistics and Forensic Linguistic Expertise. Barnaul: AltGPA. (In Russ.)
6. Osadchiy, M. A. (2012). Parametrizations of verbal threat in Forensic Linguistics aspect. Modern Problems of Science and Education. Surgey. https://science-education.ru/ru/article/view?id=7633. (In Russ.)
7. Galyashina, E. I. (2018). Judicial linguistic expertise and limits of use of linguistic science methods. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 4, 31–36. (In Russ.)
8. Baranov, A. N. (2021). Ugroza v kriminal'nom diskurse (semantika i pragmatika) = Threat in criminal discourse (semantics and pragmatics). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
9. Leontiev, A. A. (1997). Osnovy psiholingvistiki = Basics of Psycholinguistics. Moscow: Smysl. (In Russ.)
10. Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of Associative Data as a Methodogical Issue of Psycholinguistics. Russian Journal of Linguistics, 23(3), 749–761. (In Russ.)
11. Kashtanova, E. E. (1997). Lingvokulturologicheskie osnovaniya russkogo kontsepta lyubov (aspektny analiz) = Linguistic and cultural basis of Russian concept of love (aspect analisys): PhD in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)
12. Pishchalnikova, V. A. (2007). Istoriya i teoriya psiholingvistiki: kurs lektsiy = History and theory of psycholinguistics: a course of lectures. Part 2: Ethnopsycholinguistics. Moscow: MSLU. (In Russ.)
13. Kuznetsova, L. E. (2020). K voprosu o mekhanizme assotsiirovaniya v yazykovom soznanii individa = On the mechanism of association in the consciousness of the individual. Semiya i lichnost: problemy vzaimodejstviya, 17, 61–66.
14. Starostina, E. V. (2016). Faktory, vliyayushchie na assotsiativnoe povedenie ispytuemykh = Factors influencing associative behavior of subjects. Russkaya Ustnaya Rech, 2, 104–112. Saratov: Amirit. (In Russ.)
15. Vinogradova, O. E., Sternin, I. A. (2016). Psikholingvisticheskie metody v opisanii semantiki slova = Psycholinguistic methods in words semantics description. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
16. Jarceva, V. N. (ed.). (1990). Lingvistichesky entsiklopedichesky slovar = Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskyaya entsiklopediya. (In Russ.)
17. Komalova, L. R., Kalyuzhnaya, L. V. (2022). Broadening the ontology of threats verbalized in written communication on the Internet. Russian Journal of Linguistics, 26(3), 779–806. https://doi.org/10.22363/2687-0088-29939. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комалова Лилия Ряшитовна

доктор филологических наук, доцент
руководитель и ведущий научный сотрудник Центра эмерджентных практик
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук
профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komalova Liliya Ryashitovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Head and Leading Research Fellow of the Centre of Emerging Practices
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.04.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'23
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_35

Моделирование порождения текста на основе данных кейлоггеров и дистрибутивных семантических моделей: обоснование методологии и программа исследований

Т. А. Литвинова

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия
centr_rus_yaz@mail.ru

Аннотация. В современной экспериментальной психолингвистике активно используются кейлоггеры – программы для регистрации клавиатурного почерка. Их применение позволило получить новые научные данные о процессе порождения текста, но в то же время привело к появлению разного рода противоречивых сведений. В статье предлагается дополнить методологию исследований порождения текста с использованием кейлоггеров данными дистрибутивных семантических моделей о семантическом расстоянии между словами.

***Ключевые слова*:** порождение текста, кейлоггер, экспериментальная психолингвистика, дистрибутивные семантические модели, минимальные единицы порождения текста, клавиатурный текст

Благодарность. Исследование выполняется в Воронежском государственном педагогическом университете при поддержке гранта Российского научного фонда № 21-78-10148.

***Для цитирования*:** Литвинова Т. А. Моделирование порождения текста на основе данных кейлоггеров и дистрибутивных семантических моделей: обоснование методологии и программа исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 35–40. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_35

Original article

Modelling Writing Based on Keyloggers Data and Distributional Semantic Models: Justification of Methodology and Research Program

Tatiana A. Litvinova

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia
centr_rus_yaz@mail.ru

Abstract. In modern experimental psycholinguistics, keyloggers (i. e., programs for recording keyboard behavior) are actively used. Their application made it possible to obtain new scientific data on the process of text production, but at the same time led to the emergence of various contradictory information. We propose to supplement the methodology of text generation studies using keyloggers with data from distributional semantic models on the semantic distance between words.

***Keywords*:** writing process, keylogger, experimental psycholinguistics, distributional semantic models, minimal units of text production, keyboard text

Acknowledgment. The study is supported by Russian Science Foundation (grant N 21-78-10148).

***For citation*:** Litvinova, T. A. (2023). Modelling Writing Based on Keyloggers Data and Distributional Semantic Models: Justification of Methodology and Research Program. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 35–40 10.52070/2542-2197_2023_9_877_35

ВВЕДЕНИЕ

В большинстве направлений лингвистики текст традиционно исследуется как законченное речевое произведение, продукт речевой деятельности. Однако для решения ряда фундаментальных проблем языкознания, связанных в частности с построением и развитием теорий порождения текста, критически важным является анализ процесса порождения речевого высказывания. Появление новых программных средств, в частности регистраторов нажатий клавиш (кейлоггеров), обеспечило исследователя информацией о длительности нажатий на клавиши и пауз, вследствие чего оказало значительное влияние на развитие работ в области порождения текста.

Кейлоггеры позволяют детально анализировать процесс текстопорождения в различных условиях коммуникации. Причем новые программные средства в отличие, например, от айтрекеров не оказывают воздействия на респондентов.

Применение подобных программных средств, позволяющих реконструировать процесс создания текста, стало по сути «золотым стандартом» в области исследований письма (writing research). В большинстве работ, относящихся к означенной области лингвистики, тексты анализируются с использованием программы InputLog [Leijten, Waes, 2013], лингвистический модуль которой поддерживает голландский и английский языки.

Русский язык находится на периферии подобных исследований, в то время как отечественные ученые внесли важнейший вклад в развитие психофизиологии письма, разработку моделей порождения речи (труды Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева, Т. В. Ахутиной, Н. И. Жинкина, И. А. Зимней и т. д.). Как указывает Т. В. Ахутина, научные взгляды А. А. Леонтьева во многом определили многие современные исследования не только отечественных, но и ряда зарубежных ученых по данной проблеме (см. подробнее об этом: [Глухов, 2005]).

Однако в области исследований письма с использованием записей процесса текстопорождения существует много нерешенных и малоизученных проблем. В частности, многие исследователи отмечают, что лингвистические аспекты процесса порождения текста мало изучены: ученые уделяют внимание преимущественно характеру и местоположению пауз, а также анализу самоисправлений (ревизий). Как отмечается в работе [Mahlow, Ulasik, Tuggener, 2022], попыток глубокого лингвистического анализа процесса письма до сих пор предпринято не было, несмотря на то, что необходимость такого анализа неоднократно подчеркивалась.

В настоящей работе обоснована необходимость расширения методологии исследования порождения клавиатурного текста. Методологические новации, в свою очередь, обеспечиваются моделированием данных о семантическом расстоянии между лексемами. Эти данные могут быть успешно извлечены из дистрибутивных семантических моделей.

В данной работе предлагаются не только отдельно взятые методологические новации, но также излагается конкретная исследовательская программа по работе с ними.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИСТРИБУТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И КЕЙЛОГГЕРОВ В СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЯХ ПОРОЖДЕНИЯ ТЕКСТА

Современные модели порождения текста, разработанные зарубежными исследователями, сконцентрированы на объяснении когнитивных процессов и воспроизводят язык как средство передачи смысла (подробнее об этом: [Mahlow, Ulasik, Tuggener, 2022]).

Как отмечалось выше, отечественные психолингвисты разработали ряд моделей порождения связного высказывания, в которых уделялось внимание различным аспектам текстопорождения, в том числе лингвистическим. Отдельную научную проблему, которую решают отечественные исследователи, составляет выявление минимальных структурных единиц текстопорождения (см., например, работу [Кибрик, Подлесская, 2009], в которой рассматривается элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ) — «квант устного дискурса, минимальный шаг, при помощи которого говорящий продвигает дискурс вперед»). Однако, насколько нам известно, подобных исследований на материале письменных текстов для русского языка не существует.

Феномен текстопорождения мало исследован и в мировой науке в целом. В качестве одного из единичных примеров описания лингвистической природы аналога ЭДЕ в письменных текстах – bursts – возможно привести монографию французских авторов [Cislaru, Olive, 2018]. Однако в данной работе используется единственно паузальный критерий выделения элементарных единиц. Никакие другие критерии не рассматриваются.

Как известно, среди исследователей не достигнуто консенсуса в вопросе о том, какое пороговое значение пауз отделяет «когнитивные паузы» (то есть паузы, отражающие процесс построения высказывания, развертывание смысла) от «некогнитивных» [Baaijen, Galbraith, de Glopper, 2012]. Очевидно, однако, то, что различные авторы обладают

различной скоростью письма. Кроме того, в процессе создания текста авторы могут отвлекаться на посторонние мысли и т. д. Поэтому исследователи предпринимают попытки выделить индивидуальные пороговые значения на основании медианной длительности межклавишных интервалов и т. д. (Подробнее об этом см. в работе [Baaijen, Galbraith, de Glopper, 2012]). Очевидно, что опора только на паузальный критерий, без оценки контекста и без дополнительной лингвистической информации не может служить основой для получения достоверных результатов моделирования процесса порождения печатного текста.

Ряд исследовательских групп предпринимают попытки обогатить данные кейлоггеров лингвистической информацией путем применения средств автоматической лингвистической разметки, а именно частеречной и частичной синтаксической разметки (вследствие низкой точности). В работах последних лет представлены датасеты, содержащие данные кейлоггеров и размеченные по типам ревизий – как вручную, так и автоматически [Conijn, 2022], а также аннотацию по различным элементам текстопорождения [Miletić, 2022]. Следует также отметить, что перевод «сырых» данных кейлоггеров в лингвистически значимый формат (то есть перевод информации на уровень слов и пауз между ними) представляет собой отдельную техническую задачу. Она решается по-разному, что также влияет на результаты исследований.

Предпринимаются попытки визуализации данных записи процесса письма. Однако о механизмах визуализации говорится только применительно к символам и словам [Goodkind, 2021].

Появление кейлоггеров, специально предназначенных для академических исследований, привело к активизации исследований процесса создания письменного текста. В подобных работах не только уточняются теоретические концепции текстопорождения, но также решаются практико-ориентированные задачи. В частности, отдельное направление исследований связано с изучением влияния стратегий порождения текста (выделяемых на основе числа, продолжительности пауз и их местоположения) на его качество (на материале текстов как на родном, так и на иностранном языках). Исследуется эффективность рекомендаций по улучшению текста на основе данных кейлоггера [Vandermeulen, Steendam, Rijlaarsdam, 2023]. Многочисленными научными группами изучаются особенности порождения текста лицами с нейрогенеративными заболеваниями [Meulemans et al., 2022], перенесшими инсульт и т. д.

Если бы анализ текстопорождения, основанный преимущественно на исследовании пауз, был бы обогащен лингвистической информацией, возникла бы возможность разработки лечебных программ и систем социальной психотерапии. К ним относится диагностика нейрогенеративных заболеваний, система рекомендаций по улучшению построения связного текста и др. Поэтому исследователи предпринимают попытки лингвистической разметки данных кейлоггеров. Однако, как отмечалось выше, в основном работа, направленная на выявление механизмов текстопорождения, ограничивается частеречной разметкой. Особую ценность представляет ручная разметка, хотя ее выполнение трудоемко.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА

Представляется продуктивным обогащение данных кейлоггеров (после их приведения к пригодному для анализа виду) информацией о семантической близости слов и их последовательностей. Данная информация выявляется на основе векторных семантических моделей разных видов (как контекстно-независимых – word2vec, GloVe и др., так и контекстно-зависимых, например, BERT).

Исследование семантической связности текстов на основе подобных моделей является актуальным направлением исследований в медицине, в частности в неврологии и психиатрии (см. подробнее об этом: [Holmlund et al., 2022]). В подобных работах анализ текст рассматривается как диагностический инструмент и используется для выявления тех или иных заболеваний на ранней стадии, для описания динамики состояния пациента. В означенных случаях текст выступает как законченный продукт речевой деятельности. О работах, где использовались бы одновременно данные кейлоггера и семантической близости, нам неизвестно. Между тем текстовая диагностика сегодня получает все большее распространение.

Широко используется подобная методология в исследованиях креативности [Heinen, Johnson, 2018].

Создаются специальные веб-ресурсы и программные средства для расчета семантической связности текстов (см., например, [Beaty, Johnson, 2021]. Отметим, что названная работа, вышедшая менее чем два года назад, имеет более 100 цитирований, что свидетельствует о большом интересе научного сообщества к данной проблеме.

Однако подобные исследования сопряжены с проблемой выбора метрики семантической связности (какую меру брать для анализа – среднее семантическое расстояние между словами в тексте, минимальное расстояние, стандартное отклонение и т. д.; какую ширину окна выбрать и т. д.). Указанные вопросы по-разному решаются исследователями,

вследствие чего сопоставить полученные результаты может быть затруднительно.

В работе [Holmlund at al, 2022] впервые отмечается необходимость учета темпоральной информации как возможного решения названных проблем, но применительно к устному тексту. Работ по анализу письменного текста, направленных на исследование семантического расстояния между различными его элементами с учетом данных о паузах между ними, насколько нам известно, нет.

ПРЕДЛАГАЕМОЕ РЕШЕНИЕ: ОБЪЕДИНЕНИЕ ПОДХОДОВ

Приведенный анализ показывает, что текущий уровень развития исследований в области *writing research*, с одной стороны, и семантической связности текста – с другой, требует симбиоза методологий названных научных направлений, что будет способствовать развитию каждого из них.

Мы впервые предлагае впервые использовать для моделирования процесса письма, наряду с данными кейлоггера, данные о семантической близости единиц текстопорождения (слов, последовательностей из *n*-слов), вычисленные на основе векторных семантических моделей.

Полагаем, что моделирование процесса порождения письменного (печатного) текста путем сопоставления данных кейлоггера о паузах между различными последовательными элементами процесса текстопорождения и преодобученных семантических моделей о семантическом расстоянии между названными элементами в динамике (по ходу развертывания смысла связного речевого высказывания) необходимо проводить с учетом личностных характеристик авторов текстов и типа коммуникативного задания. Неотъемлемым элементом программы исследований является интерактивная визуализация результатов выполненного моделирования.

Исследование связи между значением семантического расстояния и длительностью пауз для элементов разной длины (мы рассматриваем в текущем проекте линейную структуру письменного текста) позволит расширить представление о лингвистических характеристиках процесса создания текста, в частности, о минимальных структурных единицах порождения письменного (печатного) текста.

Предлагаемая нами программа исследований предположительно может включать в себя следующие этапы:

1) **создание датасета нового типа**:
   - разработка анкеты, включающей в себя опросники, направленные на выявление особенностей когнитивной сферы респондентов, описание условий моделируемой коммуникативной ситуации (для текстов, созданных по заданию экспериментатора);
   - рекрутинг респондентов, сбор экспериментальных данных (текстов, созданных по заданию экспериментатора) и текстов, созданных в условиях естественной коммуникации, с использованием различных средств регистрации нажатий клавиш, предназначенных для академических исследований;
   - разработка скрипта по переводу «сырых» данных кейлоггера в данные, пригодные для дальнейшего анализа (слова, последовательности слов и длительности пауз между ними);
2) **экспериментальные исследования:**
   - расчет индивидуальных паузальных критериев, классификация их по длительности;
   - выделение единиц анализа – последовательностей слов разной длины на основании индивидуальных паузальных критериев (линейные события текстопорождения);
   - расчет семантической близости между выделенными на предыдущем этапе единицами с использованием различных семантических моделей, а также с использованием агрегированного критерия, расчет значений семантического расстояния между словами на границах пауз);
   - установление отношений между семантическим расстоянием и длительностью пауз с учетом индивидуального фактора, характеристик авторов и условий коммуникации;
   - выявление, на основании комбинированного паузально-семантического критерия, минимальных структурных единиц текстопорождения и определение их лингвистической природы (ручная разметка);
   - анализ динамики показателей семантической связности с учетом индивидуального фактора, характеристик авторов и условий коммуникации;
3) **визуализация результатов моделирования:**
   - разработка веб-приложения для интерактивной визуализации динамики семантического расстояния между выделенными структурными единицами на основании паузально-семантического критерия.

В лаборатории корпусной идиолектологии ВГПУ осуществлены наработки по названному направлению исследований.

В частности, сформирована база исследований в области экспериментальной идиолектной психолингвистики – первый русскоязычный датасет, содержащий видеозаписи процесса порождения текста, а также устные тексты информантов.

Датасет содержит как устные, так и письменные монологические и диалогические тексты респондентов, а также разметку по элементарным дискурсивным единицам (для устных текстов), разметку в программе ELAN – для видеозаписей письменных текстов.

На сформированном датасете проведены пилотные исследования клавиатурно-опосредованной индивидуальной речевой деятельности носителя русского языка в идентификационном аспекте, экспериментально и теоретически обосновано использование в идентификационных идиолектных исследованиях новых динамических стилеметрических маркеров, которые отражают особенности протекания идиолектной деятельности в реальном времени и взаимодействия субъекта с техническим устройством (более подробно об этом см.: [Litvinova, 2020]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, нами предложена методология, комбинирующая подходы, связанные с новейшими разработками в области экспериментальной и компьютерной лингвистики, – с исследованием клавиатурного почерка и дистрибутивно-семантическими моделями.

Описанная методология позволит получить следующие результаты:

- первый датасет на русскоязычном материале, содержащий данные о процессе порождения текста, финальный продукт (тексты) и многослойную разметку;
- новые научные данные об отношениях между семантическим расстоянием и длительностью пауз с учетом индивидуального фактора, характеристик авторов и условий коммуникации;
- данные о лингвистических характеристиках и типах минимальных структурных единиц текстопорождения, выделенных на основании комбинированного паузально-семантического критерия;
- новые научные данные о динамике показателей семантической связности с учетом индивидуального фактора, характеристик авторов и условий коммуникации;
- веб-приложение для интерактивной визуализации динамики процесса порождения текста на основе данных кейлоггера и векторных семантических моделей.

Ожидаемые научные результаты не только позволят расширить теоретические представления о процессе порождения письменного текста, его этапах, структурных единицах, влиянии на названный процесс характеристик авторов и коммуникативной ситуации, но также будут способствовать решению различных прикладных задач. В частности, результаты анализа текстопорождения могут быть использованы:

- для разработки методов оценки динамики состояния пациентов с различными нейрогенеративными заболеваниями;
- для разработки методов диагностирования креативности на основе анализа текста;
- для повышения эффективности рекомендаций по улучшению качества текста;
- при разработке программных продуктов, направленных на улучшение систем коррекции ввода текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Leijten M., Van Waes L. Keystroke logging in writing research: Using Inputlog to analyze and visualize writing processes // Written Communication. 2013. № 30(3). P. 358–392.
2. Глухов В.П. Основы психолингвистики. М.: АСТ: Астрель, 2005.
3. Mahlow C., Ulasik M.A. Tuggener D. Extraction of transforming sequences and sentence histories from writing process data: a first step towards linguistic modeling of writing // Read Writ. 2022.
4. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.) М.: ЯСК, 2009.
5. Cislaru G., Olive T. Le processus de textualisation. Analyse des unités linguistiques de performance écrite = Анализ порождения текста. Минимальные единица порождения текста. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2018.
6. Baaijen V. M., Galbraith D., de Glopper, K. Keystroke analysis: Reflections on procedures and measures // Written Communication. 2012. № 29(3). P. 246–277.
7. Conijn R. et al. A product-and process-oriented tagset for revisions in writing // Written Communication. 2022. T. 39, № 1. P. 97–128.
8. Miletic A. et al. Pro-TEXT: an Annotated Corpus of Keystroke Logs // Proceedings of LREC. 2022. P. 1732–1739
9. Goodkind A. TypeShift: A User Interface for Visualizing the Typing Production Process. 2021. arXiv:2103.04222.
10. Vandermeulen N., Steendam E. Van, Rijlaarsdam G. Writing Process Feedback Based on Keystroke Logging and Comparison with Exemplars: Effects on the Quality and Process of Synthesis Texts // Written Communication. 2023. № 40 (1). P. 90–144.

11. Meulemans, C. et al. (2022). Cognitive Writing Process Characteristics in Alzheimer's Disease // Frontiers in psychology. № 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.872280.
12. Holmlund T. B. et al. Towards a temporospatial framework for measurements of disorganization in speech using semantic vectors. Schizophrenia research. 2022. DOI: 10.1016/j.schres.2022.09.020.
13. Heinen D.J.P., Johnson D. R. Semantic distance: An automated measure of creativity that is novel and appropriate // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2018. № 12 (2). P. 144.
14. Beaty R. E., Johnson D. R. Automating creativity assessment with SemDis: An open platform for computing semantic distance // Behavior research methods. 2021. 53(2). P. 757–780.
15. Litvinova T. Process-oriented characteristics of an idiolect for authorship attribution of heterogeneous texts: A pilot study // CEUR Workshop Proceedings. 2020. Vol. 2780. P. 3–6.

REFERENCES

1. Leijten, M., Van Waes, L. (2013). Keystroke logging in writing research: Using Inputlog to analyze and visualize writing processes. Written Communication, 30(3), 358–392.
2. Gluxov, V. P. (2005). Osnovy psyholingvistiki = Foundations of psycholinguistics. Moscow: AST: Astrel. (In Russ.)
3. Mahlow, C., Ulasik, M. A., Tuggener, D. (2022). Extraction of transforming sequences and sentence histories from writing process data: a first step towards linguistic modeling of writing. Read Writ.
4. Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (eds.). (2009). Rasskazy o snovideniyah: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo discursa = Stories about dreams. A Corpus study of Russian oral discourse. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
5. Cislaru, G., Olive, T. (2018). Le processus de textualisation. Analyse des unités linguistiques de performance écrite. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur. (In French).
6. Baaijen, V. M., Galbraith, D., de Glopper, K. (2012). Keystroke analysis: Reflections on procedures and measures. Written Communication, 29(3), 246–277.
7. Conijn, R. et al. (2022). A product-and process-oriented tagset for revisions in writing. Written Communication. 39(1), 97–128.
8. Miletic, A., et al. (2022). Pro-TEXT: an Annotated Corpus of Keystroke Logs. In Proceedings of LREC (pp. 1732–1739).
9. Goodkind, A. (2021). TypeShift: A User Interface for Visualizing the Typing Production Process. arXiv preprint arXiv:2103.04222
10. Vandermeulen, N., Steendam, E. Van, Rijlaarsdam, G. (2023). Writing Process Feedback Based on Keystroke Logging and Comparison with Exemplars: Effects on the Quality and Process of Synthesis Texts Written Communication, 40(1), 90–144.
11. Meulemans, C. et al. (2022). Cognitive Writing Process Characteristics in Alzheimer's Disease. Frontiers in psychology, 13. 10.3389/fpsyg.2022.872280.
12. Holmlund, T. B. et al. (2022). Towards a temporospatial framework for measurements of disorganization in speech using semantic vectors. Schizophrenia research. 10.1016/j.schres.2022.09.020.
13. Heinen, D. J. P, Johnson, D. R. (2018). Semantic distance: An automated measure of creativity that is novel and appropriate. Psychology of Aesthetics, Creativity and the Arts, 12(2). 10.1037/aca0000125..
14. Beaty, R. E., Johnson, D. R. (2021). Automating creativity assessment with SemDis: An open platform for computing semantic distance. Behavior research methods, 53(2), 757–780.
15. Litvinova, T. (2020). Process-oriented characteristics of an idiolect for authorship attribution of heterogeneous texts: A pilot study. CEUR Workshop Proceedings, 2780, 3–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвинова Татьяна Александровна

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории компьютерной семасиологии
Воронежского государственного педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Litvinova Tatiana Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Leading Researcher in Computer Semasiology Laboratory, Voronezh State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию	24.04.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_41

Речевое действие как реализация психологического значения (на материале ассоциативного поля лексемы *гражданин*)

В. А. Пищальникова[1], Н. И. Степыкин[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, pishchalnikova@mail.ru*
[2]*Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия, nick1086@mail.ru*

Аннотация. Психологически актуальное для человека значение слова репрезентирует динамику его отношений с действительностью, которые являются постоянным источником порождения смыслов и изменения языковой компетентности формирующейся личности. На материале ассоциативного поля лексемы *гражданин*, представленного в «Русском ассоциативном словаре» и «Мультилингвальном ассоциативном тезаурусе вежливости», авторы показывают методы установления предикативных отношений между стимулом и реакцией, в которых представлена принципиальная динамика смыслов слова.

Ключевые слова: ассоциативное поле, психологическое значение, личностный смысл, речевое действие, слово, стимул, ассоциат, языковая способность, языковая компетенция

Для цитирования: Пищальникова В. А., Степыкин Н. И. Речевое действие как реализация психологического значения (на материале ассоциативного поля *гражданин*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 41–48. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_41

Original article

Speech Action as Realization of the Psychological Meaning (based on the associative field of the lexeme *citizen*)

Vera A. Pishchalnikova[1], Nikolay I. Stepykin[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, pishchalnikova@mail.ru*
[2]*National Research University "MPEI", Moscow, Russia, nick1086@mail.ru*

Abstract. The psychologically relevant meaning of a word for a person represents the dynamics of his relationship with reality, which is a constant source of generating meanings and changing the linguistic competence of the emerging personality. Based on the associative field of the lexeme citizen, presented in the "Russian Associative Dictionary" and the "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness", the authors show methods for establishing predicative relationships between stimulus and reaction, in which the fundamental dynamics of the meanings of the word is presented.

Keywords: associative field, psychological meaning, personal sense, speech action, word, stimulus, associate, language ability, language competence

For citation: Pishchalnikova, V. A., Stepykin, N. I. (2023). Speech action as realization of the psychological meaning (based on the associative field of the lexeme *citizen*). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 41–48. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_41

ВВЕДЕНИЕ

Мир значений, в котором мы живем, формирует развитие психики индивида, поскольку слово – это и инструмент мыслительной деятельности человека, и зафиксированные структуры знания, и реальное представление актуальных смыслов, и указатель пути приобретения этого знания: «оперирование символом как "знаком" предполагает <…> не реконструкцию денотата этого знака, а реконструкцию субъективной ситуации … понимания» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 99]. Совокупность всех перечисленных свойств позволяет рассматривать слово как ментальное пространство осуществления мысли (Л. С. Выготский). Слово существует одновременно и в качестве знака, который «останавливает» мысль в слове, но не уничтожает его принципиально динамичного содержания. Оно сохраняется в силу постоянного участия слова в речевой деятельности людей. В такой деятельности, с одной стороны, человек овладевает «течением собственных психологических процессов с помощью функционального употребления слова или знака» [Выготский, 1996, с. 133], с другой, по А. А. Залевской, – слово является средством включения знания в ассоциативно-вербальную сеть и образования личностных смыслов на этой базе: «за каждым словом лежит широчайшая сеть связей, позволяющая так или иначе учитывать множество разнообразных выводных знаний, ситуаций, возможных следствий и т. д., которые выводятся на табло сознания только в случаях необходимости, но всегда определяют тот фундамент, благодаря которому становится возможным взаимопонимание между людьми» [Российская психолингвистика… 2021, с. 279]. Эта «сеть связей», в которую включено слово, в силу пластичности нейронов и динамичности нейрофизиологической организации, лежащей в основе сети, принципиально подвижна, и потому детерминирует развитие языковой способности носителей языка.

На данном этапе развития лингвистики отечественные и зарубежные исследователи применяют различные экспериментальные методы для изучения динамики актуальных смыслов и языковой способности индивида. К числу этих методов относится свободный ассоциативный эксперимент (см.: А. А. Леонтьев, Ю. Н. Караулов, А. А. Залевская, Е. Н. Гуц, D. L. Nelson, C. L. McEvoy, N. Schreiber, V. M. McKinny, T. Fitzpatrick и мн. др.). При этом подчеркивается, что эффективность использования ассоциативного эксперимента для установления закономерностей порождения личностных смыслов и объяснения их вариативности в значительной степени зависит от точности и глубины анализа интерпретации предикативных отношений между стимулом и ассоциатом [Ассоциативный эксперимент … 2019].

Мы подчеркиваем, что только оперирование знаком в речемыслительной деятельности приводит к появлению личностных смыслов, но свободное ассоциирование тоже может быть рассмотрено как речемыслительный процесс, поскольку между стимульным словом и ассоциатом устанавливаются предикативные отношения, часто осложненные модальностью. Поэтому любое соотношение стимул – реакция может рассматриваться как речевое действие, порождающее спонтанные, практически бесконечные личностные смыслы. На базе множеств смыслов, представленных в вербальных ассоциативных полях, можно устанавливать способы действования со словом как специфические операции со словесными знаками [Пищальникова, 2019].

Высказанные положения являются принципиальными для нашего подхода к анализу речевой деятельности и речевого действия как ее составляющей. Они определяют постановку цели работы – показать возможности диагностирования языковой способности индивида и ее структурно-содержательной динамики путем анализа речевого действия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования используются ассоциативные поля (далее АП) лексемы *гражданин*, представленные в Русском ассоциативном словаре [Караулов, 2002] (далее РАС. – *В. П.*, *Н. С.*) и «Мультилингвальном ассоциативном тезаурусе вежливости» [Степыкин, Миронова, 2020] (далее МАТВ. – *В. П.*, *Н. С.*), позволяющие осуществлять сопоставление лексического состава АП и выявлять динамику их структуры.

Материал анализируется с применением дефиниционного анализа. Его цель – сопоставление инвариантных значений стимульных лексем с личностными смыслами, обнаруженными в свободном ассоциативном эксперименте. Метод моделирования ассоциативного поля лексемы-стимула и сравнения полученных полей позволяет выявить их структурно-содержательную динамику. Зондирование ассоциативного поля, признаковый анализ предикации компонентов речевого действия – необходимое подспорье для выявления личностных смыслов, которые возникают в ситуативном контексте словоупотребления. В речевом действии, в первую очередь, анализируются лексемы-ассоциаты как средства предицирования между стимулом и вербальной реакцией. Средства предицирования позволяют обнаружить, какие содержательные компоненты стимульного слова чаще активируются как основания ассоциирования:

(1) понятийные (*гражданин – страна*), (2) эмоционально-оценочные (*гражданин – гордость*), (3) смыслы-представления (*гражданин – кожаное пальто*), (4) ассоциирование осуществляется на основе операциональной редупликации клишированных языковых выражений, в том числе связанных с прецедентными феноменами или их модификациями и не проявляет личностного смысла респондента (*гражданин – Советского Союза, гражданин – пройдемте, гражданин – Шарапов; гражданин – Никаноров*). Категоризация средств предицирования в паре стимул – реакция позволяет выделить способы предицирования, отражающие полноту цикла синтаксирования речевого действия (смысловое, семантическое, поверхностное синтаксирование).

ТИПЫ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО СПОСОБАМ ПРЕДИЦИРОВАНИЯ

Завершенность цикла синтаксирования, по мнению авторов модели речепорождения Леонтьева – Рябовой, является одним из существенных параметров речевого действия, опосредованно свидетельствующих об уровне языковой компетентности индивида. Т. В. Ахутина выделяет речевые действия полного (далее РД-1. – *В. П., Н. С.*) и неполного цикла синтаксирования (далее РД-2. – *В. П., Н. С.*) [Ахутина, 2007]. К РД-1 относим пару стимул–реакция, формирующую сочетания слов, находящихся в предикативных отношениях. (Эти слова связаны по смыслу и грамматически). РД-2, как правило, реализуются с помощью синтаксических примитивов (*гражданин – магазин, гражданин – газета* и под.) – структур, в которых пропущены операции семантического и поверхностного синтаксирования.

Сопоставим по параметру полноты цикла синтаксирования речевые действия, представленные в АП *гражданин* в РАС и МАТВ (см. табл. 1).

Таблица 1

ТИПЫ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОСТАВЕ АП ЛЕКСЕМЫ *ГРАЖДАНИН* В РАС И МАТВ

АП лексемы *гражданин* (РАС)				**АП *гражданин* лексемы (МАТВ)**			
РД-1, кол-во	**%**	**РД-2, кол-во**	**%**	**РД-1, кол-во**	**%**	**РД-2, кол-во**	**%**
СССР 109	92	паспорт 9	8	человек 30	70	страна 16	30
товарищ 41		государство 4		России 15		Россия 8	
начальник 38		магазин 2		страны 12		родина 6	
страны 35		общество 2		РФ 11,		государство 5	
Советского Союза 26		Россия 2		житель 10,		общество 4	
России 18		Советский Союз 2		патриот 6		паспорт 4	
советский 14		вежливость		товарищ 6		конституция 2	
хороший 13		газета		законопослушный 2		воин 2	
Союза 11		граница		начальник 2		волк	
республики 9		громко		россиянин 2		герб	
следователь 7		закон		в тюрьме		закон	
в шляпе 6		карантин		галактики		патриотизм	
милиционер 6		кожаное пальто		даже не житель страны		позиция	
мира 6		конституция		икс		права и обязанности	
Страны Советов 5		кусок		иностранец		покорность	
честный 5		любовь		космополит		полиция	
вселенной 4		митинг		личность			
гражданка 4		мусор, ноль		мира			
патриот 4		перестройка		нелицеприятный,			
США 4		республика		нонконформист			
пройдемте 3		Родина		не гражданин			
Маяковский 3		семья, смех		никто			
житель 2		строчки из стих.		обороны			
мужик 2		Маяковского,		обязан, особо опасный			
Иванов 2		отвращение		полицейский, поэт			
Кейн 2		фонарик, честь		привет, проживающий			
гордо 2		глупо, гордость		в стране, Путин, раб			
достойный 2		обязанность, право		рабочий			
общества 2		хотеть, честность		…			

Данные таблицы 1 демонстрируют значительное сокращение РД-1 в структуре АП лексемы *гражданин* (92,0 % в РАС и 70,0 % в МАТВ), что опосредованно указывает на возможное снижение уровня языковой компетенции; оно проявляется в отсутствии операций семантического и поверхностного синтаксирования у значительного количества испытуемых (20,0 % от общего числа). В эксперименте 2020 года обнаружено 30,0 % речевых действий неполного цикла синтаксирования и увеличение доли топик-коммент структур в четыре раза (24,0 % против 6,0 % в РАС). В таких структурах не реализуются операции семантического и поверхностного синтаксирования, которые свидетельствуют о полной сформированности двух высших этапов речепорождения.

Изменение в средствах предицирования в паре стимул – реакция тоже указывает на изменения содержательной структуры слова-стимула. С целью их определения сопоставим АП лексемы *гражданин* по данным РАС и МАТВ, распределив ассоциаты в соответствии с моделью распределительной актуализации личностного смысла (см. табл. 2).

РАС включает в себя данные экспериментов, которые проводились в 1986 – 1997 годы, что естественным образом отразилось в признаках ассоциирования, репрезентирующих психологически актуальные смыслы. В 29,0 % речевых действий респондентов акцентирована связь стимула *гражданин* с СССР (*СССР, Советского Союза, советский, Союза, Страны Советов, Советов, Союза Советских Социалистических, Союза СССР*). Новая форма государственного объединения СНГ, образованная после распада СССР, несмотря на ее объективную социально-политическую актуальность, в течение последних шести лет, когда создавался словарь, оставила незначительный след в ассоциативно-вербальной сети*: гражданин СНГ* (0,3 %). 35,0 % реакций актуализируют смыслы, связанные с национальной идентичностью, в том числе 5,7 % – непосредственно с этнонимом *Россия*. Только 1,5 % реакций обнаруживают смыслы, указывающие на иные страны (США, Америку, Францию, Швецию).

Представим соотношение разных типов реакций в структуре АП *гражданин* по данным РАС схематично (см. рис. 1).

Таблица 2

ТИПОЛОГИЯ РЕАКЦИЙ В СОСТАВЕ АП *ГРАЖДАНИН* ПО ДАННЫМ РАС

Типы реакций	Ассоциаты, кол-во	Доля, %
Понятийные реакции	товарищ 41, человек 28, государство 4, патриот 4, житель 2, общество 2, бесправный, закон, конституция, личность, обязанность, право, представитель страны, республика, Родина, субъект	15
Реакции-представления	паспорт 9, Маяковский 3, мужик 2, магазин 2, поэт 2, Россия 2, Советский Союз 2, альпинист, В. Маяковский, Васек, Ватсон, в брюках, в транспорте, вежливость, газета, граница, громко, деревянный, дядька, дядя Степа, если с кошельком, женщина, интеллигент, карантин, кожаное пальто, Лешка, митинг, момент, осетин, перестройка, семья, собрат, соратник, строчки из стих. Маяковского, спортсмен, управдом, умел, упал, фининспектор, фонарик, хотеть, царь, человек без лица, человек в трамвае, человек слова, Чернышевский, что-то туманное, чувак, Шарапов, это люди, я	12
Эмоционально-оценочные реакции	хороший 13, честный 5, гордо 2, достойный 2, ответственный 2, важный, великий, внимательный, воспитанный, герой, глупо, гордость, гордый, добросовестный, злой, истинный, как гражданин, кусок, любовь, мусор, наглый, невежливый, ноль, образцовый, отвращение, подонок, полнокровный, принципиальный, равнодушный, серьезный, смех, скромный, толстый, умный, худой, честность, честь, чинный	10
Операциональные ассоциаты	СССР 109, начальник 38, страны 35, Советского Союза 26, России 18, советский 14, Союза 11, республики 9, следователь 7, в шляпе 6, милиционер 6, мира 6, Страны Советов 5, вселенной 4, гражданка 4, США 4, пройдемте 3, Иванов 2, Кейн 2, общества 2, , отечества 2, почетный 2, РФ 2, своей страны 2, СНГ 2, Советов 2, Франции 2, «Ж», Америки, безбилетный, во вселенной, вы не правы, высокий, Гадюкин, галактики, и закон, и милиционер, и паспорт, и человек, идет, из Сан-Франциско, известный, икс, инспектор, , московский, мужайся, мужчина, нашего города, нашей родины, незнакомый, Никаноров, обязан, один, очередной, пройдемте!, разрешите пройти, своего отечества, своей Родины, себя, села, , Союза Советских Социалистических, Союза СССР, стойте, стоять, такой-то, товарищ-барин, убегающий, Швеции	63

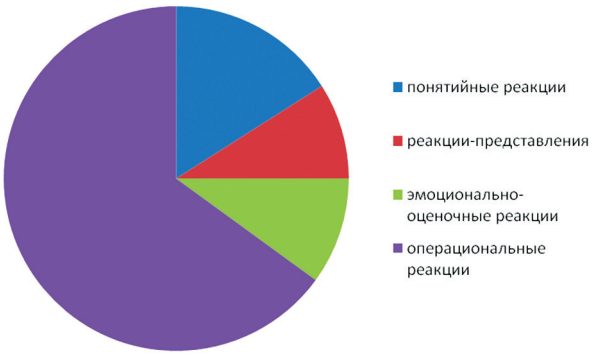


Рис. 1. Типы реакций в структуре АП лексемы *гражданин* (по данным РАС)

Очевидно, что в структуре АП лексемы *гражданин* преобладают операциональные ассоциаты (63,0 %, в том числе самая частотная операциональная реакция *СССР* – 8,5 %), что свидетельствует о неосознаваемой актуализации инвариантного содержания клишированного языкового выражения *гражданин СССР*. Вторая по частотности операциональная реакция *начальник* (6,5 %), а также ассоциаты *следователь* (1,1 %) и *милиционер* (1 %) актуализируют распространенные формы обращения к разным официальным лицам МВД, не только характерные для участников специфической коммуникации, но и активно поддерживаемые многочисленными кинофильмами, художественной литературой и др. К операциональным реакциям относятся и ассоциаты, активирующие прецедентные феномены и их компоненты: *гражданин Кейн, гражданин Гадюкин, гражданин из Сан-Франциско, гражданин-товарищ-барин*. («Вы этого от меня никогда не дождетесь, гражданин Гадюкин!» – фраза из рассказа В. Драгунского о постановке детской пьесы, в которой честный советский человек отказывается сотрудничать с резидентом иностранной разведки). «Гражданин Кейн» – американский драматический кинофильм 1941 года. Герой фильма, изначально преданный службе обществу, превращается в человека, использующего деньги и власть для постоянного удовлетворения собственных желаний. Опорой для активации речевого действия *гражданин из Сан-Франциско*, видимо, послужило произведение И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско». Универсальное обращение, придуманное героем художественного фильма 1977 года «Трактир на Пятницкой», *гражданин-товарищ-барин* отражает безвременье, когда старое обращение запрещено как политически неверное, а новое еще не стало повсеместным. Такая реакция тоже операциональна, поскольку она не представляет индивидуального характера предикации, а активирует устойчивый языковой элемент на основе общности слова *гражданин* в стимуле и реакции.

На прецедентные тексты прямо или личностно опосредованно указывают и реакции-представления (*Маяковский, Ватсон, В. Маяковский, дядя Степа, строчки из стих. Маяковского, Чернышевский, Шарапов*).

Понятийные ассоциаты составляют 15,0 % от общего количества реакций. Чтобы продемонстрировать актуализацию понятийного компонента значения слова-стимула, рассмотрим словарную статью лексемы *гражданин* в четырехтомном академическом толковом словаре русского языка (далее МАС) и Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2006]. Согласно первой дефиниции, *гражданин* – «лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все установленные законами обязанности» [МАС, с. 342]. В словаре Т. Ф. Ефремовой в связи с происшедшими социально-культурными изменениями из предыдущей дефиниции МАС исчезает определение постоянное (население), но все другие семантические компоненты сохраняются: «лицо, принадлежащее к населению какого-либо государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все обязанности, установленные законами этого государства; подданный какого-либо государства» [Ефремова, 2006]. Этот понятийный компонент представлен реакциями *государство, житель, общество, закон, конституция, личность, обязанность, право, представитель страны, республика, субъект*. Второе значение «взрослый человек, мужчина, а также форма обращения к нему» реализуется в реакциях *товарищ* и *человек*; третье значение «человек, служащий родине, народу, заботящийся об общественном благе» – в реакциях *общество, патриот, Родина*. Таким образом, ядерные инвариантные семы лексемы *гражданин* представлены в личностных смыслах, репрезентированных респондентами в отношениях слова-стимула и ассоциата (всего в 16,0 % случаев).

Эмоционально-оценочные реакции (10,0 % от общего количества ассоциатов) в 27,3 % случаев демонстрируют негативную коннотацию, соотносимую с лексемой *гражданин*, в 72,7 % – положительную.

Типология средств предицирования по данным МАТВ на стимул *гражданин* такова (табл. 3).

Таблица 3

Типы реакций	Ассоциаты, кол-во	Доля, %
Понятийные реакции	человек 30, страна 16, житель 10, патриот 6, родина 6, товарищ 6, государство 5, паспорт 4, общество 4, конституция 2, житель страны, закон, личность, не гражданин, патриотизм, позиция, права и обязанности, проживающий в стране, страны патриот	53
Реакции-представления	Россия 8, воин 2, россиянин 2, герб, иностранец, космополит, полиция, поэт, Путин	10
Эмоционально-оценочные реакции	волк, нелицеприятный, нонконформист, никто, особо опасный, покорность, раб, удобный государству, хороший, честный	6
Операциональные ассоциаты	России 15, страны 12, РФ 11, законопослушный 2, начальник 2, в тюрьме, галактики, даже не, икс, мира, обороны, обязан, полицейский, привет, рабочий, Российской Федерации, Советского Союза, США, я	31

Сравнительный анализ типов реакций АП в РАС и МАТВ показывает значительные изменения в средствах предикации (ср.: рис. 1 и рис. 2*)*.

Понятийные ассоциаты доминируют в структуре АП лексемы *гражданин* МАТВ и составляют 53,0 %, что на 37,0 % больше, нежели по данным РАС. Самая частотная реакция в МАТВ – *человек* (16,0 %), в РАС она представлена 5,0 % реакций. В МАТВ появляется частотный ассоциат *страна* (3,0 %); на 5,0 % возросла частотность речевого действия *гражданин – житель*.

Доля операциональных реакций в структуре ассоциативного поля значительно уменьшилась – на 34,0 %, что обнаруживает серьезные изменении в полноте реализации всех этапов продуцирования речевого действия. Доля операционных реакций в структуре ассоциативного поля уменьшилась на 34,0 %. Показатель значительный. Он указывает на серьезные изменения в полноте реализаций всех этапов продуцирования речевого действия. В речевых действиях респондентов актуализируется их принадлежность к своей стране (*России, РФ, Россия, россиянин*), но по сравнению с РАС частотность таких речевых действий значительно снизилась (20,0 % против 35,0 %), что может указывать на изменения в структуре национальной идентичности.

Доля ассоциатов-представлений в сравниваемых данных практически не изменилась (9 – 10 %), однако их содержание стало другим. В МАТВ актуализируются смыслы, символически указывающие на государство или его институты (*герб, Путин, полиция*), а реакции, даже единичные, характерные для РАС, демонстрирующие культурные смыслы (*Маяковский, паспорт, Ватсон, Шарапов* и под.), в эксперименте 2020 года не обнаружены.

Доля эмоционально-оценочных ассоциатов в структуре АП уменьшилась на 4,0 %, что свидетельствует о некотором снижении степени личностного осмысления понятия, обозначенного словом-стимулом. Сравнительная динамика средств предицирования по данным словарей представлена на рисунке 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительный анализ ассоциативных полей лексемы *гражданин* по данным Русского ассоциативного словаря (данные конца 80-х – начала 90-х годов) и проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» (эксперимент

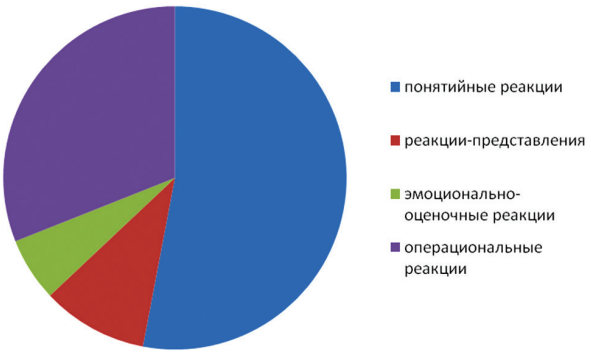


Рис. 2. Типы реакций в структуре АП *гражданин* (по данным МАТВ)

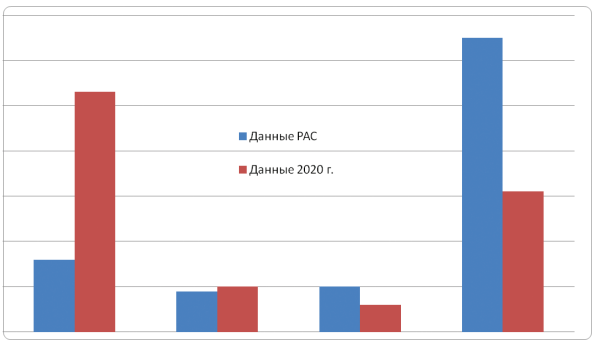


Рис. 3. Динамика средств предицирования на стимул *гражданин*

2020 года) выявил значительные изменения в содержании и структуре ассоциативных полей исследуемого слова. Они свидетельствуют об изменении в характере продуцирования речевого действия.

Во-первых, на 22,0 % уменьшилась активация речевых действий полного цикла синтаксирования. Доля речевых структур, включающих в себя только операции смыслового синтаксирования, увеличилась на 18,0 %. Полученные данные выявляют у значительной части респондентов затруднения в продуцировании речевых действий полного цикла синтаксирования. Эти затруднения могут свидетельствовать об упрощении механизма речепорождения у значительной части респондентов.

Во-вторых, изменение в средствах предицирования свидетельствуют о начале изменения коннотативного компонента значения лексемы-стимула: доля эмоционально-оценочных ассоциатов в структуре АП уменьшилась на 4,0 %. Основными средствами предицирования для современных испытуемых являются реакции, представляющие понятийные компоненты значения слова (53,0 % в МАТВ против 37,0 % в РАС), причем самым частотным речевым действием является *гражданин – человек*. Доля операциональных реакций в структуре ассоциативного поля уменьшилась на 34,0 %, что свидетельствует, наряду с другими характеристиками, о снижении уровня оперирования языковыми структурами.

Анализ речевого действия на основе состава АП слова-стимула позволяет выделить несколько актуальных направлений психолингвистического исследования: установление динамики личностного смысла, диагностирование языковой способности индивида, изучение содержательных характеристик этнической и социальной идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафорические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Наука, 1997.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. Москва: Лабиринт, 1996.
3. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): коллективная монография / науч. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания РАН, ММА, 2021. URL: http://dx.doi.org/10.30982/978-5-6045633-7-3.
4. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / Пищальникова В. А. и др. / под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Р. Валент, 2019.
5. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 3. С. 749 –761. URL: http://dx.doi.org/10.22363/23129182-2019-23-3-749-761.
6. Степыкин Н. И., Миронова Д. М. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости. Курск: Университетская книга, 2020.
7. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: Астрель: АСТ, 2002.
8. Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967–2005 // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 13–27.
9. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2006: URL: efremova.slovaronline.com/?ysclid=levcrl5wza989026073.

REFERENCES

1. Mamardashvili, M. K., Pyatigorsky, A. M. (1997). Simvol i soznanie. Metaforicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazy`ke = Symbol and consciousness. Metaphorical reasoning about consciousness, symbolism and language. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Vygotskij, L. S. (1996). My`shlenie i rech`. Psixologicheskie issledovaniya = Thinking and speech. Moscow: Labirint. (In Russ.)
3. Sternin, I. A., Ufimceva, N. V., Myagkova, E. Yu. (Ed.). (2021). Rossijskaya psixolingvistika: itogi i perspektivy` = Russian psycholinguistics: results and prospects 1966–2021. Moscow: Institute of Linguistics RAS, MMA. http://dx.doi.org/10.30982/978-5-6045633-7-3. (In Russ.)
4. Pishhal`nikova, V. A et al. (2019). Associativny`j e`ksperiment: teoreticheskie i prikladny`e perspektivy` psixolingvistiki = Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics. Moscow: R. Valent. (In Russ.)

5. Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of Associative Data as a Methodogical Issue of Psycholinguistics. Russian Journal of Linguistics, 23(3), 749 –761. http://dx.doi.org/10.22363/23129182-2019-23-3-749-761. (In Russ.)
6. Stepykin, N. I., Mironova, D. M. (2020). Proekt mul'tilingval'nogo ssociativnogo tezaurusa vezhlivosti = The project of a multilingual associative thesaurus of politeness. Kursk: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
7. Karaulov, Yu. N. (2002). Russkij associativny`j slovar` kak novy`j lingvisticheskij istochnik i instrument analiza yazy`kovoj sposobnosti = Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for the analysis of language ability. Moscow: Astrel': AST. (In Russ.)
8. Ahutina, T. V. (2007). Model` porozhdeniya rechi Leont`eva-Ryabovoj: 1967–2005 = Leontiev-Ryabova's model of speech generation: 1967–2005. Journal of Psycholinguistics, 6, 13–27. (In Russ.)
9. Efremova, T. F. (2006). Sovremenny`j tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka = Modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Astrel': AST. efremova.slovaronline.com/?ysclid=levcrl5wza989026073. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Института иностранных языков им. Мориса Тореза Московского государственного лингвистического университета
заведующий лабораторией психолингвистики Московского государственного лингвистического университета

Степыкин Николай Иванович

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pishchalnikova Vera Anatolyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University
Head of the Laboratory of Psycholinguistics, Moscow State Linguistic University

Stepykin Nikolay Ivanovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Foreign Languages of National Research University "MPEI"

Статья поступила в редакцию	21.04.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

КОММУНИКАЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ

Научная статья
УДК 81-114.4
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_49

Семиозис естественной коммуникации: детерминанты в вариативности

К. С. Карданова-Бирюкова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
kardanova-birukovaks@mgpu.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в разработке модели естественной коммуникации как семиотической среды, задающей ориентиры в процессе смыслопорождения.
Детерминируют эту динамику языковые единицы – фиксаторы смыслов и речевые действия как социально закрепленные способы трансляции смыслов. Методологическая основа задается теорией аутопоэза – одного из магистральных направлений теории систем. Этот подход позволяет планировать исследование с учетом пластичности субъекта коммуникации, проявляющейся в его постоянном конструировании среды, в том числе вербальном.

***Ключевые слова*:** коммуникация, семиозис, аутопоэтическая теория, общая теория систем, экспериментальное исследование, речевое действие, субъект коммуникации, среда, моделирование

***Для цитирования*:** Карданова-Бирюкова К. С. Семиозис естественной коммуникации: детерминанты в вариативности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 49–56. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_49

Original article

Semiosis of Interpersonal Communication: Determinants in Variability

Ksenia S. Kardanova-Biryukova

Moscow City University, Moscow, Russia
kardanova-birukovaks@mgpu.ru

Abstract. The research aims to design a model in which communication presents a multi-component semiotic environment, where sense production is effected. Its dynamics is determined by language units which serve as sense fixators and speech actions as socially acceptable tools of sense explication and translation. The methodological framework of our research is formed by autopoiesis – an avenue of the systems theory – which focuses on the essential plasticity of the system. This approach helps focus on the plasticity of a communicant who is continuously restructuring his / her environment.

***Keywords*:** communication, semiosis, autopoiesis, the systems theory, experiment, speech action, communicant, communication environment (medium), modeling.

***For citation*:** Kardanova-Biryukova, K. S. (2023). Semiosis of interpersonal communication: determinants in variability. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (877), 49–56. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_49

ВВЕДЕНИЕ

Изучение коммуникации как динамического социального феномена осуществляется инструментами различых наук. Устойчивый интерес к такому явлению детерминирован его структурной сложностью, определяющейся воздействием многочисленных разноприродных факторов. Поэтому исследование коммуникации происходит с опорой на ряд методов, среди которых магистральными являются: структурно-типологический, интеракциональный, психолингвистический и др.

Семиотическая и структурная сложность коммуникации, позволяющая рассматривать ее как среду, в которой происходит смыслопорождение коммуниканта, требует дальнейшего исследования, а оно, в свою очередь, невозможно без теоретических обобщений, способствующих установлению сущностных черт коммуникативного процесса.

Цель исследования состоит в представлении модели естественной коммуникации как семиотической среды, которая задает ориентиры в процессе смыслопорождения. В качестве детерминант этой среды выступают языковые единицы – фиксаторы смыслов и стереотипные речевые действия как конвенциональные способы трансляции смыслов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В традиционных исследованиях коммуникацию принято рассматривать как среду, в которой смыслы транслируются между субъектами. При этом постулируется гибкость межличностного взаимодействия, определяющая его динамику.

Так, инструментами технических наук возможно выстраивание алгоритма трансляции сигнала из точки А в точку Б и измерение количества переданной информации (как разницы потенциалов в точке отправления сообщения и точки получения сообщения с учетом шумового фона) [Шеннон, 1963; Рид, 2005 и др.]. В социологии выявляются особенности коммуникации в пределах групп, обладающих различными социокультурными характеристиками [Castells, 2006; Meier, Reinecke, 2020 и др.]. Методами психологии возможно изучать особенности экспликации коммуникативных интенций адресанта речевого сообщения и характер восприятия этих интенций адресатом [Newcomb, 1953 и др.]. В языковедении решаются многочисленные исследовательские задачи, связанные с установлением роли вербальной составляющей коммуникации.

Этот перечень может быть дополнен другими научными дисциплинами гуманитарного и технического профиля (например, философией, историей, этнографией и пр.). Смежные проблемы рассматриваются и в междисциплинарных направлениях, в том числе в социолингвистике и психолингвистике.

В последние десятилетия появились исследования, в которых принципиальная динамичность, отсутствие жестких алгоритмов в речевой деятельности и уникальность процесса смыслопорождения не только постулируются, но и проблематизируются. Ученые, однако, неизбежно сталкиваются с проблемой поиска «фиксаторов» в динамической природе коммуникации. Ведь принципиальная гибкость и пластичность этого феномена может быть изучена только через анализ репрезентантов в виде языковых единиц, используемых в процессе коммуникации.

Именно фиксация в социально закрепленных языковых единицах (в смысле А. А. Леонтьева) и позволяет делать выход на анализ коммуникации как свойства человека: речемыслительная деятельность, осуществляемая по индивидуальным траекториям, преобразуется в транслируемые от индивида к индивиду речевые действия. В результате появляется возможность алгоритмизировать основные этапы речемыслительной деятельности субъекта. При этом выбор в пользу универсальных (шаблонных) речевых действий оптимизирует коммуникацию и обеспечивает скорейшее достижение равновесных отношений.

При понимании коммуникации как свойства человека и ее алгоритмизации в виде этапов речемыслительной деятельности эксплицируются параметры коммуникации, которые ранее не оказывались в поле внимания исследователей.

Перспективными представляются решения, предложенные А. А. Залевской и И. Э. Клюкановым [Залевская, 2007; Клюканов, 2010].

Модель речемыслительного процесса, разработанная А. А. Залевской и представленная фактически во всех фундаментальных работах исследователя, предполагает наличие какого-либо внешнего или внутреннего импульса, выступающего начальным моментом речевой деятельности и запускающего процесс построения образа результата действия. Речемыслительный процесс «распадается» на ряд чередующихся плоскостей и блоков, представляющих собой ярусы памяти. Из памяти «черпаются все необходимые для реализации соответствующих процессов единицы и стратегии оперирования ими» [Залевская, 2007, с. 356].

Эта модель отражает постоянное сличение конструируемого речемыслительного действия с конвенциональными способами оперирования единицами языка. Таково обязательное условие успешной межличностной коммуникации.

Динамический характер коммуникации подчеркивается и в модели, разработанной И. Э. Клюкановым, в которой коммуникация мыслится как «пространственно-временной континуум, состоящий из так называемых эволюционных витков, отображающих… ‘слияние’ себя и другого» [Клюканов, 2010, с. 131]. Автор задает систему координат для трансформации опыта в процессе коммуникации как самоорганизующегося целого.

С учетом принципиальной динамичности и вариативности коммуникативного поведения субъекта строится и предлагаемая нами операциональная модель коммуникации. Решение этой задачи возможно с опорой на метод моделирования, позволяющий построить и теоретически обосновать модель коммуникации и метод эксперимента, обеспечивающий верификацию основных положений модели коммуникации через формулирование соответствующих гипотез (см. об общих принципах организации эксперимента, например, в: [Сулейманова, Гулиянц, 2022]).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

В основании заявленного подхода должна лежать методология, задающая принципиальную вариативность системы. Поиск такой методологии приводит к общей теории систем, одним из магистральных направлений которой является аутопоэтическая теория. В теории аутопоэза постулируется, что и субъект коммуникации, и конструируемая им среда обладают пластичностью, гибкостью и адаптивностью.

В отличие от других ответвлений общей теории систем (например, синергетической парадигмы) теория аутопоэза имеет биологическую основу, поэтому она позволяет исследовать речевую деятельность именно как имманентное свойство человека, представляющего собой биологический организм (в терминах У. Матураны и Фр. Варелы – живую систему) [Maturana, 1975; Maturana, Varela, 1980].

При адаптации основных положений аутопоэтической теории к исследованию лингвистического объекта центральным звеном, оказывающимся в фокусе внимания ученого, является социальный субъект, обладающий некоторой совокупностью адаптационных свойств. Коммуникативное поведение индивида определяется составом и иерархизацией адаптационных свойств, поэтому, даже оказываясь в однопорядковых коммуникативных ситуациях, разные коммуниканты выстраивают разную иерархию средовых факторов и, следовательно, по-разному выстраивают свое коммуникативное поведение.

С позиции аутопоэтической теории релевантно именно отношение «субъект-среда». В терминосистеме аутопоэза среда – это «область всех возможных взаимодействий субъекта коммуникации, задаваемая его когнитивными свойствами» (*Перевод мой*. – К.К.-Б.) [Maturana, 1975, с. 33]. Она выстраивается субъектом коммуникации уникальным образом на основе учета его актуального состояния и актуального соотношения его адаптационных свойств. Среда состоит из разнородных компонентов, которые объединяются социальным субъектом степенью их релевантности для его жизнедеятельности: другие индивиды также входят в среду и могут занимать то или иное положение в выстроенной субъектом иерархии элементов. Социальный субъект вступает в коммуникацию со средой каждый раз, когда происходит рассогласование между ним и средой и возникает дисбаланс. При этом планирование программы коммуникативного поведения субъекта коммуникации определяется количеством и иерархизацией значимых средовых факторов.

Как утверждают авторы теории аутопоэза, фундаментальным свойством субъекта коммуникации выступает его способность к самоорганизации, благодаря которой он способен восстанавливать равновесные отношения со средой в момент возникновения дисбаланса. Однако инструментами лингвистики изучать это свойство едва ли возможно, поэтому приходится его только постулировать.

Но способность к самоорганизации проявляется через параметры второго порядка: активность (психическое свойство субъекта коммуникации, фиксирующее его активное, а не адаптивное взаимодействие со средой); языковую способность (психобиологическое свойство субъекта коммуникации, состоящее в его способности к семиозису); структурность (степень сформированности психических операций субъекта коммуникации и его гибкость).

Свойства активности, структурности и языковой способности могут задействоваться в разной степени, и недостаточная степень сформированности одного из них может компенсироваться тем, что в коммуникации в большей степени происходит опора на другие свойства (ср. коммуникант, у которого наблюдается дефицит языковой способности, может компенсировать эту нехватку активностью и, например, задавать многочисленные уточняющие вопросы, тем самым обеспечивая необходимый уровень равновесия со средой).

Как и для исследователей, чьи модели коммуникации были представлены выше, для нас принципиальным моментом является создание модели второго порядка через введение операциональной единицы (*рис. 1*). Этой единицей является рекурсивный шаг или операция, отражающая эволюционное изменение в структуре субъекта коммуникации.

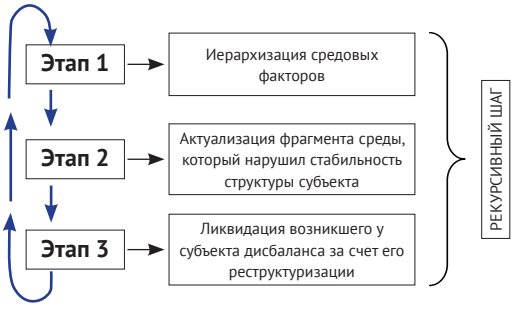


Рис. 1. Модель коммуникации как восстановление равновесия между социальным субъектом и конструируемой им средой

Модель коммуникации включает в себя три этапа: при возникновении дисбаланса между коммуникантом и конструируемой им средой индивид сначала идентифицирует релевантные элементы среды и ранжирует их, определяя доминанты; затем он идентифицирует фрагмент среды, в котором произошло рассогласование, и наконец, направляет усилия на устранение дисбаланса за счет собственной реструктуризации.

Так, методология аутопоэза дает возможность задавать измеряемые параметры динамического объекта, а следовательно строить модель, в которой учитывается пластичность субъекта коммуникации, проявляющаяся в его постоянной адаптации в конструируемой им среде (ср. описание возможностей применения аутопоэтической теории в современных зарубежных исследованиях [Yolles, Frieden, 2021; Peček, Ovsenik, 2018; Korbak, 2022]). С означенных методологических позиций возможно говорить о пластичности как сущностном свойстве субъекта коммуникации. Ведь в процессе адаптации он выстраивает определенную иерархию значимых ситуативных факторов и затем с учетом этой иерархии планирует дальнейшие речевые и неречевые действия [Карданова-Бирюкова, 2021а].

Данная модель позволяет задавать измеряемые параметры коммуникации и обосновывать их включение в модель, а динамичность коммуникации приобретает фиксацию через языковые единицы и стереотипные речевые действия как конвенциональные способы трансляции смыслов. Это, в свою очередь, позволяет исследовать гибкость и пластичность коммуникации через исследование соответствующих фиксаторов (детерминант).

Эмпирический материал был собран в серии психо- и социолингвистических экспериментов, он представляет собой образцы естественной межличностной коммуникации в стереотипных ситуациях коммуникативного взаимодействия (детальное описание дизайна некоторых этапов эксперимента см. в: [Карданова-Бирюкова, 2021б]).

На этапе, предваряющем проведение экспериментов, были сформулированы гипотезы, отражающие отдельные параметры модели. В число положений, значимых для целей настоящего исследования, входят гипотезы о том, что структурирование коммуникации происходит в результате иерархизации средовых факторов, определяемой актуальным состоянием субъекта коммуникации и иерархией присущих ему адаптационных свойств, и о том, что коммуникативное поведение, планируемое субъектом коммуникации как ответ на возникший дисбаланс со средой, обусловлено актуальным соотношением его адаптационных свойств. Иными словами, все верифицируемые экспериментальным путем гипотезы так или иначе отражают пластичность субъекта коммуникации, проявляющуюся в его постоянной адаптации в конструируемой им среде и фиксируемую в более или менее стереотипных речевых действиях. Следовательно, мы ожидаем, что коммуникативные сценарии, прогнозируемые испытуемыми в ситуациях естественного общения, будут в значительной степени уникальными. Стереотипные модели поведения на этом этапе с учетом построенных ранее моделей ожидались в редких случаях.

Выборка испытуемых осуществлялась с учетом возрастного критерия: в младшую возрастную группу вошло 185 человек, в старшую возрастную группу (контрольную) вошло 34 человека. Кроме того, контролировался гендерный параметр и образовательный уровень.

Эксперимент проводился как фронтально, так и дистанционно через использование интернет-платформы www.survio.com. Рекомендуемое время выполнения анкеты – 20 минут (что соответствует среднему показателю сохранения стабильности внимания). В эксперименте воссоздавались естественные ситуации социального общения, в которых человек реализует стандартный сценарий адаптивного поведения.

Поскольку серия экспериментов проводилась в течение сравнительно длительного временного интервала (порядка десяти лет), а результаты далее интерпретировались с учетом различных критериев, в пределах этой статьи мы остановимся только на тех моментах, в которых можно говорить о детерминантах коммуникации, выступающих вре́менными стабилизаторами этого динамического явления. Далее рассмотрены результаты двух этапов эксперимента, ориентированные на верификацию двух представленных выше экспериментальных гипотез.

В первом эксперименте верифицировалась гипотеза, согласно которой идентификация средовых факторов субъектом коммуникации не происходит по предзаданному сценарию, а

ранжирование определяется уникальным набором свойств индивида и их уникальной иерархизацией. Для верификации этой гипотезы участникам эксперимента было предложено задание на ранжирование идентифицированных ими элементов среды. При этом ожидалось, что мы выявим низкую согласованность мнений внутри экспериментальных подгрупп, т. е. даже коммуниканты, обладающие однопорядковыми социовозрастными характеристиками, будут по-разному конструировать среду. Для анализа были предложены типовые кейсы вроде:

- Вы обсуждаете с коллегами (сокурсниками) актуальную социальную проблему. Ваши точки зрения не совпадают
- Вы просматриваете странички друзей в социальной сети (типа ВКонтакте или Фейсбук)
- Ваш сосед в поезде / самолете начинает разговаривать с Вами и др.

Испытуемых просили разместить факторы, которые им видятся релевантными для выстраивания коммуникативного поведения в заданных социальных контекстах (например, Ранг 1 – степень знакомства с человеком; Ранг 2 – значимость отношений с ним лично для меня; Ранг 3 – степень оценочности комментариев других пользователей и т. д.). Далее ответы были систематизированы в виде таблиц (см. табл. 1). Во всех примерах ответов участников эксперимента сохранены авторские орфография и пунктуация.

Формулировки, предложенные испытуемыми, далее приводились к единому знаменателю для обеспечения сопоставимости ответов и возможности выявить общие тренды, после чего проводился ранговый анализ.

Выдвинутая на этапе планирования эксперимента гипотеза не подтвердилась. Принципы ранжирования средовых факторов, как показали результаты эксперимента, в значительной степени определяются установками, сформированными у субъекта коммуникации в предшествующем опыте социального взаимодействия. Субъект коммуникации владеет арсеналом конвенциональных норм социальной интеракции и ориентируется на них в процессе определения состава релевантных элементов среды и их последующей иерархизации. Наблюдаются очевидные доминантные тренды как в пределах каждой экспериментальной подгруппы, так и во всех экспериментальных подгруппах (т. е. свойственные любому представителю языкового сообщества вне зависимости от его социовозрастных характеристик). Так, на первых

Таблица 1

ФРАГМЕНТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОТВЕТОВ ИСПЫТУЕМЫХ
(мужчины, младшая возрастная группа)

№	Пол	Возраст	Ранг 1	Ранг 2	Ранг 3	Ранг 4	Ранг 5
1	муж	21	адекватность	логичность	аргументация	знание обсуждаемой темы	компромисс
2	муж	19	позиция коллег	аргументы в пользу своей позиции	может ли позиция коллег быть верной (правильной)	аргументированность позиции коллег	
3	муж	18	уверенность в своей точке зрения	аргументирование	стремление переспорить	агрессивность	
4	муж	18	заинтересованность собеседника в данном вопросе	психологическая настроенность по отношению ко мне	Весомость и значимость аргументов собеседника	общие взгляды собеседника (точки соприкосновения) со мной	подкрепленность в знаниях по данной проблеме
5	муж	17	точка зрения коллег	обособление от конфликта	попытка убедить коллег		
6	муж	18	характеристика личности, выдвигающей свою точку зрения, с которой я не согласен	взаимосвязь его характеристики и точки зрения	степень несовпадения точек зрения	отношение ко мне	отношение к собеседнику

рангах у представителей всех экспериментальных групп оказываются наиболее очевидные «раздражители», идентифицируемые в среде. Например, в конфликтных ситуациях испытуемые наиболее часто отмечают степень знакомства с другими участниками общения и важность соблюдения норм социального взаимодействия.

Даже в приведенном фрагменте систематизации данных (см. табл. 1) заметно, что у многих испытуемых не заполнены ранги 5 и 4, что демонстрирует достаточно низкую способность воспринимать значительное количество средовых (ситуативных) факторов и, следовательно, учитывать их в планировании коммуникативного поведения.

Многие результаты проведенного эксперимента очевидным образом демонстрируют стремление субъекта коммуникации следовать конвенциональным сценариям коммуникативного поведения и, следовательно, опираться на шаблонные алгоритмы смыслопорождения. Это безусловно минимизирует усилие коммуниканта, направленное на восстановление равновесия со средой, и алгоритмизирует его.

Следует особо отметить, что испытуемым старшего возраста свойственны по преимуществу стандартные сценарии коммуникативного поведения, что, несомненно, связано с уже сформированным опытом коммуникации в таких социальных контекстах.

Эти наблюдения далее верифицировались в другом эксперименте, направленном на оценку того, как субъект коммуникации планирует сценарий коммуникативного поведения в ситуациях естественного общения. Для этого испытуемым были предложены типовые кейсы. В них присутствовал «раздражитель», провоцирующий нарушение равновесия между коммуникантом и выстроенной им средой и требующий совершения индивидом ряда ответных речевых либо неречевых действий. Ср.:

- Человек на улице обращается с вопросом, незнакомец вмешивается в Ваш разговор с приятелем, кто-то оставляет нелестный комментарий к Вашей фотографии в соцсетях.

Как и в случае с данными, полученными в ходе проведения первого эксперимента, ответы испытуемых сводились к определенным типам. Далее просчитывалось количество прогнозируемых действий (как речевых, так и неречевых) и анализировался сценарий планируемого коммуникативного поведения.

В результате такой систематизации и статистической обработки данных было установлено, что алгоритм прогнозируемого коммуникативного поведения определяется типичностью коммуникативной ситуации и характером взаимодействия. Так, ситуацию, когда на улице к прохожему обращаются с вопросом, абсолютное большинство испытуемых воспринимают как абсолютно стандартную и выстраивают максимально компактный ответный коммуникативный сценарий: *Пройду мимо; Промолчу; Переспрошу* и др. Сравнительно компактные и часто оценочные комментарии предлагаются в случае с кейсом о критических комментариях к фотографии на странице в социальной сети. Это дистанционное общение, которое зачастую видится как менее пиететное и допускающее отклонения от социальных норм.

Однако нельзя не отметить, что развернутые сценарии ответного коммуникативного поведения также присутствовали, ср.:

- Если вопрос на личную тему, то попрошу незнакомца не участвовать в беседе.
- Если обсуждаем не личные вопросы и если у собеседника интересная точка зрения, то пообщаюсь с ним; зависит от темы разговора.
- Если тема не интимная, а человек приятный, то у меня не будет возражений.

Имея ориентир в прошлом коммуникативном опыте, испытуемые предлагают развернутые ответы, часто нелинейного типа (*если..., то...*).

При этом выявленные нами особенности планирования коммуникативного поведения в целом являются маркирующими для тех или иных экспериментальных подгрупп. Так, более развернутые и нелинейные алгоритмы коммуникативного поведения частотно наблюдаются у более взрослых испытуемых (фактически у 80 % женщин из старшей возрастной подгруппы). Напротив, молодым девушкам свойственны более компактные сценарии коммуникативного поведения, включающие 1–2 речевых или неречевых действия. Более того, в ряде случаев они в принципе не склонны реагировать на заложенный в экспериментальном «кейсе» раздражитель, ср.:

- Не обращу внимание
- Проигнорирую
- Промолчу
- Мне плевать на комментарии в социальных сетях
- Никак не отреагировать.

Таким образом, наиболее статистически значимые расхождения в целом наблюдались на стыке экспериментальных подгрупп.

Однако мы обратили внимание на то, что внутри подгрупп также присутствует выраженная

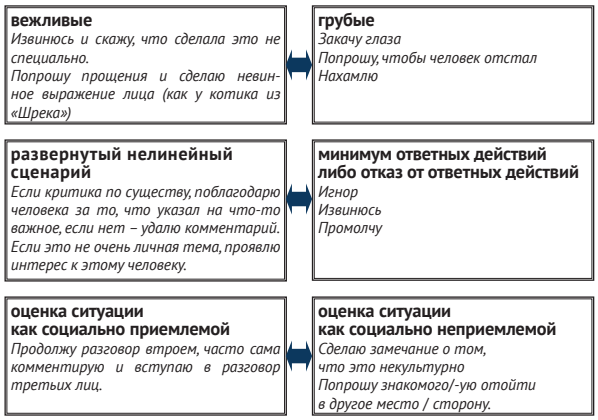


Рис. 2. Поляризация ответов испытуемых с близкими социогендерно-возрастными параметрами (примеры ответов молодых девушек)

неоднородность. Социально ожидаемые и стереотипные алгоритмы коммуникативного поведения наблюдались сравнительно нерегулярно, а ответы испытуемых со сходными гендерными и возрастными параметрами зачастую полярны (см. рис. 2).

Дополнительным подтверждением регулярных отклонений субъекта коммуникации от стереотипных сценариев коммуникативного поведения выступает то, что испытуемые маркируют субъективную оценку условий осуществления коммуникации, ср.:

- Зависит от моего настроения…
- Если человек грамотно говорит, поддержу разговор
- Редко выкладываю фотографии (если выкладываю, то комментарии отключены)…
- Если разговор идет на личные темы, то показать, что его речи неуместны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты, полученные в ходе проведения серии экспериментов, показали, что субъект коммуникации в целом ориентирован на использование социально ожидаемых и стереотипных алгоритмов коммуникативного поведения. Однако сценарии коммуникативного поведения часто отклоняются от стереотипных, что наблюдается даже в пределах одной экспериментальной подгруппы.

Среди испытуемых старшего возраста степень внутригрупповой унификации существенно выше, чем среди молодых участников эксперимента. Данные показатели очевидно связаны с тем, что основные социально приемлемые шаблоны коммуникативного поведения в речевой деятельности старшего поколения стереотипизировались и ретранслируются в однотипных ситуациях общения.

Вариативность коммуникативного поведения индивида фиксируется в виде стереотипных речевых действий, позволяющих ему быстро восстанавливать равновесные отношения со средой. Судя по результатам проведенных экспериментов, чем более ожидаемым и шаблонным является прогнозируемый сценарий коммуникативного поведения, тем меньше усилий требуется со стороны субъекта коммуникации; субъект, как правило, ограничивается одним ответным речевым / неречевым действием.

Таким образом, методология аутопоэза дает возможность строить модель естественной коммуникации как семиотической среды, задающей ориентиры в процессе смыслопорождения. Фиксация этого процесса происходит в языковых единицах и стереотипных речевых действиях, что оптимизирует восстановление равновесных отношений между субъектом коммуникации и конструируемой им средой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
2. Рид Р. Основы теории передачи информации. М.: Вильямс, 2005.
3. Castells M. Mobile Communication and Society: A Global Perspective. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2006.
4. Meier A., Reinecke L. Computer-Mediated Communication, Social Media, and Mental Health: A Conceptual and Empirical Meta-Review // Communication Research. 2020. № 48(8). P. 1182–1209.
5. Newcomb T. M. An approach to the study of communicative acts // Psychological Review. 1953. № 60(6). P. 393–404.
6. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Директ-Медиа, 2007.
7. Клюканов И. Э. Коммуникативный универсум. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
8. Сулейманова О. А., Гулиянц А. Б. Методика лингвистического исследования как актуальный раздел современной научной публикации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 4 (48). С. 88–101.
9. Maturana H. R. The organization of the living: A theory of the living organization // International Journal of Man-Machine Studies. 1975. № 7 (3). P. 313–332.
10. Maturana H. R., Varela Fr. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living // Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. 42. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.; 1980. P. 5–58.

11. Yolles M., Frieden B. R. Autopoiesis and Its Efficacy—A Metacybernetic View // Systems. 2021. № 9 (4). P. 75–110.
12. Peček T., Ovsenik M. Organization, Autopoiesis and Human Potential as Paradigm of the Future Organization // Organizacija. 2018. № 51(3). P. 208–218.
13. Korbak T. Self-organisation, (M, R) – systems and enactive cognitive science // Adaptive Behavior. 2022. № 31 (1). P. 35–49.
14. Карданова-Бирюкова К. С. Коммуникация как междисциплинарный исследовательский объект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021а.Вып. 2(844). С. 24–34.
15. Карданова-Бирюкова К. С. Лингвистическая теория речевого события: структурно-эволюционный аспект: дис. … д-ра филол. наук. М., 2021б.

REFERENCES

1. Shannon, K. (1963). Raboty po teoriji informaciji i kibernetike = Papers on the theory of information and cybernetics. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. (In Russ.)
2. Rid, R. (2005). Osnovy teoriji peredachi informaciji = Foundations of the theory of information transmission. Moscow: Williams. (In Russ.)
3. Castells, M. (2006). Mobile Communication and Society: A Global Perspective. Cambridge, Mass.: MIT Press.
4. Meier, A, Reinecke, L. (2020). Computer-Mediated Communication, Social Media, and Mental Health: A Conceptual and Empirical Meta-Review. Communication Research, 48(8), 1182–1209.
5. Newcomb, T. M. (1953). An approach to the study of communicative acts. Psychological Review, 60(6), 393–404.
6. Zalevskaya, A. A. (2007). Vvedenije v psiholingvistiku = Introduction to psycholinguistics. Moscow: Direct-Media. (In Russ.)
7. Klyukanov, I. E. (2010). Kommunikativny universum = Communication universe. Moscow: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)
8. Suleimanova, O. A, Guliyants, A. B. (2022). Metodika lingvisticheskogo issledovaniya kak aktual'ny razdel sovremennoy nauchnoy publikaci'I = Linguistic research methods as essential part of academic pulication. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 4(48), 88–101. (In Russ.)
9. Maturana, H. R. (1975). The organization of the living: A theory of the living organization. International Journal of Man-Machine Studies, 7(3), 313–332.
10. Maturana, H. R., Varela, Fr. (1980). Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. 42. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co. P. 5–58.
11. Yolles, M., Frieden, B. R. (2021). Autopoiesis and Its Efficacy – A Metacybernetic View. Systems, 9(4), 75–110.
12. Peček, T, Ovsenik, M. (2018). Organization, Autopoiesis and Human Potential as Paradigm of the Future Organization. Organizacija, 51(3), 208-218.
13. Korbak, T. (2022). Self-organisation, (M, R) – systems and enactive cognitive science. Adaptive Behavior, 31(1), 35–49.
14. Kardanova-Biryukova, K. S. (2021a). Communication as an object of interdisciplinary research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(844), 24–34. (In Russ.).
15. Kardanova-Biryukova, K. S. (2021b). Lingvisticheskaja teorija rechevogo sobytija: strukturno-evolucionny aspect = Linguistic theory of speech event: structural and evolutionary aspect: Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карданова-Бирюкова Ксения Суфьяновна

доктор филологических наук, доцент

заведующий кафедрой языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kardanova-Birukova Ksenia Sufyanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Head of the Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow City University

Статья поступила в редакцию	21.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.42
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_57

Лингвосемиотика событийной коммуникации (на материале новостных сообщений интернет-канала Би-би-си)

Е. Ф. Косиченко[1], И. В. Казакова[2]

[1,2]*Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия*
[1]*KosichenkoYF@mpei.ru,* [2]*KazakovaIV@mpei.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты событийной коммуникации и осуществляется анализ новостных сообщений, размещаемых в течение суток на главной странице британского информационного канала Би-би-си. Анализ деятельности СМИ показывает, что формирование события на основе соответствующего эпизода происходит в результате многократного воспроизведения информации об этом эпизоде и смещения фокуса внимания. На основании анализа СМИ авторы статьи приходят к следующему выводу: вербальные средства играют более существенную роль в распространении информации, нежели изображения. Последние лишь эмоционально дополняют вербальные тексты.

Ключевые слова: событийная коммуникация, новостной заголовок, событие, поликодовый текст, смещение фокуса, интерпретация, вторичная семиотическая система, система ценностей

Ключевые слова: событийная коммуникация, новостной заголовок, событие, поликодовый текст, смещение фокуса, интерпретация, вторичная семиотическая система, система ценностей

Для цитирования: Косиченко Е. Ф., Казакова И. В. Лингвосемиотика событийной коммуникации (на материале новостных сообщений интернет-канала Би-би-си) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 57–64. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_57

Original article

Linguosemiotics of Event Communication (analysis of BBC Homepage news)

Elena F.Kosichenko[1], Irina V. Kazakova[2]

[1,2]*National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (MPEI), Moscow, Russia*
[1]*KosichenkoYF@mpei.ru,* [2]*KazakovaIV@mpei.ru*

Abstract. The article sets out to consider theoretical aspects of event communication and to analyze a number of news items that reappeared on the BBC Homepage site during one day, and thus to prove that events are constructed as a result of multiple and repeated references to the related episodes within a certain period of time and focus change achieved by shifts in news location on the front page and a variety of headlines. The analysis also shows that words play a more important role in conveying messages, whereas pictures are used as effective means of emotional influence.

Keywords: event communication, news headline, event, multimodal text, focus shift, interpretation, secondary semiotic system, system of values

For citation: Kosichenko, E. F., Kazakova, I. V. Linguosemiotics of event communication (analysis of BBC Homepage news). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 57–64. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_57

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой статье событийная коммуникация рассматривается как способ транслирования информации о некотором эпизоде или происшествии читателям новостных изданий с целью формирования у них определенного отношения к реальной действительности и создания вторичной реальности с характерной системой ценностей.

Важной задачей, стоящей перед исследователем, занимающимся проблемами событийной коммуникации, является выбор исследовательских методов, которые позволяют успешно выявлять механизмы конструирования, корректирования и разрушения событий в электронных СМИ и адекватно интерпретировать оценочную информацию, передаваемую посредством событийной коммуникации. Актуальность предпринятого исследования определяется необходимостью более полного изучения и описания средств и способов конструирования вторичных реальностей, часто основанных на незначительных эпизодах, и тем не менее оказывающих сильное эмоциональное воздействие на большие группы людей. Объектом предпринятого исследования является событийная коммуникация, ключевым элементом которой выступает событие, понимаемое как идеальное явление, создаваемое средствами массовой информации и существующее в сознании людей в виде представлений о некотором эпизоде (случае / происшествии / процессе).

Языковая природа события означает, что один и тот же эпизод может стать основой для создания нескольких событий и нескольких вторичных реальностей, в каждой из которых господствует своя идеология, основанная на определенной системе мнений и оценок.

Новизна предпринятого исследования заключается в том, что в нем проанализированы и описаны вербальные и визуальные средства смещения фокуса внимания, ведущего к расширению интерпретационного поля некоторого имевшего место эпизода и к созданию социально значимого события. Смещение фокуса внимания связано с ситуациями, при которых «часть события затемняется, а часть – выводится на первый план» [Ирисханова, 2014, с. 282]. Материалом для данного исследования послужили размещенные на главной странице интернет канала BBC новостные сообщения, касающиеся двух эпизодов: очередного съезда Коммунистической партии Китая и пожара в одной иранской тюрьме.

При работе с эмпирическим материалом были использованы методы семиотического, полимодального и лингвостилистического анализа, доказывающие, что, будучи способом создания вторичных реальностей, событийная коммуникация осуществляется на особом языке, единицами которого являются вербальные и визуальные средства передачи информации, а основным механизмом порождения значений выступает смещение фокуса. Дефокусирование достигается путем использования оценочной лексики и стилистических приемов в заголовках и новостных анонсах, разнообразия заголовков, изменения месторасположения новостных сообщений на главной странице новостного издания при смене новостной ленты.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ

Событие

Как и все философские категории, событие по-разному определяется в гуманитарных науках. Для экспликации идеи о возможности различных толкований категории события, мы обратились к Философской энциклопедии, размещенной Национальной энциклопедической службой[1] и предлагающей 13 различных подходов к пониманию события, которые изложены в том виде, как они зафиксированы в словарях и энциклопедиях по философии, гуманитарным наукам и культуре, а также в глоссариях, тезаурусах и научных статьях. Суммируя существующие определения, отметим, что событием можно назвать все от точки в пространстве и времени [Хокинг, 2008] до того, что, свершаясь, индивидуализируется в своей уникальности и неповторимой сущности и даже обретает собственное имя [Степин, Гусейнов, 2010]. В своем подходе к пониманию события мы следуем его толкованию как языковой категории, полагая, что каждое событие конструируется при помощи языка.

В одной из своих статей В. З. Демьянков отмечает, что в конце XX века в лингвистике наметились два основных подхода к пониманию события, а именно, онтологический, рассматривающий его как некий зафиксированный языком фрагмент знания о мире, и интерпретативный, согласно которому событие не столько описывается языком, сколько конструируется им [Демьянков, 1983]. Отметим, что основоположником и наиболее ярким представителем онтологического подхода к пониманию события является британский философ А. Н. Уайтхед, с точки зрения которого событием можно назвать все, что происходит, протекает, случается, в том числе объекты и явления действительности (например, обелиск Игла Клеопатры в Лондоне, перевезенный в XII веке из Гелиополя

[1] URL: https://terme.ru/termin/sobytie.html

в Александрию и воздвигнутый в Лондоне в 1870-х годах) [Whitehead, 1929]. Не менее широкое распространение получили идеи Л. Витгенштейна, понимавшего мир как совокупность фактов, которые описывает язык [Витгенштейн, 2005].

По мере трансформации общества из индустриального в информационное и возникновения новых методов познания социальных явлений, прежде всего метода интерпретации, идеи А. Н. Уайтхеда получили развитие в принципиально новом ключе: социально-политические события стали рассматриваться как явления, которые *создаются* посредством языка. Так, теоретик постмодернизма Ж. Делез определяет события не как сущности или признаки, а как то, что происходит, протекает, случается, передается глаголами и влияет на эмоциональные состояния людей. Для экспликации своей идеи Ж. Делез подключает понятие эффекта, под которым подразумевает некоторое сильное переживание, причем не субъективного толка. Оно привязано не к индивиду, а к событию. Поэтому оно ведет к глобальным превращениям или изменениям [Делез, 1998]. Таким образом, в понимании Ж. Делеза событие – это эмоциональное переживание, которое материализуется в определенном пространстве при помощи языка и по сути своей не может быть завершено.

Идея Ж. Делеза о способности языка продлевать срок существования события на неопределенное время является исключительно важной, поскольку объясняет, почему некоторые события длятся достаточно долго, другие – являются краткосрочными, одни воспроизводятся впоследствии, другие – оказываются практически забытыми. Для примера напомним о кризисных ситуациях в Афганистане (2021) и в Сирии (2011–2021), которые относительно недавно активно обсуждались в мировых СМИ и занимали особое место в повседневной жизни людей, а также в их системе ценностей, но оказались практически забытыми за короткое время, несмотря на то что проблемы в этих странах продолжают существовать. На примере данных событий можно достаточно отчетливо проследить, как именно события конструируются, корректируются и разрушаются, причем разрушение в данном случае сопровождается замещением устаревшей вторичной реальности, которая вновь создается.

Понимание события как вторичной реальности дает основания согласиться с позицией французского философа-постмодерниста Ж. Бодрийяра, согласно которой в современном мире никакие события не являются подлинными и потому не могут быть достоверными [Бодрийяр, 2000], а также с точкой зрения С. В. Герасимова, подчеркивающего, что событийная реальность может быть изменена в соответствии в определенными целями или вовсе заменена другой реальностью [Герасимов, Тульчинский, 2018].

Таким образом, мы понимаем событие как явление идеальное, т. е. существующее в сознании людей в виде некоторой сконструированной при помощи языка реальности, которая поддерживается неопределенное время, после чего исчезает, уступая место новой реальности. Важно, что каждое событие создается с некоторой целью, выявлению которой может способствовать анализ семиотически осложненных текстов, выступающих основой любого события.

Событийная коммуникация

Текстовая природа события позволяет говорить о том, что одним из способов коммуникации в современном мире является событийная коммуникация, которая в широком смысле может пониматься как разновидность социокультурных коммуникаций, как способ коммуникативного взаимодействия, которое разворачивается вокруг символически выстроенного действия и реализуется в разнообразных символических формах [Каверина, 2014].

Не претендуя на всестороннее рассмотрение событийной коммуникации и с учетом выбранного нами для анализа материала считаем целесообразным несколько сузить приведенное выше определение и рассматривать данный тип информационного взаимодействия как коммуникацию между новостным изданием (в нашем случае новостным порталом Би-би-си) и его читателями, нацеленную на расширение интерпретационного поля некоторого эпизода (случая / происшествия) и на формирование реальности, объединяющей пользователей этого новостного канала через вовлечение их в определенную систему ценностей. Вслед за Е. В. Чибир [Чибир, 2020] обратим внимание на то, что событийная коммуникация обладает определенной структурой, которая иерархична, опирается на специфический словарь, и подчеркнем, что вторичная природа данного типа информационного взаимодействия отражается в более высокой по сравнению с коммуникацией, осуществляемой на языке как первичной знаковой системе, эмоциональностью.

Новостное сообщение как семиотически осложненный текст

С самого своего возникновения язык медийных текстов находился в зоне пристального внимания философов, социологов и лингвистов как эффективное средство воздействия на большие группы

людей и как способ формирования определенной системы ценностей.

С развитием информационно-коммуникационных технологий электронные СМИ практически вытеснили печатные новостные издания и значительно расширили свое толкование. Сегодня язык СМИ обособлен по семиотическим признакам от языка печатных изданий. Совокупность СМИ может пониматься, в том числе как корпус текстов, элементы которого системно организованы и связаны между собой гипертекстовыми связями. При этом гипертекстовая форма представления информации играет немалую роль в образовании культурных смыслов. В свете обсуждаемой проблемы конструирования события и осуществления событийной коммуникации имеет смысл остановиться на способах и формах представления социально значимой информации в современных СМИ.

Основными средствами коммуникации в современном мире являются поликодовые тексты, представляющие информацию как в вербальной, так и в невербальной (изобразительной, жестовой цветовой, др.) формах. Вслед за О. И. Максименко мы в целом полагаем, что в большинстве случаев при работе с поликодовыми текстами нельзя говорить о более значимой роли слова или изображения, поскольку «в одних случаях слово может подбираться под удачно найденный изобразительный ряд, а в других – изобразительный ряд "обыгрывает" слово, причем нередко даже сам автор не может с уверенностью сказать, какая форма послужила основой смыслопорождения» [Максименко, 2012, с. 97]. Добавим также, что, как правило, обе формы представления информации – слово и картинка – фокусируются на разных аспектах эпизода (случая / происшествия) и тем самым не только создают более широкое информационное поле, но и эмоционально более насыщенный образ, в результате чего формируется событие. Вместе с тем отметим, что в случае сетевых новостных изданий вербальный элемент играет более важную роль, поскольку часто у издания нет возможности срочно получить нужное изображение, в связи с чем даже такие известные порталы, как Би-би-си, используют все, от официальных снимков до фейковых изображений.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОБЫТИЙ В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ: АНАЛИЗ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ НА ГЛАВНОЙ СТРАНИЦЕ НОВОСТНОГО ПОРТАЛА

В данном разделе мы проанализируем такие средства конструирования событий, как новостной заголовок, сопутствующая фотография и новостной анонс.

На то, что новостной заголовок выполняет целый ряд функций, прежде всего, формирует первичное представление о событии, указывают многие исследователи. Отмечается, что часто новостные заголовки представляют событие в искаженном, деформированном виде, и в результате повышают к нему общественный интерес [Воронцова, 2017]. Согласимся с Воронцовой в том, что авторы часто смешивают акценты, прибегая к дефокусированию. Отметим, что данный прием является не столько средством привлечения внимания читателей, сколько способом формирования события. Каждое смещение фокуса расширяет интерпретационное поле события и представление читателя о нем. В рамках одного издания (и одной идеологии) дефокусирование происходит в определенном направлении: идеологически «нежелательные» аспекты происшествия затушевываются, и в результате создается лишь видимость всестороннего освещения события. В новостных интернет-изданиях важными средствами смещения фокуса и добавления значимости формируемому событию являются, во-первых, заголовки и сопровождающие их изображения, во-вторых, воспроизводимость новостного сообщения и его расположение на главной странице.

Далее обратимся к анализу собранного материала, который представлен четырьмя скриншотами главной страницы новостного издания Би-би-си (раздел *World news* https://www.bbc.com/news), сделанными в течение суток, и проследим, как именно происходило формирование двух событий: *Ковид в Китае* и *Пожар в иранской тюрьме*. Выбор данных новостных сообщений из значительно большего числа сообщений, опубликованных в этот день на новостном портале, обусловлен тем, что именно они воспроизводились на главной странице новостного канала в течение суток, в то время как в отношении других эпизодов подобной стабильности не наблюдалось. Подчеркнем, что за указанные сутки были также опубликованы: информация о ситуации на Украине, причем несколько разных сообщений, освещающих с той или иной степенью достоверности точку зрения как украинской, так и российской сторон; резонансное заявление Илона Маска касательно финансирования украинского интернет-канала; сделанное Би-би-си заявление о необходимости расследования случаев издевательств и сексуальных домогательств на иранском международном вещательном канале Аль-Джазира; неблагоприятный комментарий Дж. Байдана по поводу экономической политики на тот момент Британского премьер-министра Элизабет Трасс;

сообщение о нарушении прав мигрантов на турецко-греческой границе, т. д. Из всех перечисленных, и, на наш взгляд, важных происшествий мирового значения, только два новостных сообщения получили многократное освещение, что дает основание предположить их особую важность для канала Би-би-си и позволяет говорить об их идеологической значимости.

Событие «Ковид в Китае»

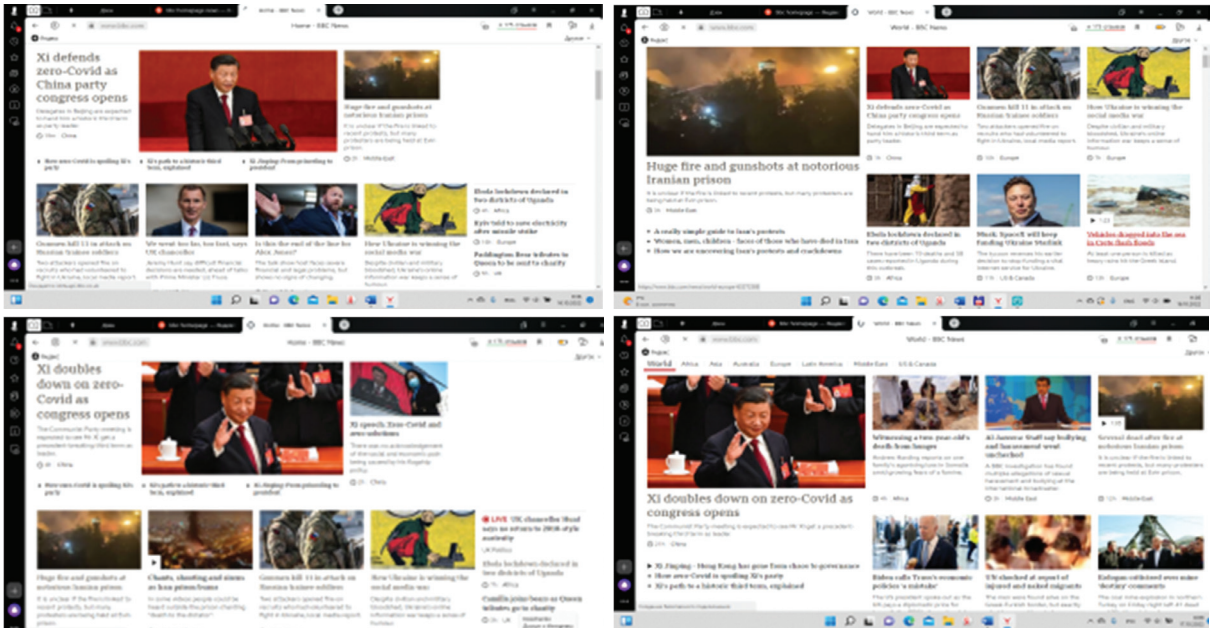
Событие, названное нами «Ковид в Китае», связано с открытием в октябре 2022 года очередного съезда Коммунистической партии Китая, где прозвучало заявление Генерального секретаря ЦК Си Цзиньпина о том, что уровень заболеваемости ковидом в Китае равен нулю.

Утренний выпуск новостного портала Би-би-си (9 ч. 36 мин. 16.10.2022) содержит крупный заголовок *China congress: Xi Jinping defends zero-Covid as party meeting opens* (Съезд в Китае: Си Цзиньпин настаивает на нулевом уровне заболеваемости Ковидом в Китае во время открытия партийного съезда)[1]. Данный заголовок размещен слева от большого размера фотографии с изображением стоящего у микрофонов китайского лидера, так что в целом данное сообщение занимает четверть всего пространства главной страницы. На фоне в целом информативного и, на первый взгляд, стилистически нейтрального заголовка в фокусе внимания оказывается используемое в нем английское слово *defend* (*рус.* защищать), которое дает понять читателю, что китайский лидер вынужден защищать свою позицию и доказывать то, что он считает правдой, и в результате свидетельствует о недоверии редакции Би-би-си к сделанному Си Цзиньпином заявлению. Текст, расположенный под заголовком и нацеленный на краткое изложение новости (анонс), сообщает о намерении делегатов съезда выдвинуть своего лидера на третий срок в качестве главы государства и не содержит упоминания о Ковиде, однако примечателен использованием оценочного слова *historical* (*рус.* исторически значимый), которое по причине своей семиотической нагруженности оказывается в фокусе внимания.

Принимая во внимание четыре фактора – расположение новостного сообщения на странице, заголовок, фотографию и содержание анонса – отметим, что уже на первом этапе формирования события новостное агентство Би-би-си не столько заинтересовано в освещении съезда Коммунистической партии Китая, сколько нацелено уличить Си Цзиньпина в неверном представлении о ситуации с заболеваемостью ковидом и сформировать недоверие к нему со стороны читателей новостного канала.

Сделанный через полтора часа скриншот обновленной страницы показывает, что заголовок остался тем же, однако сообщение сместилось вправо и отведенное под него место сократилось примерно в три раза. Однако еще через два часа данная новость снова занимает центральное место на странице, но уже под иным заголовком:

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Е. К., И. К.*



Xi doubles down on zero-Covid as congress opens. – На открытии съезда Си делает ставку на нулевой уровень заболеваемости ковидом.

В отличие от первого варианта, данный заголовок не содержит информации о статусе конгресса, имя лидера не названо полностью, использование глагола *double down* (*рус*. удваивать, делать ставку) способствует окончательному смещению фокуса на тему ковида и довольно прямолинейно эксплицирует идею о том, что заявление Си Цзиньпина является ложью.

Сделанный по истечении суток четвертый скриншот (6 ч. 08 мин. 17.10.2022) показывает, что новость по-прежнему остается главной новостью дня, несмотря на то, что никаких существенных изменений в форме презентации информации не наблюдается, за исключением несколько иного расположения текста относительно фотографии. Отметим, что в третьем и четвертом случаях новостной анонс содержит ту же информацию, что и ранее, с одним существенным отличием, состоящим в замене прилагательного *historical* (*рус*. исторически значимый) на прилагательное *precedent-breaking* (*рус*. беспрецедентный), таким образом, вынуждая англичан, живущих по законам прецедентного права, полагать, что ситуация с выборами в Китае находится на грани беззакония.

Что касается изобразительных элементов, то, судя по всему, редакция новостного портала использовала официальные снимки, в связи с чем сложно делать выводы об их важной смыслообразующей роли, однако нельзя игнорировать исключительно большой размер фотографий, что, безусловно, привлекает внимание и добавляет значимости конструируемому событию.

Таким образом, в течение одних суток событие «Ковид в Китае» формировалось в два этапа, причем, если на первом этапе акцент так или иначе делался на информативность, то на втором этапе были подключены средства оказания эмоционального воздействия, выраженные глаголом *double down* в заголовке и прилагательным *precedent-breaking* в анонсе. Несмотря на видимую нейтральность размещенных фотографий, они играют важную роль в формировании события за счет размера изображений.

Событие «Пожар в иранской тюрьме»

Как и в случае события «Ковид в Китае», информация о пожаре в иранской тюрьме не сходит с первой полосы новостного издания в течение суток, что указывает на ее важность и на стремление новостного канала придать ей значимость события. В трех случаях из четырех информация о данном происшествии занимает относительно скромное место на главной странице, будучи размещенной справа от основного сообщения или немного ниже, однако в одном случае новость позиционируется как главная, на что указывают как ее положение в верхней левой части страницы, так и выделенное под нее большое пространство.

В первых трех случаях сообщение о пожаре в иранской тюрьме выходит под заголовком *Huge fire and gunshots at notorious Iranian prison* («Сильнейший пожар и стрельба в печально известной иранской тюрьме»), в последнем случае – под заголовком *Several dead after fire at notorious Iranian prison* («Несколько умерших в результате пожара в печально известной иранской тюрьме»)[1]. При том, что важными средствами фокусирования внимания в заголовках являются слова *fire* и *dead*, основным вербальным средством идеологического воздействия выступает, на наш взгляд, прилагательное *notorious* (*рус*. печально известный), намекающее на особенности государственно-политического устройства Ирана.

Примечательно, что сопровождающее информацию о пожаре изображение оставалось неизменным во всех четырех случаях, что не столько свидетельствует о вторичности пикториальных средств передачи информации, сколько наводит на мысль о том, что фотография является фейком и на момент публикации информации о данном происшествии новостной канал не располагал подлинными снимками. Текст, сопровождающий заголовки (новостной анонс), также остается неизменным во всех четырех случаях и сообщает читателям о том, что в загоревшейся тюрьме содержится много политических заключенных, принимавших участие в протестах, имевших место незадолго до возгорания.

В целом, событие «Пожар в иранской тюрьме» не отличается разнообразием средств репрезентации, однако факт его воспроизводимости в течение суток свидетельствует о важности для новостного канала Би-би-си проинформировать о нем как можно больше читателей, вовлекая их таким образом в существующую на данном портале вторичную реальность. Основным средством формирования мнений по поводу произошедшего является слово *notorious*, дающее отсылку к политической ситуации в стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Являясь разновидностью социальных коммуникаций, событийная коммуникация играет

[1] Здесь и далее перевод наш – Е. К., И. В.

исключительно важную роль в общественно-политической жизни любого сообщества людей и представляет собой, возможно, наиболее идеологизированную форму коммуникации, завуалированную под непредвзятое информирование. Анализ сообщений, представленных на главной странице новостного канала Би-би-си, показал, что только два мировых происшествия привлекали наибольшее внимание редакции в течение одних суток, а именно заявление китайского лидера о ситуации с ковидом в его обращении к очередному съезду Компартии Китая и пожар в иранской тюрьме. Важными средствами идеологизации данных происшествий и как следствие формирования на их основе событий стали: многократное воспроизведение информации о них на главной странице новостного портала, центральное положение этой информации на главной странице, вариативность заголовков, наличие в них и в анонсах оценочных слов, крупных фотографии. В рамках статьи не анализировались средства формирования данных событий, используемые при переходе по ссылке, однако и они играют важную роль в оказании эмоционального воздействия.

Подводя итог, отметим, что в проанализированных примерах вербальные средства представления информации играют более важную роль, нежели пикториальные: в случае китайского события опубликованы официальные снимки, в случае иранского события в принципе трудно говорить о подлинности изображения. Вместе с тем фотографиям отводится значительное место на полосе, что позволяет говорить об их значимости как средств эмоционального воздействия на читателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
2. Хокинг С. Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр / пер. с англ. Н. Смородинской. СПб.: Амфора, 2008.
3. Степин В. С., Гусейнов А. А. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов и др. М.: Мысль, 2010.
4. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.
5. Whitehead A. N. Process and Reality. An essay in Cosmology. 1929. URL: https://antilogicalism.com/wp-content/uploads/2018/04/process-and-reality.pdf
6. Витгенштейн Л. Tractatus Logico-Philosophicus (Логико-философский трактат) // Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. С. 14–229. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_07_.htm
7. Делез Ж. Логика смысла. Theatrum philosophicum: пер. с фр. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. URL: http://lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/logica.txt
8. Бодрийяр Ж. Судьбоносные события // Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
9. Герасимов С. В., Тульчинский Г. Л. События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. №3. С. 5–24.
10. Каверина Е. А. Событийные коммуникации в пространстве культуры XX века // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 2 (31). 2014. URL: https://sciup.org/terra-humana/2014-2-31
11. Чибир Е.В. Событийные коммуникации как язык современного общества // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 9 (99). DOI: 10.23670/IRJ.2020.99.9.044.
12. Максименко О. И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
13. Воронцова Т. А. Новостной заголовок как репрезентация события // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2017. Вып. 6 (66). С. 21–25.

REFERENCES

1. Iriskhanova, O. K. (2014). Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya = Focus Games in Language: Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
2. Hoking, S. (2008). Kratkaya istoriya vremeni. Ot bol'shogo vzryva do chernyh dyr = A Brief History of Time: from the Big Bang to Black Holes. St. Petersburg: Amfora. (In Russ.)

3. Stepin, V. S., Gusejnov, A. A. (2010). Novaya filosofskaya enciklopediya = A New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
4. Dem'yankov, V. Z. (1983). «Sobytie» v semantike, pragmatike i v koordinatah interpretacii teksta = «Event» in semantics, pragmatics and in the coordinates of the text interpretation. Izv. AN SSSR. Seriya literatury i yazyka, 42(4), 320–329.
5. Whitehead, A. N. (1929). Process and Reality. An essay in Cosmology. https://antilogicalism.com/wp-content/uploads/2018/04/process-and-reality.pdf
6. Vitgenshtejn, L. (2005). Tractatus Logico-Philosophicus (Logiko-filosofskij traktat) = Tractatus Logico-Philosophicus (Essays on Logic and Philosophy). In Izbrannye raboty (pp. 14–229), transl. from German and English by V. Rudnev. Moscow: Territoriya budushchego. http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_07_.htm (In Russ.)
7. Delez, Zh. (1998). Logika smysla. Theatrum philosophicum. = Logic of Meaning. Theatrum philosophicum. Moscow: Raritet; Ekaterinburg: Delovaya kniga. http://lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/logica.txt (In Russ.)
8. Bodrijyar, Zh. (2000). Sud'bonosnye sobytiya. Prozrachnost' zla = Fateful events. Transparency of evil. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
9. Gerasimov, S. V., Tulchinskiy, G. L. (2018). Sobytiya kak semanticheskaya osnova konstruirovaniya real'nosti: perspektivy perekhoda k dinamicheskoj ontologii = Events as a semantic framework for the construction of reality: the prospects of a transition to a dynamic ontology. Slovo.ru: Baltic accent, 9(3), 5–24. (In Russ.)
10. Kaverina, E. A. (2014). Sobytijnye kommunikacii v prostranstve kul'tury XX veka = Event communication in the context of culture of the beginning of the 20th Century. Society. Environment. Development (Terra Humana), 2(31). https://sciup.org/terra-humana/2014-2-31 (In Russ.)
11. Chibir, E. V. (2020). Sobytijnye kommunikacii kak yazyk sovremennogo obshchestva. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal, 9(99). 10.23670/IRJ.2020.99.9.044 (In Russ.)
12. Maksimenko, O. I. (2012). Polycode vs. Creolized Text: Terminology Problems. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 2, 93–102. (In Russ.)
13. Vorontsova, T. A. (2017). News Title as Event Representative. Political Linguistics. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 6(66), 21–25. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Косиченко Елена Федоровна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики
Национального исследовательского университета «МЭИ»

Казакова Ирина Владимировна

старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики
Национального исследовательского университета «МЭИ»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kosichenko Elena Fedorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Kazakova Irina Vladimirovna

Senior Lecturer at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics
National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

Статья поступила в редакцию	25.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.27
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_65

О некоторых функциях этнического языка во внутренней диаспоре (пилотное социолингвистическое обследование в общине хауса в Хартуме)

М. Н. Осман

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Хартумский университет, Хартум, Судан
osman.mahammad@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются языковые практики диаспоры хауса в Хартуме и выявляются особенности использования языка хауса в различных сферах жизни диаспоры, а также наличие переходов к языку хауса в определенных контекстах и условиях. Использование языка хауса в символической, фатической, эмпатической, коммуникативной и конспираторной функциях в диаспорной среде города Хартум зависит от поколения, к которому принадлежит говорящий. Эти выводы могут быть полезны для дальнейших исследований в области социолингвистики, а также культурных и миграционных исследований.

Ключевые слова: функционирование языка, использование языка, внутренняя диаспора, мультиязычная среда, арабский язык, английский язык, язык хауса, социолингвистика

Для цитирования: Осман М. Н. О некоторых функциях этнического языка во внутренней диаспоре (пилотное социолингвистическое обследование в общине хауса в Хартуме) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 65–71. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_65

Original article

On Some Functions of Ethnic Language in the Inner Diaspora (a pilot sociolinguistic study in the Hausa community of Khartoum)

Muhammad N. Osman

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
University of Khartoum (UofK), Khartoum, Sudan
osman.mahammad@yandex.ru

Abstract. The article explores the linguistic practices of the Hausa diaspora in Khartoum and identifies the practices of using the Hausa language in various spheres of diaspora life, as well as the presence of transitions to the Hausa language in certain contexts and conditions. The author demonstrates that the use of Hausa in the symbolic, phatic, empathic communicative and conspiratorial functions in the Khartoum diaspora depends on the generation of the speaker. The results of the research may be useful for further research in the field of sociolinguistics, as well as for cultural and migration studies.

Keywords: language functioning, language use, internal diaspora, multilingual environment, Arabic, English, Hausa language, sociolinguistics

For citation: Osman, M. N. (2023). On some functions of ethnic language in the inner diaspora (a pilot sociolinguistic study in the Hausa community of Khartoum). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 65–71. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_65

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир характеризуется быстрым развитием множества новых технологий, растущей миграцией и укреплением глобализации. В этой связи язык является одним из важнейших элементов культуры и национальной идентичности. Он играет важную роль в жизни человека. Язык не только служит средством коммуникации между людьми, но также является инструментом сохранения и передачи культурных традиций и истории народа. В условиях мультиязычной среды, такой как диаспора, язык становится особенно важным элементом сохранения идентичности народа.

Диаспора хауса является одной из крупнейших в Судане. Хартум, столица Судана, привлекает множество мигрантов из разных регионов страны, в том числе и носителей хауса, которые образовали там внутреннюю диаспору. В связи с этим вопрос функционирования языка хауса в диаспоре Хартума является актуальным и требует детального исследования.

Цель данной статьи – исследование языковых практик диаспоры хауса в Хартуме и выявление особенностей использования языка хауса в различных сферах жизни диаспоры. **Методология** исследования основана на анализе пилотных данных, собранных методами наблюдения и интервьюирования респондентов. Для сбора материала статьи были проведены интервью с десятью этническими представителями хауса как первого поколения (см. табл. 1), так и второго поколения (см. табл. 2), проживающих на территории города Хартум. Все опросы были записаны на диктофон и сохранены на электронных носителях.

Вопросы анкеты были разделены на несколько блоков с целью выявления социальных характеристик респондентов, их языковой биографии, актуального использования языков в жизни респондентов и культурных аспектов языковой жизни респондентов.

Одним из интересных факторов, влияющих на языковые практики диаспоры хауса в Хартуме, является воздействие двух развитых литературных языков – арабского и английского. Арабский язык является первым из двух официальных языков Республики Судан и широко используется в государственных учреждениях, в образовании и в деловых отношениях. Он также является родным языком для большинства населения североафриканской страны. Помимо арабского языка, английский язык, второй государственный язык Судана, является языком международной коммуникации и часто используется в профессиональной сфере. В связи с этим вопросы использования арабского и английского языков в жизни диаспоры хауса в Хартуме также будут рассмотрены в данной статье.

Результаты исследования позволят лучше понять языковую динамику во внутренней диаспоре суданских хауса в Хартуме и послужат основой для дальнейших исследований в области социолингвистики, культурных и миграционных процессов.

ФЕНОМЕН И ПОНЯТИЕ ДИАСПОРЫ. ВНУТРЕННЯЯ ДИАСПОРА ХАУСА В ХАРТУМЕ

Прежде чем рассмотреть функционирование языка хауса в диаспоре, нужно ознакомиться с определениями «диаспоры» и «внутренней диаспоры» в современной социолингвистике.

Диаспора – это группа людей, которая эмигрировала из своей родной страны и установила постоянную связь с ней [Cohen, 2008]. Члены диаспоры могут сохранять свою идентичность и культуру, а также поддерживать связь с соотечественниками, находящимися за границей.

Внутренняя диаспора – это группа людей, которая живет внутри своей родной страны, но имеет

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО РЕСПОНДЕНТОВ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Возрастная когорта	20–30	31–40	41–50	51–70
Количество респондентов в когорте	3	2	1	1

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО РЕСПОНДЕНТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ

Возрастная когорта	20–30	31–40	41–50	51–70
Количество респондентов в когорте	3	–	–	–

свои уникальные языковые и культурные традиции, отличающие ее от большинства населения [Осепян, 2013]. В отличие от эмигрантов, члены внутренней диаспоры могут сохранять свою этнокультурную идентичность. Однако их жизненная ситуация сложна, поскольку они часто сталкиваются с дискриминацией и неравенством в своей родной стране.

Социолингвисты рассматривают диаспору и внутреннюю диаспору как феномены, которые влияют на языковую и культурную политику в странах по всему миру. Они исследуют, как члены диаспоры и внутренней диаспоры сохраняют и трансформируют свои языковые и культурные традиции и как они взаимодействуют с окружающим обществом.

Народ хауса – этническая группа, проживающая преимущественно в Нигерии, Нигере и других странах Западной и Центральной Африки, включая Бенин, Камерун, Кот-д'Ивуар, Чад, Судан, Центральноафриканскую Республику, Республику Конго, Сенегал, Гану. Однако многие хауса также мигрировали в Судан много веков назад и стали частью суданской демографической структуры. Хауса поселились в Судане в результате различных факторов, включая Хадж, религиозные миграции и Махдистскую революцию.

Историю народа хауса в Судане можно проследить до ранней исламской эпохи, когда некоторые хауса мигрировали в Судан по религиозным причинам. Со временем община хауса в Судане росла, и ее представители основали поселения и общины в различных частях страны. Народ хауса также сыграл важную роль в Махдистской революции, которая была народным восстанием против британского колониального правления в конце XIX века.

Внутренняя диаспора суданских хауса в Хартуме сформировалась во время колониального периода Судана, который начался в XIX веке. Судан был колонизирован англичанами, которые установили Хартум в качестве административного центра страны вместо соседнего города Умдурмана. В результате Хартум привлек людей из различных регионов Судана, включая представителей народа хауса, по экономическим и социальным причинам.

Народ хауса был известен своими навыками в торговле, и многие из представителей хауса мигрировали в Хартум, чтобы заниматься коммерческой деятельностью. Со временем народ хауса в Хартуме сформировал активную общину со своими культурными и социальными традициями. Данный народ создал поселения и кварталы, такие как районы Ишаш, ныне называемый Ингаз, и Майо на юге Хартума. Там представители народа хауса жили и занимались бизнесом. Община хауса также создала ассоциации и организации, такие как Культурный форум хауса, для продвижения своей культуры и интересов.

Кроме того, в последние годы, в свете политических перемен, связанных с Суданской революцией декабря 2018 года – апреля 2019 года и последующим военным переворотом в октябре 2021 года, хартумская диаспора хауса создала Революционную ассамблею народа хауса «Хартум» [Abushouk, 2021]. Эта ассамблея входит в состав всесуданской Революционной ассамблеи народа хауса. Она была создана для защиты и продвижения политических интересов хауса. Сегодня община суданских хауса в Хартуме является значимой частью социальной и экономической структуры города.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА ХАУСА В ДИАСПОРЕ

Хауса – крупнейший по числу носителей язык чадской семьи. Он является одним из наиболее распространенных языков в Западной Африке и является официальным языком в таких странах, как Нигерия и Нигер. Хотя язык хауса не имеет официального статуса в Судане, он широко используется в повседневной жизни местной диаспоры хауса, особенно в семенно-бытовой сфере.

Лингвистическая карта Судана характеризуется обилием языков, так как на ней насчитывается около 132 различных этнических языков [أبو منقة، جاه الله، 2011]. Что касается степени использования местных языков в Судане в целом, включая язык хауса, ряд лингвистических исследований доказал ускоренный переход от использования местных языков к использованию арабского языка по нескольким причинам, важнейшими из которых являются: демографический, культурный и религиозный вес арабского языка; государственная поддержка арабского языка за счет местных языков; отсутствие потенциала для распространения местных языков, а иногда даже для выживания; миграция носителей местных языков в районы господства арабского языка [أبو منقة، جاه الله، 2011].

Несмотря на вышеизложенное, в частности на тот факт, что этнические языки в Судане не преподаются в школах и усваиваются, в отличие от арабского и английского языков, в основном в устной форме в семейном окружении, язык хауса входит в число первых двенадцати наиболее распространенных языков Судана. Это свидетельствует о его относительно значительном демографическом весе (это без учета тех хауса, которые уже утратили язык своих предков и перешли на арабский язык) [Abu-Manga, 2010]. Язык хауса наиболее широко используется в диаспорах хауса в некоторых регионах Судана, таких как провинции Сеннар,

Гедареф, Голубой Нил, Кассала, Ньяла, Аль-Джазира и др.

Что касается функционирования языка хауса в диаспоре в столице, в ходе социолингвистического обследования нами было установлено, что использование языка хауса крайне ограничено, оно тяготеет к сугубо семейно-бытовой сфере общения, тем не менее этот язык употребляется в разнообразных функциях.

Функции языка включают в себя «основные и вторичные функции, выполняемые языком как уникальным явлением человеческой цивилизации, среди которых главная функция – быть средством коммуникации» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 235]. Прямого соответствия между сферой и функцией языка не существует, поскольку в различные исторические периоды и под влиянием разнообразных экстралингвистических факторов могут использоваться разные языки или языковые структуры, которые выполняют различные общественные функции в различных сферах общения [Кондрашкина, 2016].

По данным, полученным в ходе нашего исследования хартумской диаспоры хауса, можно выделить следующие функции языка: символическую, фатическую (контактоустанавливающую), эмпатическую, конспираторную, коммуникативную и функцию языка сновидений. Каждая из выделенных функций языка хауса в хартумской диаспоре имеет свои особенности.

Символическая функция языка связана с использованием его для передачи идей, концепций и обозначения объектов, процессов и явлений. Все респонденты подтвердили, что они активно используют язык хауса на таких особых мероприятиях, как свадьбы. В Судане свадьбы обычно длятся от трех дней до недели, и представители диаспоры хауса в Хартуме часто отмечают один из дней свадьбы по традиции хауса. Они надевают национальные костюмы хауса, готовят традиционную еду и танцуют под этническую музыку, поют на языке хауса. Они также стараются, по возможности, говорить на своем этническом языке на традиционных вечеринках.

> Мы всегда устраиваем вечеринку по традиции хауса. Это наши обычаи и традиции. Мы выросли, видя, что наши старшие родственники так делают, и мы должны делать то же самое. Родственники очень радуются, когда мы устраиваем такие вечеринки (*Яссир М., 24*).

«**Фатическая** (контактоустанавливающая) функция связана с использованием языка для установления контакта между людьми» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 96]. Это может быть простым приветствием, ответом на вопрос, подтверждением понимания или установлением связи между собеседниками, для создания чувства сопричастности и принадлежности к определенной культурной группе.

В нашем исследовании 90 % опрошенных использовали язык хауса для установления контакта с другими носителями языка. Один из участников рассказал, что сам не инициировал бы разговор на этом языке с незнакомцами на улицах Хартума или даже в своем районе Ингаз, но если кто-то поздоровается с ним на языке хауса, то он обязательно ответит ему на хауса и может продолжить разговор на нем. В совсем другой ситуации, если бы он находился в своей родной деревне около города Эль-Обейд в центральном Судане, где большинство населения говорят на языке хауса, он бы чувствовал себя более комфортно.

> У нас там в деревне почти все говорят на хауса. Если выйти на улицу, то можно услышать только язык хауса, кроме общения на рынке (*Яссир М., 24*).

Два этнических представителя хауса, которые встретились в Хартуме, могут начать разговаривать на хауса, используя фразы, такие как *Sannu*! (*Здравствуй*!) или *Kana lafiya?* (*Как дела*?), чтобы подчеркнуть свою принадлежность к хауса-говорящей диаспоре.

Эмпатическая функция связана с использованием языка для выражения эмоций и чувств, настроения и эмоциональных состояний. Согласно данным, полученным в результате нашего исследования, язык хауса используется членами диаспоры также для установления эмоциональной связи с собеседником. Из бесед с респондентами стало ясно, что 71 % первого поколения, а также 33 % второго поколения, используют хауса в семейно-бытовой сфере или при общении со знакомыми, иногда употребляя такие слова, как *malam* (*шейх*) или *aboki, abokiya* (*друг*, *подруга*). Представители хауса прибегают к этим словам для того, чтобы чтобы получить обратную эмоциональную связь от собеседника. Причем они говорят на хауса независимо от того, является ли для них этот язык функционально первым. Также, когда члены диаспоры находятся вместе на мероприятии или встрече и хотят выразить свои эмоции, они могут использовать язык хауса для создания эмоциональной атмосферы. Например, они могут использовать фразу *Ina son ka* (*я скучаю по тебе*) для выражения своей любви или дружеской привязанности к собеседнику. Также они могут использовать выражения типа *Kai! Kai! Kai!* (*Ух ты*! *Ух ты*! *Ух ты*!) или *Yayyay!* (*Ура*!) для выражения радости и восторга.

Конспираторная функция связана с использованием языка для передачи секретной информации, тайных знаний, а также для создания доверительных отношений между людьми. Известно, что, когда регулярная коммуникация на каком-то языке прекращается в языковом сообществе, остаточные знания этого языка могут быть использованы не только для групповой идентификации и шуток, но и как тайный язык [Зассе, 2012].

> С подругами я обычно разговариваю на арабском языке, но если одна из подруг знает хауса, то мы иногда можем говорить на хауса в некоторых случаях. Иногда я использую язык хауса в транспорте, чтобы попросить подругу забронировать для меня место рядом с ней, чтобы другие люди не понимали нашу беседу. Также в университете я могу задать подруге вопрос на хауса, чтобы остальные не слышали, о чем мы говорим (*Нада З., 34*).

Коммуникативная функция связана с использованием языка для передачи информации и осуществления коммуникации между людьми. В результате исследования было выявлено, что все наши респонденты используют хауса в большей или меньшей степени в коммуникативной функции, одной из базовых функций языка – быть средством человеческого общения [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. В выборке первого поколения диаспоры хауса в столице Судана преобладают активные билингвы – люди родом из деревень и небольших городков, которые в детстве говорили на языке хауса. Они используют хауса в Хартуме как в семейной среде, так и в общении с родственниками старшего возраста, а иногда даже с младшими. Пассивные билингвы первого поколения – это обычно те, кто переехали в Хартум по семейным причинам в раннем детстве, редко используют хауса и говорят на нем только в общении со старшими родственниками, которые плохо знают арабский язык или совсем не владеют им.

> Мой родной язык – арабский. Язык хауса для меня – второстепенный язык. Я на нем говорю только со старшими родственниками, потому что некоторые родственники не знают арабского (*Валид Н., 27*).

Второе поколение находится в ситуации, в которой два из трех опрошенных используют хауса в повседневной жизни, поскольку активно владеют этим языком: они живут или жили некоторое время со старшими родственниками, которые передали им язык.

Квазикоммуникативная функция связана с использованием языка для передачи информации, которая не является сутью коммуникации, а, скорее, представляет собой некую форму речевого выражения или поведения. Это не полноценная коммуникация. Она заключается в использовании языка для создания чувства общности и солидарности. Пассивные билингвы первого поколения и респонденты второго поколения иногда общаются на хауса со старшими родственниками и знакомыми в целях улучшения владения языком или уточнения значения новых слов. В ответ на вопрос: «Как вы пытаетесь сохранить и развить свой язык хауса?» – один из респондентов сказал:

> Во-первых, постоянно просматривая фильмы. Так часто, как у меня есть возможность, я стараюсь посмотреть его, чтобы выучить два–три новых слова, чтобы не выходить с пустыми руками. Кроме того, общаясь с людьми, знающими язык хауса, я часто спрашиваю их о значениях новых для меня слов (*Тауфиг О., 22*).

Среди других функций, которые язык хауса выполняет во внутренней диаспоре хауса в Хартуме, есть **функция языка сновидений**. Она связана с использованием языка в сновидениях, которые могут отображать наши сознательные и бессознательные мысли, чувства и переживания [Куцаева, 2018]. В ответ на вопрос о том, на каком языке им снятся сны, 57% респондентов первого поколения отметили, что в ряде случаев сны им снятся и на языке хауса. Они указали несколько причин таких сновидений. Во-первых, эти сновидения могут быть связаны с определенным местом на их родине в провинции:

> Если что-то связано с деревней нашей, то снится на языке хауса (*Нада З., 34*).

Во-вторых, сон на языке хауса может быть связан с определенным человеком, с которым респондент общается или общался на языке хауса, как заявила одна из респондентов:

> Если я вижу своих родителей или старших родственников, то на языке хауса снятся (*Амина Х., 50*).

В-третьих, сон на языке хауса может быть связан с каким-то событием, имеющим непосредственное отношение к их родной местности, как сказал респондент:

> Мне иногда видятся сны, связанные с моей молодостью, на языке хауса (*Нух М., 68*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, функции языка хауса в диаспорной среде города Хартум зависят от поколения. У первого поколения язык имеет символическую функцию, которая усиливается в связи с жизнью вдали от родной земли, а также фатическую, эмпатическую, коммуникативную и конспираторную функции. Во втором поколении язык играет скорее роль символа групповой идентификации, а не тайного языка (в особенной степени это относится к тем, кто не очень хорошо владеет языком хауса). Однако те, кто интересуется своими корнями и культурой, могут способствовать развитию квазикоммуникативной функции языка хауса через просмотр фильмов и посещение курсов, организованных активистами в Хартуме. Общая информация представлена в таблице 3.

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА ХАУСА В ДИАСПОРЕ ГОРОДА ХАРТУМА

Функции	Поколение I (в %)	Поколение II (в %)
символическая	100	100
фатическая	100	66
эмпатическая	71	33
конспираторная	100	33
квазикоммуникативная	29	100
коммуникативная	85	66
сны	57	–

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. 2nd ed. New York: Routledge, 2008. URL: https://doi.org/10.4324/9780203928943
2. Осепян А. К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. №7(156). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-i-harakteristiki-diaspory-v-klassicheskom-i-sovremennom-vide
3. أحمد إبراهيم أبو شوك. الثورة السودانية (2018-2019): مقاربة توثيقية - تحليلية لدوافعها ومراحلها وتحدياتها // المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات. = 2021 Ахмед Ибрагим Абу Шоук. Суданская революция (2018–2019): документально-аналитический подход к ее мотивам, этапам и вызовам. Арабский центр исследований и изучения политики. 2021.
4. الأمين أبو منقة محمد، وكمال محمد جاه الله: لغات السودان مقدمة تعريفية، مجلس تطوير وترقية اللغات القومية، الخرطوم، 2011 = Абу-Манга А., Джах Аллах К. Языки Судана: Введение. Национальный совет по культурному наследию и развитию национальных языков Судана, 2011.
5. Abu-Manga A. Challenges to Management of Linguistic Diversity in the Sudan // International Seminar on India and Africa: Partnership for Capacity Building and Human Resource Development. New Delhi: Jawaharlal Nehru University, 2010. P. 9–10.
6. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко М.: Институт языкознания РАН, 2006.
7. Кондрашкина Е. А. Сферы общения и язык // Язык и общество. М.: Азбуковник, 2016. С. 460–464.
8. Зассе Х.-Ю. Теория языковой смерти // Социолингвистика и социология языка / отв. ред. Н. Б. Бахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 433–458.
9. Куцаева М. В. Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона: дис. … канд. филол. наук. М., 2018.

REFERENCES

1. Cohen, R. (2008). Global Diasporas: An Introduction (2nd ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203928943
2. Osepyan, A. K. (2013). Koncepty i kharakteristiki diaspory v klassicheskom i sovremennom vide = Concepts and characteristics of diaspora in classic and modern form vestnik orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 7 (156), 68–76.

3. أبو شوك ، أ. (2021). الثورة السودانية (2018-2019) مقاربة توثيقية تحليلية لدوافعها ومراحلها وتحدياتها. المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات = Abushouk, A. (2021). The Sudanese revolution (2018–2019): a documentary-analytical approach to its motives, stages and challenges. Arab Center for research and Policy Studies.
4. الأمين أبو منقة محمد، وكمال محمد جاه الله. (2011). لغات السودان مقدمة تعريفية. مجلس تطوير وترقية اللغات القومية، الخرطوم = Abu-Manga, A., Jahallah, K. (2011). Languages of Sudan: an introduction. The National Council for Cultural Heritage and Promotion Of National Languages, Sudan.
5. Abu-Manga, A. (2010). Challenges to Management of Linguistic Diversity in Sudan. International Seminar on India and Africa: Partnership for Capacity Building and Human Resource Development. Jawaharlal Nehru University, New Delhi, 9–10.
6. Mikhal'chenko, V. Yu. (Ed.). (2006). Dictionary of Sociolinguistic Terms. Moscow: the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
7. Kondrashkina, E. A. (2016). Sfery obshcheniya i yazyk = Spheres of communication and language. In Yazyk i obshchestvo (pp. 460–464). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
8. Sasse H.-J. (2012). Teoriya yazykovoi smerti = Theory of language death. In Bakhtin, N. V. (ed.), Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka (pp. 433–458): khrestomatiya. St.Petersburg. (In Russ.)
9. Kutsayeva, M. V. (2018). Funktsionirovaniye chuvashskogo yazyka v diaspore moskovskogo regiona = Functioning of the Chuvash language in the diaspora of the Moscow region: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осман Мухаммад Нух Мухаммад
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
преподаватель кафедры русского языка Хартумского университета (Судан)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Osman Muhammad Nooh Muhammad
Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University
Lecturer at the Department of the Russian Language, University of Khartoum (Sudan)

Статья поступила в редакцию	29.04.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81:001.12.18
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_72

Лингвопрагматические аспекты изучения идентичности в Китае: теория прагматической идентичности

Пэй Сянлинь[1], Н. Н. Германова[2]

[1]*Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, 1374254717@qq.com*
[2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, nata-germanova@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется предложенное Чэнь Синьжэнем понятие прагматической идентичности. Оно подразумевает контекстуализированную идентичность адресата и адресанта, дискурсивно конструируемую в ходе интеракции. В статье рассматриваются пути исследования прагматической идентичности, стратегии и средства ее создания и другие аспекты теории Чэнь Синьжэня, а также развитие его идеи в работах китайских лингвистов. Авторы приходят к выводу, что данная теория применима к анализу не только китайской, но и других лингвокультур, и является перспективной линией лингвопрагматических исследований.

Ключевые слова: идентичность, теория прагматической идентичности, Чэнь Синьжэнь, межличностная коммуникация, китайская лингвопрагматика

Для цитирования: Пэй Сянлинь, Германова Н. Н. Лингвопрагматические аспекты изучения идентичности в Китае: теория прагматической идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 72–79. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_72

Original article

Linguopragmatic Aspects of Identity Studies in China: the Theory of Pragmatic Identity

Pei Xianglin[1], Natalia N. Guermanova[2]

[1]*Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China, 1374254717@qq.com*
[2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, nata-germanova@yandex.ru*

Abstract. The authors discuss the concept of pragmatic identity proposed by Chen Xinren. It is contextualized identity of communicants which is constructed discursively in the course of interaction. The perspectives of the research into pragmatic identity, the strategies and means of its construction and other aspects of Chen Xinren's theory, as well as the development of this theory by Chinese linguists, are demonstrated. The authors come to the conclusion that the theory under consideration is applicable to other cultures, being a promising line of linguopragmatic research.

Keywords: identity, theory of pragmatic identity, Chen Xinren, interpersonal communication, Chinese linguopragmatics

For citation: Pei Xianglin, Guermanova, N. N. (2023). Linguopragmatic aspects of identity studies in China: the theory of pragmatic identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 72–79. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_72

ВВЕДЕНИЕ

Идентичность является важным аспектом исследований в гуманитарных науках, таких как социология, социальная психология, социолингвистика и прагматика. С развитием социального конструктивизма природа идентичности подверглась пересмотру: с течением времени исследователи все чаще отказывались рассматривать идентичность в качестве статичной категории и все более подчеркивали ее динамичный характер. Соответствующим образом менялся и взгляд на соотношение идентичности и дискурса: последний, согласно современным представлениям, не просто отражает сложившуюся идентичность, но выступает как пространство для ее конструирования. Идентичность является не только предустановленным этническим, культурным и социальным атрибутом коммуникантов, но формируется и уточняется в процессе коммуникации за счет выбора участниками коммуникативного акта определенных лингвистических и нелингвистических средств, а также за счет использования различных стратегий конструирования идентичности в соответствии с текущими коммуникативными потребностями.

Хотя понятие идентичности (*англ.* identity, *кит.* 身份) широко используется в различных направлениях гуманитарных наук, у исследователей до сих пор не выработалось единой позиции по поводу его определения.

Например, в социологии идентичность относится к социальным атрибутам индивидуума или группы, таким как возраст, пол, происхождение и т. д. Социальная идентичность отражает осознание индивидом своей принадлежности к определенному общественному слою, своего социального статуса, своей социальной роли.

В психологии идентичность понимают как эго-идентичность (Э. Эриксон), т. е. как ощущаемую субъектом внутреннюю целостность и непрерывность личности. Эти личностные константы он ощущает на протяжении всей жизни.

В социальной психологии идентичность рассматривается не только в качестве внутреннего психологического феномена, но и как социокультурная категория. Она формируется в результате ориентации человека как на других, так и на самого себя. Иначе говоря, идентичность, с этой точки зрения, – это интерсубъективное явление.

Понятие идентичности широко используется в лингвистике. В рамках данной дисциплины она может изучаться и как идеолект, т. е. совокупность особенностей речи идивида, и как реализация в речи и речевом поведении индивида тех особенностей, которые связаны с его этническим, социальным и гендерным самоопределением. Такое понимание идентичности оказывается востребованным в социолингвистике, этнолингвистике и этнопсихолингвистике, в гендерной лингвистике и лингвопрагматике.

В настоящей статье речь пойдет о новой перспективной линии изучения идентичности, которая в последние годы оказалась востребованной в китайской и (несколько меньше) в западной лингвопрагматике – о так называемой прагматической идентичности. Хотя западные ученые проводили исследования проблем идентичности с точки зрения прагматики практически одновременно с китайскими учеными, теория прагматической идентичности была впервые разработана китайскими авторами.

Прагматическая идентичность, по мысли Чэнь Синьжэня, которому и принадлежит этот термин, относится к контекстуализированным идентичностям адресанта и адресата, выбранным намеренно или непреднамеренно участниками коммуникации, а также к идентичностям других индивидов или групп, упоминаемых говорящим в его высказываниях [陈新 仁, 2013]. Прагматическая идентичность – это реальное воплощение, использование определенной идентичности или даже фиктивное присвоение чужой социальной идентичности в контексте языкового общения.

Следует заметить, что в Китае за последние десятилетия появился целый ряд работ, посвященных лингвопрагматической проблематике, прежде всего, категории вежливости (см. подробнее [Пэй Сянлинь, 2022; Яо Чжипэн, 2019; Яо Чжипэн, Пищальникова, 2020]). Особо следует отметить исследования межличностной коммуникации, активно развивающиеся после знакомства китайских авторов с монографией М. Лочер и С. Грэхема «Межличностная коммуникация» [Locher, Graham, 2010]. Центральной задачей межличностной прагматики является выяснение того, как участники коммуникации выстраивают межличностные отношения с помощью языка и управляют ими в конкретной коммуникативной ситуации [冉永平, 黄旭, 2019]. Как будет показано ниже, теория прагматической идентичности Чэнь Синьжэня хорошо согласуется с этим направлением исследований.

В статье будут рассмотрены

- теория Чэнь Синьжэня как создателя теории прагматической идентичности;
- развитие теории прагматической идентичности в работах китайских лингвистов.

ТЕОРИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЭНЬ СИНЬЖЭНЯ

Термин «прагматическая идентичность» (pragmatic identity / identity in use) впервые был использован китайским лингвистом Чэнь Синьжэнем в лекции «Прагматическая идентичность: теория и применение» в Центрально-китайском педагогическом университете в 2008 году. Его идеи в этой области были обобщены в монографии «语用身份论—如何用身份话语做事» (Pragmatic Identity: How to Do Things with Words of Identity) [陈新仁, 2018]. Как видно из названия, вызывающего прямые ассоциации со знаменитой работой Дж. Остина, Чэнь Синьжэнь стремился вписать свою теорию в контекст мировой лингвопрагматики.

Это весьма показательный момент. Ряд исследований китайских лингвистов, работающих в области лингвопрагматики, отражает их стремление приложить теории западных, прежде всего англоязычных авторов, к китайскому материалу. С другой стороны, появились и работы, отражающие специфически китайское речевое поведение. Так, например, Гу Юего выделил, в качестве некоторой альтернативы максимам вежливости Дж. Лича, пять принципов вежливости, актуальных для китайского речевого поведения [顾曰国, 1992]. Со Чжэньюй выдвинул лингвопрагматический принцип уместности, включающий в себя максимы вежливости, юмора и сдержанности и призванный, по его мнению, дополнить принцип кооперации Г. П. Грайса [索振羽, 2014].

На этом фоне особое значение работы Чэнь Синьжэня состоит в разработке оригинальной теории. которая, хотя и разрабатывалась преимущественно на материале китайского языка, применима и к другим лингвокультурам: в то время как конкретные стратегии и используемые для создания прагматической идентичности языковые средства варьируют в разном этнокультурном контексте, само явление прагматической идентичности является универсальным.

Теория прагматической идентичности Чэнь Синьжэня и работы других китайских авторов, опирающихся на данное понятие, удачно вписываются в контекст современной лингвопрагматики, для которой характерно стремление сместить фокус с исследований категории вежливости на комплексное и всесторонне изучение коммуникативных процессов. Это стремление проявляется, в частности, в работах Х. Спенсер-Оути, которая переносит акцент с вежливости как избегания ликоугрожающих речевых актов на «управление взаимоотношениями» (rapport management), причем управление отношениями не всегда ориентировано на улучшение отношений [Spencer-Oatey, 2000]. Стремление учитывать разнообразие коммуникативных целей и задач отличает также метод исследования М. Лочер и У. Уоттса, рассматривающих общение как «работу над отношениями» (relational work) [Locher, Watts, 2005]. Многообразие прагматических идентичностей, воплощающих их стратегий, дискурсивных и языковых средств в концепции Чэнь Синьжэня согласуется с данными взглядами на коммуникацию.

В своей работе Чэнь Синьжэнь выдвинул максиму идентичности (Identity Maxim) – «Говорите с идентичностью, которая в целом подходит к текущему коммуникативному контексту» [陈新仁, 2018, с. 74]. Эта максима призвана дополнить принцип кооперации Г. П. Грайса и максимы вежливости Дж. Лича. Она подразумевает возможность вариативного поведения индивида, который может выбирать конкретную линию поведения для решения текущих коммуникативных задач. Преимущество максимы идентичности Чэнь Синьжэня заключается в том, что она предполагает гибкое приспособление говорящего к коммуникативному контексту и не сводит цели коммуникации к передаче информации или смягчению ликоугрожающих актов.

По мнению автора, действие максимы идентичности предполагает наличие как минимум двух следующих факторов:

1) схемы идентичности, которая складывается из совокупности стандартных реализаций конкретных видов поведения в конкретных коммуникативных ситуациях, и опирается на представления, ожидания, убеждения относительно норм поведения человека, выступающего в данной идентичности;
2) дискурса идентичности – стандартного немаркированного прагматического способа реализации определенного поведения, который соответствует определенной идентичности.

Это подразумевает знание индивидом норм коммуникативного поведения, к которым он может гибко приспосабливаться в зависимости от того, в какой идентичности он желает предстать в данном коммуникативном акте. Немаркированные нормы поведения создают фон, на котором отступления от них служат реализации специфических коммуникативных целей.

В своей монографии Чэнь Синьжэнь детально обсуждает пять ресурсов прагматической идентичности для исследователя, т. е. пять перспективных путей исследования прагматической идентичности:

– изучение прагматических идентичностей, сконструированных в дискурсе, как ресурса для декодирования языковых значений;

- изучение прагматических идентичностей как ресурса для интерпретации иллокутивного намерения;
- изучение прагматических идентичностей как ресурса для интерпретации межличностных отношений, например, для сближения с собеседником или дистанцирования от него;
- изучение прагматических идентичностей как ресурса для объяснения специфических черт дискурса (выбора стиля и т. п.);
- изучение прагматических идентичностей как ресурса для оценки того, является ли дискурсивная практика в конкретной коммуникативной ситуации уместной с точки зрения идентичности [陈新仁, 2018].

Существенную роль для интерпретации всех аспектов интеракции играет следование коммуникативным нормам, соответствующим реальной идентичности коммуникантов (идентичности по умолчанию) или отступление от них (конструирование фиктивных идентичностей). Так, если слово «指导 / руководить» употреблено подчиненным, который просит начальника руководить его работой, оно конструирует стандартные реляционные идентичности; если же это слово употребляется в общении людей с равным социальным статусом или начальник просит подчиненного «руководить» его работой, тогда оно будет свидетельствовать о стремлении к сближению собеседников, т. е. о конструировании других межличностных отношений.

Отклонение от идентичности может быть позитивным и негативным. Позитивное отклонение от прагматической идентичности проявляется как прагматическая стратегия, которая помогает коммуникантам выполнять определенные коммуникативные функции, такие как реализация иллокутивных интенций или улучшение межличностных отношений. Негативное отклонение от прагматической идентичности относится к неадекватному выбору коммуникантами прагматической идентичности, что приводит к прагматической неудаче.

Чэнь Синьжэнь выделяет пять основных стратегий, позволяющих использовать прагматическую идентичность как иллокутивный ресурс.

1. Выдвижение определенной идентичности на передний план (凸显策略 / foregrounding strategy). Эта стратегия используется, когда коммуниканты предоставляют окружающим дополнительную информацию об идентичности одного из участников коммуникации в ситуациях, хотя его идентичность в основных чертах известна окружающим (например, модератор на заседании представляет докладчика).

2. Затемнение идентичности (身份遮蔽策略 / shadowing strategy (backgrounding strategy). Это своеобразная «деидентификация», которая приводит к устранению, размыванию или даже отказу от фактической идентичности индивида в текущей коммуникативной ситуации через употребление расплывчатых, общих и обобщенных языковых выражений (например, говорящий вместо «я» употребляет обороты типа «любой человек», «обычные люди).

3. Идентификация по отношению к собеседнику (认同策略 / identifying strategy). Эта стратегия используется, когда говорящий конструирует свою идентичность, подчеркивая свою близость к собеседнику или, напротив, противопоставляет себя ему; в отечественной лингвистике это часто интерпретируется как реализация оппозиции свой / чужой. Так, в высказывании «都是自己人 / Вы свои люди» говорящий подчеркивает сходство своей прагматической идентичности и прагматической идентичности адресата, а в высказывании «这是城里，不是你们农村» («Здесь город, а не ваше село») прагматическая идентичность говорящего противоположна прагматической идентичности слушающего.

4. Отклонение (偏离策略 / deviating strategy). При использовании этой стратегии адресант строит высказывание не в соответствии со своей фактической идентичностью. Например, говорящий выражает уважение к собеседнику одновременно с принижением собственной личности или «заимствует» чужую идентичность (например, на пресс конференции дипломат вместо оборота «наша страна» употребляет, чтобы выразить позицию Китая, местоимение «я»).

5. Переключение (切换策略 / switching strategy). В ходе интеракции говорящий может динамически менять идентичность (свою или собеседника), исходя из изменившихся обстоятельств или целей коммуникации (например, менять более официальное обращение к собеседнику на более фамильярное или наоборот).

Чэнь Синьжэнь формулирует положение о динамическом прагматическом равновесии, которое состоит в достижении баланса между коммуникативными нуждами и прагматической силой.

Автор называет все виды усилий, предпринимаемых коммуникантами для удовлетворения коммуникативных нужд, прагматическими усилиями. Прагматические усилия отражаются в использовании прагматических ресурсов.

К последним относятся различные ресурсы, которые служат конкретным коммуникативным целям, в том числе: 1) языковые ресурсы; 2) паралингвистические ресурсы, включая мимику, жесты и позы; 3) контекстуальные ресурсы, включая объекты окружающего мира (присутствующие люди,

предметы, расстояние между собеседниками, климат, местность и т. д.), характеристики социального мира (власть, равенство, родство, профессия, возраст, финансовое положение и т. д.), характеристики психологического мира (убеждения, ценности, предпочтения, эмоции и т. д.), контекст (в широком смысле включает историю вербального взаимодействия между собеседниками).

Использование говорящим вышеупомянутых языковых и неязыковых ресурсов будет иметь определенное влияние, или силу, которую автор назвал «прагматической силой».

К типам дискурсивных практик, связанных с конструированием идентичности, Чэнь Синьжэнь относит:

1) выбор языкового кода: язык (например, английский, китайский), диалекты (например, северо-восточный диалект);
2) выбор языкового стиля, который предполагает конструирование своей идентичности или идентичности собеседника (например, формальный стиль, непринужденный стиль и т. д.);
3) выбор характеристик дискурса, особенности организации беседы (например, режим очередности реплик (turn-taking);
4) выбор содержания дискурса (выбор темы, акцент на информировании, высказывании мнения, выдвижении предположения и т. п.), который позволит сделать вывод об идентичности адресата и / или адресанта;
5) выбор способа выражения. Способ выражения, позволяющий определить реляционную идентичность участников коммуникации, включает в себя выбор речевого акта (например, критика, похвала, предложение, просьба или приказ); выбор обращения к собеседнику; выбор грамматических средств (например, выбор личных местоимений); выбор лексических средств (лексические прагматические маркеры, модальные частицы и т. п.); выбор просодических средств (скорость речи, акцент и т. д.); выбор паралингвистических средств (жесты, расстояние, взгляд и т. д.).

Как видно, в противовес обсуждению идентичностей с точки зрения социологии или психологии, Чэнь Синьжэнь акцентирует коммуникативные атрибуты идентичности; его концепция базируется на лингвопрагматических теориях вежливости и коммуникативной аккомодации. Различные виды идентичностей не проявляются в интеракции одновременно, и значение имеет именно та идентичность, которая востребована в данном коммуникативном контексте. При этом коммуникант, выступающий с точки зрения социологии и социолингвистики в одной и той же социальной роли, может гибко использовать различные прагматические идентичности.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КИТАЙСКИМИ ЛИНГВИСТАМИ

Исследования идентичности и коммуникации с точки зрения прагматики в китайском научном сообществе дали плодотворные результаты, преимущественно при решении следующих вопросов: типы конструирования идентичности коммуникантов (袁周敏, 2014; 陈静, 2019), дискурсивная практика конструирования идентичности (陈新仁, 2013; 2018), согласование, корректировка и деконструкция идентичности (袁春波, 2020), осознание идентичности (郭亚东, 2020), контекстуальные факторы, влияющие на конструирование идентичности (袁周敏, 陈新仁, 2013), эффективность конструировании идентичности (冯文敬, 2020), уместность конструировании идентичности (何荷, 2019), взаимосвязь между идентификацией и вежливостью (陈新仁, 2020) и т. д.

Прагматическая идентичность исследуется китайскими лингвистами на материале различных видов дискурса, таких как политический дискурс, научный дискурс, деловой дискурс, рекламный дискурс, судебный дискурс, семейный дискурс, институциональный дискурс, аргументативный дискурс и конфликтный дискурс.

Важно отметить, что большинство исследований реализуют второй и четвертой пути исследования прагматической идентичности, выдвинутых Чэнь Синьжэнем (изучение прагматических идентичностей как ресурса для интерпретации иллокутивного намерения и как ресурса для объяснения причин формирования специфических черт дискурса).

В последние годы прагматическая идентичность находится в центре внимания многих китайских лингвистов, но, как справедливо отмечает Юань Чжоумин, исследователи по большей части игнорировали этнокультурную специфику понятия «идентичности». Идентичность в китайской культуре необходимо интерпретировать с учетом отношений между коммуникантами (identity in guanxi), именно это является ключевым элементом для понимания идентичности в китайской культуре [袁周敏2021].

Развивая теорию прагматической идентичности, Цуй Чжунлян и Ван Хуэйли разделили прагматическую идентичность на две части: диахроничскую прагматическую идентичность

и синхроническую прагматическую идентичность. Диахроническая прагматическая идентичность относится к предположениям, которые собеседники делают относительно идентичности друг друга до начала коммуникации и к идентичностям, которые они пытаются продемонстрировать в начале коммуникации, а также к их различным идентичностям, представленным в предыдущем процессе коммуникации. В отличие от диахронической прагматической идентичности синхроническая прагматическая идентичность динамически конструируется коммуникантами в процессе интеракции с учетом диахронической идентичности. Если первоначально заявленная прагматическая идентичность взаимно признана собеседниками, тогда синхроническая прагматическая идентичность в реальной коммуникации равна диахронической прагматической идентичности [崔中良, 王慧莉, 2019]. Синхроническая идентичность может расходиться с диахронической, если в процессе коммуникации у ее участников меняется представление друг о друге – а иногда и о себе.

Китайские ученые стремятся найти новые пути исследования прагматической идентичности, в том числе привлекая понятия из области риторики [秦亚勋, 姚晓东, 2019; 吕金妹, 2022], они подчеркивают теоретические отношения между теорией прагматической идентичности и модусами убедительности (включая этос, пафос, логос) [Tindale, 2011]. Особенно важна, по мнению вышеупомянутых исследователей, теоретическая связь между прагматической идентичностью и этосом, понимаемым как нравственное качество самого говорящего, которое рассматривается как доминирующий фактор убеждения. По мнению авторов, и прагматическая идентичность, и этос ориентированы на иллокутивный эффект, обе являются временными идентичностями, конструируемыми адресантом за счет определенных дискурсивных стратегий, что способствует реализации целей убеждения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теория прагматической идентичности Чэнь Синьжэня свидетельствует о стремлении современных авторов, работающих в русле лингвопрагматики, изучать процессы интеракции в их многообразии с учетом различных интенций коммуникантов и складывающихся между ними разнообразных межличностных отношений. Предложенный китайским исследователем термин «прагматическая идентичность» представляется весьма удачным, поскольку позволяет описать динамический процесс конструирования и смены идентичностей участниками коммуникативного акта, преследующими разнообразные иллокутивные цели и «активирующими» для этого различные идентичности.

Хотя процесс смены идентичностей носит универсальный характер, различным лингвокультурам могут быть присущи специфические наборы типичных прагматических идентичностей, варьирующих в зависимости от социального, гендерного и возрастного фактора, благодаря чему понятие прагматической идентичности может быть востребовано в кросс-культурной лингвопрагматике и теории межкультурной коммуникации. Еще одним многообещающим направлением исследований является сопоставление типичных прагматических идентичностей, демонстрируемых коммуникантами в различных коммуникативных сферах – в бытовом общении, в СМИ, в интернет-блогах, в политическом дискурсе и т. п.

Таким образом, понятие прагматической идентичности имеет значительный научный потенциал. Вместе с тем на настоящий момент не до конца проясненным остается соотношение прагматической идентичности с такими давно укоренившимися в лингвопрагматике и социолингвистике понятиями, как идентичность, лицо, самопрезентация и социальная роль. Уточнение этого соотношения, на наш взгляд, позволило бы новому термину занять прочное место в терминосистеме современной лингвопрагматики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 陈新仁. 语用身份: 动态选择与话语建构, 外语研究, 2013, 140(04): 27–32 = Чэнь Синьжэнь. Прагматическая идентичность: динамический выбор и дискурсивная конструкция // Исследование иностранных языков. 2013. Вып. 140 (04). С. 27–32.
2. Пэй Сянлинь. Национально-культурная специфика выражения негативной оценки (на материале русского и китайского языков): дис. … канд. филол. наук. М., 2022.
3. Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках: дис. … канд. филол. наук. М., 2019.
4. Яо Чжипэн, Пищальникова В. А. Сравнительное исследование содержательной специфики этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках / Пищальникова В. А. [и др.]. Картина мира

китайцев: теория и практика научного исследования / В. А Пищальникова, О. В. Дубкова, Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. М.: Р. Валент., 2020. С. 57–105.
5. Locher M., Graham S. Interpersonal Pragmatics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010.
6. 冉永平, 黄旭. 人际关系的语用学研究, 外语教学, 2019. 02: 20–25 = Жань Юнпин, Хуан Сюй. Прагматическое исследование межличностных отношений // Преподавание иностранных языков. 2019. Вып. 02. С. 20–25.
7. 陈新仁. 语用身份论—如何用身份话语做事. 北京: 北京师范大学出版社, 2018年 = Чэнь Синьжэнь. Прагматическая идентичность: как действовать с помощью слов идентичности. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2018.
8. 顾曰国. 礼貌、语用与文化, 外语教学与研究, 1992. 04: 10–17 = Гу Юего. Вежливость, прагматика и культура // Преподавание и исследование иностранных языков. 1992. Вып. 04. С. 10–17.
9. 索振羽. 语用学教程. 北京: 北京大学出版社, 2014 年 = Со Чжэньюй. Курс прагматики. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2014.
10. Spencer-Oatey H. Rapport Management: A Framework for Analysis // Culturally Speaking: Managing Rapport through Talk across Cultures. 3rd. ed. London–New York: Continuum, 2000. P. 11–46.
11. Locher , M.A., Watts R. J. Politeness Theory and Relational Work // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture. 2005. Vol. 1 (1). P. 9–33.
12. 袁周敏. 身份修辞的关系空间—一项本土语用研究, 外语与外语教学, 2021. 02. 2–9 = Юань Чжоуиминь. Риторика идентичности в пространстве Гуаньси: прагматическое исследование коренных народов // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2021. Вып. 02. С. 2–9.
13. 崔中良, 王慧莉. 语用身份的两种维度, 外语与外语教学, 2019. 04: 28–36 = Цуй Чжунлян, Ван Хуэйли. Два измерения прагматической идентичности // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2019. Вып. 04. С. 28–36.
14. 秦亚勋, 姚晓东. 语用身份与修辞人格的理论渊源及伦理之维, 当代修辞学, 2019. 06: 83–93 = Цинь Ясюнь, Яо Сяодун. Прагматическая идентичность и риторический этос: теоретическое сходство и этическое измерение // Современная риторика. 2019. Вып. 06. С. 83–93.
15. 吕金妹. 语用身份研究的新修辞进路, 外语与外语教学, 2022. 02: 21–33 = Люй Цзиньмэй. Новый риторический подход к изучению прагматической идентичности // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2022. Вып. 02. С. 21–33.
16. Tindale C. Out of the space of reasons: Argumentation, agents, and persons // Pragmatics and Cognition. 2011. Vol. 19 (3). P. 383–398.

REFERENCES

1. 陈新仁. (2013). 语用身份: 动态选择与话语建构, 外语研究, 140(04), 27–32 = Chen, Xinren. (2013). Pragmatic Identity: Dynamic Choice and Discursive Construction. Foreign languages research, 140(04), 27–32.
2. Pei, Xianglin. (2022). Nacional'no-kul'turnaya specifika vyrazheniya negativnoj ocenki (na materiale russkogo i kitajskogo yazykov) = National and cultural specifics of expressing negative assessment (based on the Russian and Chinese languages): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Yao, Zhipeng. (2019). Soderzhatel'naya specifika eticheskogo ponyatiya «vezhlivost'» / «礼貌» v russkom i kitajskom yazykah = The content specificity of the ethical concept of "politeness" / "礼貌" in Russian and Chinese: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Yao, Zhipeng, Pishchal'nikova, V. A. (2020). Sravnitel'noe issledovanie soderzhatel'noj specifiki eticheskogo ponyatiya «vezhlivost'». «礼貌» v russkom i kitajskom yazykah = Comparative study of the content specifics of the ethical concept "politeness". "礼貌" in Russian and Chinese. In Pishchal'nikova, V. A., Dubkova, O. V., Fenlin, Cun, Chzhipen, Yao. Kartina mira kitajcev: teoriya i praktika nauchnogo issledovaniya (pp. 57–105). Moscow: R. Valent. (In Russ.)
5. Locher, M., Graham, S. (2010). Interpersonal Pragmatics. Berlin: Mouton de Gruyter.
6. 冉永平, 黄旭 (2019). 人际关系的语用学研究, 外语教学, 02, 20–25 = Ran Yongping, Huang Xu (2019). A Pragmatic Study of Interpersonal Relations. Foreign Language Education, 02, 20–25.
7. 陈新仁. 语用身份论—如何用身份话语做事. 北京: 北京师范大学出版社, 2018年 = Chen, Xinren. (2018). Pragmatic Identity: How to Do Things with Words of Identity. Beijing: Beijing Normal University Press.
8. 顾曰国 (1992). 礼貌、语用与文化, 外语教学与研究, 04, 10–17 = Gu, Yueguo. (1992). Politeness, Pragmatics and Culture. Foreign language teaching and research, 04, 10–17.

9. 索振羽 (2014). 语用学教程. 北京: 北京大学出版社 = Suo, Zhenyu (2014). Pragmatics Course. Beijing: Beijing University Press.
10. Spencer-Oatey, H. (2000). Rapport Management: A Framework for Analysis. In Culturally Speaking: Managing Rapport Through Talk Across Cultures (pp. 11–46). 3rd ed. London – New York: Continuum.
11. Locher, M. A., Watts, R. J. (2005). Politeness Theory and Relational Work. Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture, 1(1), 9–33.
12. 袁周敏 (2021). 身份修辞的关系空间—一项本土语用研究, 外语与外语教学, 02, 2–9 = Yuan, Zhoumin (2021). Identity Rhetoric in Guanxi Space: An Indigenous Pragmatic Study. Foreign Languages and Their Teaching, 02, 2–9.
13. 崔中良, 王慧莉 (2019). 语用身份的两种维度, 外语与外语教学, 04, 28–36 = Cui Zhongliang, Wang Huili (2019). Two Dimensions of Pragmatic Identity. Foreign Languages and Their Teaching, 04, 28–36.
14. 秦亚勋, 姚晓东 (2019). 语用身份与修辞人格的理论渊源及伦理之维, 当代修辞学, 06, 83–93 = Qin Yaxun, Yao Xiaodong (2019). Pragmatic Identity and Rhetorical Ethos: Theoretical Affinities and Ethical Dimension. Contemporary Rhetoric, 06, 83–93.
15. 吕金妹 (2022). 语用身份研究的新修辞进路, 外语与外语教学, 02, 21–33 = Lyu Jinmei (2022). A New Rhetorical Approach to the Study of Pragmatic Identity. Foreign Languages and Their Teaching, 02, 21–33.
16. Tindale, C. (2011). Out of the space of reasons: Argumentation, agents, and persons. Pragmatics and Cognition, 19(3), 383–398.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пэй Сянлинь
кандидат филологических наук
старший преподаватель Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Китай)

Германова Наталия Николаевна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pei Xianglin
PhD (Philology)
Senior Lecturer, Guangdong University of Foreign Studies (China)

Guermanova Natalia Nikolaevna
Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_80

Гендерно обусловленная жестикуляция в устном драматургическом дискурсе

А. А. Ржешевская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
arlen_nastya@rambler.ru

Аннотация. Жесты представляют собой один из значимых ресурсов создания и передачи смысла в коммуникации. В центре внимания автора настоящей работы находится жестовое поведение актеров-персонажей в одном из устных форматов драматургического дискурса – телеспектакле. В настоящей статье мы исходим из того, что жестикуляция придает особенное семантическое значение коммуникативному взаимодействию мужчин и женщин. В проведенном исследовании выявляются сходные и различные черты жестового поведения актеров, исполняющих мужские и женские роли.

Ключевые слова: жесты, драматургический дискурс, речь, параметрическое аннотирование

Благодарности. Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Полимодальный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса», № АААА-А20-120071690041-3.

Для цитирования: Ржешевская А. А. Гендерно обусловленная жестикуляция в устном драматургическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 80–87. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_80

Original article

Gender Determined Gestures in Oral Drama Discourse

Anastasia A. Rzheshevskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
arlen_nastya@rambler.ru

Abstract. Gestures are defined as one of the most prominent sources of information in communication. The present research focuses on gesture behaviour of actors and actresses in one of oral types of drama discourse – TV play. Gestures are assumed to attach additional sematic meaning to communicative interrelation between men and women. The article demonstrates similarities and differences of gesture behaviour of men and women.

Keywords: gestures, drama discourse, speech, parametric annotation

Acknowledgments. The research is carried out within the framework of the state assignment of the Ministry for Science and Higher Education of the Russian Federation "Polymodal analysis of the speaker's communicative behaviour in different types of oral discourse" № АААА-А20-120071690041-3.

For citation: Rzheshevskaya, A. A. (2023). Gender determined gestures in oral drama discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 80–87. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_80

ВВЕДЕНИЕ

Невербальная коммуникация, включающая в себя знания о звуковых кодах, жестах, визуальном поведении, тактильном взаимодействии, коммуникативном пространстве, несет информацию о социальных, культурных и личностных характеристиках коммуникантов, об их отношении к актуальному предмету, субъекту или событию.

Гендерно обусловленное невербальное поведение особо значимо для устной коммуникации не только в реальных условиях, но и в тех, которые создаются режиссером, подчеркивают некоторые свойства и характерные черты коммуникантов [Hall, 1984; Briton, Hall, 1995; Fairclough, 2003]. Гендерная оппозиция, представляющая «две разные культуры» [Крейдлин, 2005, с. 15], находит особенное выражение в жестикуляции как одном из семиотических кодов. Жестикуляция в драматургическом дискурсе приобретает дополнительное значение в устном воплощении и, в частности, в одном из его проявлений – в телевизионной версии спектакля. В телеспектакле крупным планом выделяются не только лица актеров-персонажей, но также их жесты. Они придают особую выразительность и эмоциональную окрашенность движениям актеров, отражают истинное отношение коммуникантов к событию и их взаимоотношения между собой, вносят дополнительный смысл в высказывание, становясь таким образом «говорящими» [Мейерхольд, 1968]. «Семиотически неоднородный» художественный текст, по Ю. М. Лотману, выполняет функцию передачи закодированного сообщения от адресанта к адресату, а также способствует «актуализации» определенных аспектов передаваемой информации [Лотман, 1992].

Цель данной работы не только уточнить значимость жестового компонента в коммуникации мужчин и женщин, но и установить отличительные особенности жестового поведения актеров-персонажей, исполняющих женские и мужские роли в постановочном дискурсе, а именно, устном драматургическом дискурсе (телеспектакле).

МАТЕРИАЛ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования служат диалогические единства актеров-мужчин и женщин в телеспектаклях по пьесам современных российских авторов: «Гнездо глухаря» (В. Розов), «Пена» (С. Михалков), «Миллион за улыбку» (А. Софронов), «Уходя, оглянись» (Э. Володарский), «Часы с кукушкой» (Л. Филатов), «Перед ужином» (В. Розов), «Старомодная комедия» (А. Арбузов), «Смотрите кто пришел» (В. Арро), «Ретро» (А. Галин), «Пощечина» (С. Михалков). В центре внимания автора статьи – жестовая коммуникация между актерами-мужчинами и женщинами, состоящими в различных социальных ролях, например, муж и жена, теща и зять, жених и невеста, брат и сестра, мама и сын. Единицей анализа является предложение в каждом высказывании актеров-мужчин и актеров-женщин. Общее количество единиц анализа составляет 494 (231 единицы анализа в женских репликах-высказываниях и 263 – в мужских).

На основании дискурсивных и жестовых параметров, отмеченных ранее в [Ржешевская, 2022], отобранные фрагменты телеспектаклей были проаннотированы для определения типа дискурса и жеста в репликах-высказываниях. Так, дескриптивный дискурс описывает признаки и свойства события, содержит лексические единицы визуального, аудиального и вкусового восприятия (Greimas, Courtes et al., 1982). Нарративный дискурс содержит какую-либо информацию о событии или субъекте, а также хронологическую цепь представления события (Segal, 1995). Инструктивный дискурс задает пространственно-временные координаты события, личностные характеристики субъекта, инфинитивные и императивные конструкции [Кибрик, 2009]. Экспозитивный дискурс представляет пояснительные или уточняющие характеристики события (Westby et al., 2010). Аргументативный дискурс отражает индивидуальный опыт коммуниканта, эмоционально-оценочное изложение события (Кубрякова, 2000; Amossy, 2009). Сопровождающие тот или иной тип дискурса жесты классифицируются по нескольким группам: репрезентирующие (придание формы или объема, разыгрывание действий, траектория движения, манипулятивные действия), прагматические (эмфатический, контактоустанавливающий, выражение отношения или оценки, формулирование слов), дейктические (указательный, касание), жесты-битов и адаптеры (самоадаптеры и предметные адаптеры) [Cienki, 2005; Müller, 2014; Cienki, Iriskhanova, 2018; Прокофьева, Ирисханова, Киосе, 2021; Iriskhanova et al., 2022; Киосе, 2023]. Ранжирование и перераспределение жестов, сопряженных с речевыми функциями в естественной и постановочной коммуникации, являют собой ценное подспорье для изучения коммуникативного поведения мужчин и женщин. Научный интерес представляет, в частности, различная природа их жестикуляции [Iriskhanova et al., 2022; Томская, Рябухина (Рашина), 2023].

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ

Сведения о дискурсивной и жестовой параметрической интенсивности были проанализированы

в программе HETEROSTAT [Киосе, Ефремов, 2020]. Данные активности дискурсивных параметров в мужских и женских репликах указывают на большую проявленность аргументативного, экспозитивного и инструктивного типов дискурса в мужских репликах, нарративного – в женских. Выявлены тождественные показатели проявленности дескриптивного типа дискурса в мужских и женских (см. рис. 1).

Примерами аргументативного типа дискурса, демонстрирующего причинно-следственные конструкции, являются фрагменты из телеспектаклей:

- «Часы с кукушкой»:
  Ну, как что из этого следует? Из этого следует, что человек приехал ко мне в гости на законном, так сказать, основании.

- «Старомодная комедия»:
  Воспользовались тем, что я рано утром уехал в город и решили тайно покинуть санаторий.

- «Пощечина»:
  Уеду, и все будет окей, и все встанет на свои места.

- «Перед ужином»:
  Если этот человек Верочка, я могу, мама!

Аргументативный дискурс, содержащий эмоционально-оценочное объяснение с элементами вербального усиления (*так*, *именно так*; *всё слова*, *слова*, *слова*) представлен в реплике актера телеспектакля «Перед ужином»:

> В конце концов, разум – это только желудок, он переваривает ту пищу, которую бросают ему чувства. А мои чувства диктуют мне, мама, я должен поступить так, именно так. Если я сейчас уступлю тебе, на свете нет ничего святого, значит, я эгоист и все слова, слова, слова.

Инструктивный дискурс, выраженный императивными конструкциями, отмечен в таких мужских репликах, как: *Лиза, не делай глупостей!* («Часы с кукушкой»); *Ну, вспомни, как ты выбирала отца* («Перед ужином»), и женских: *Стой! Иди сюда! Подожди! Лежать! Я тебе говорю: лежать!* («Миллион за улыбку»).

Экспозитивный тип дискурса присутствует, в частности, в уточнении характеристик события, например, в пояснении *Вы знаете, я ждал*, которое представляет актер-мужчина в телеспектакле «Старомодная комедия»: «Я получил письмо от дочери. Вы знаете, я ждал». Кроме этого, экспозитивный дискурс проявляется в более детальном описании условий события как, например, подробное объяснение степени родства и места события актера, исполняющего мужскую роль в телеспектакле «Пена» (*дальний родственник со стороны жены на утиле работает, на приёмке. Вот он там мне его подобрал*), а также действий и свойств объекта (*порошком надраили, замшей прошлись, бархоткой натерли – солнцем горит!*) в реплике:

> У меня дальний родственник со стороны жены на утиле работает, на приёмке. Вот он там мне его подобрал. Ну, естественно, порошком надраили, замшей прошлись, бархоткой натерли – солнцем горит!

Примечательным становится сочетание нескольких типов дискурса в актерских репликах, например, нарративного, инструктивного, экспозитивного и дескриптивного типов дискурса в реплике персонажа-мужчины спектакля «Старомодная комедия»:

> Она со своим мужем в Японии находится. Он милый человек, был спортсменом некоторое время. Каждый год она проводила свой отпуск со мной, сказала, что в будущем году уже наверняка.

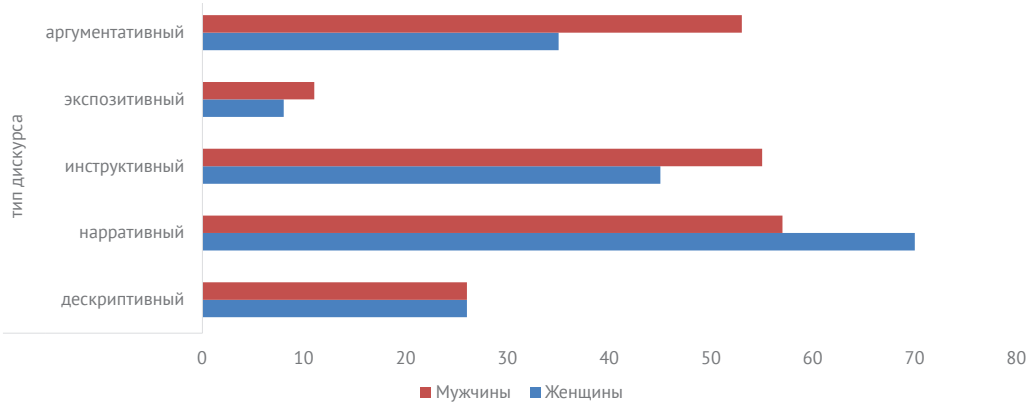


Рис. 1. Активность дискурсивных параметров в репликах актеров-мужчин и женщин

Инструктивный дискурс отражается в пространственном уточнении (*в Японии*), дескриптивный – в описании свойств субъекта (*Он милый человек*), экспозитивный – в уточнении характеристики субъекта (*был спортсменом некоторое время*) и условий события (*Каждый год она проводила свой отпуск со мной*), нарративный – в информативном повествовании (*сказала, что в будущем году уже наверняка*).

Смешение нескольких типов дискурса наблюдается также и в женских репликах, например, в телеспектакле «Смотрите кто пришел»:

> Когда во время войны я с детьми жила на Алтае в деревне, у меня была хозяйка Катя Сенькова, простая крестьянка. А мы с ней дружили. Я к ней искренне была расположена. Она тогда продала мне телку.

Нарративный тип дискурса находит свое проявление в хронологическом изложении (*Когда во время войны я с детьми жила… ; мы с ней дружили; она тогда продала мне телку*). Экспозитивный усматривается в уточнении места положения действий события (*на Алтае в деревне*). Дескриптивный тип дискурса присутствует в описании субъекта (*простая крестьянка*), а также лексических единиц эмоционального восприятия (*искренне была расположена*). В реплике героини спектакля «Пена» *Елочный набор Вы нам достали. Надо было два взять, или три, как же я не догадалась. Вообще, не знаю, как мне Вас благодарить!* Обнаруживается нарративный дискурс, в частности, в информативном высказывании (*Елочный набор Вы нам достали*). Инструктивный дискурс выражается в модальности (*Надо было два взять*). Аргументативный проявляется в применении слова интенсивности *вообще* (*Вообще, не знаю, как мне Вас благодарить!*).

К примерам дескриптивного дискурса можно отнести высказывания актеров-женщин, например, описывающим свойства субъекта: *Ты действительно очень капризный человек* («Миллион за улыбку») или свойства события: *Странно и смешно!* («Перед ужином»); *Я самостоятельный человек и мне от вас ничего не нужно, кроме того, что вы есть* («Пощечина»), и высказывания актеров-мужчин, описывающие вкусовое восприятие: *Самый вкусный все-таки омлет с помидорами!* («Миллион за улыбку») и характеристики субъекта *Эрудирован, точная политическая ориентация, три языка знает* («Гнездо глухаря»).

Нарративный дискурс проявляется в информативных высказываниях, например:

- героини телеспектакля «Ретро»:
  Меня так давно никто не приглашал в гости, готовить я не умею, да и не люблю. Питаюсь напротив дома в молочном буфете.

- героини телеспектакля «Старомодная комедия»:
  Очень многие мои поступки мне бывают совершенно не ясны.

- героя телеспектакля «Гнездо глухаря»:
  Я шутил, острил.

- героя телеспектакля «Пена»:
  Гости приходят – им сразу лапоточки на обе ноги. И паркет цел, и к фольклору приобщаются!

Представляет интерес сопоставление типа дискурса с сопровождающим его тем или иным жестом. Данные параметрической интенсивности

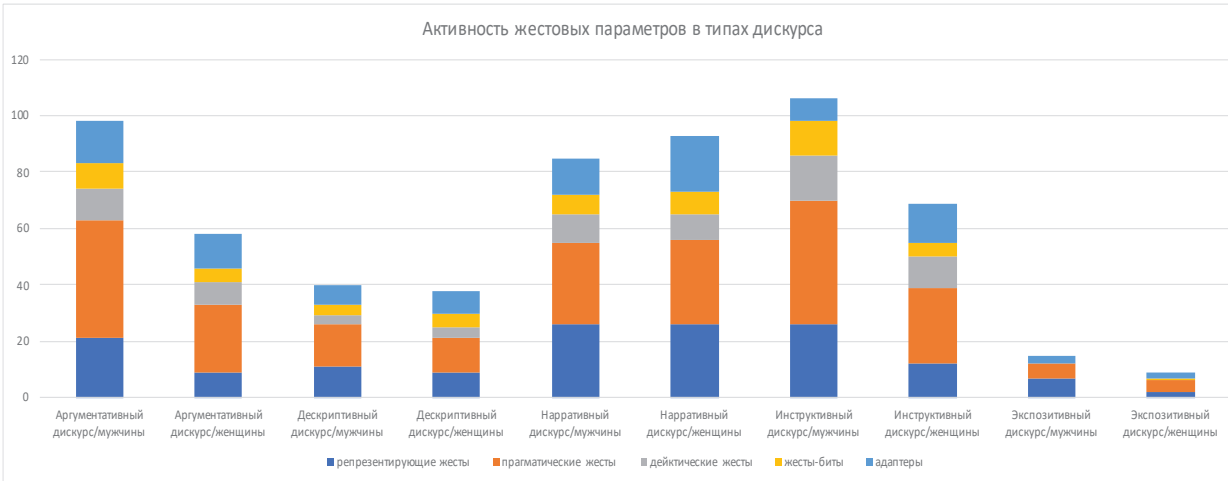


Рис. 2. Относительные показатели активности жестовых параметров в типах дискурса (аргументативный, дескриптивный, нарративный, инструктивный, экспозитивный) в мужских и женских репликах устного постановочного драматургического дискурса

употребления жестов в репликах мужчин и женщин демонстрируют не только количественные, но и качественные отличия в каждом типе дискурса (см. рис. 2). Для анализа указанных параметрических данных было установлено количество жестов в каждом типе дискурса в мужских репликах, а затем – женских. Определенные различия в количестве дискурсивных проявлений в женских и мужских репликах привели к необходимости обозначения относительной активности параметрической проявленности жестов в каждом типе дискурса.

Рассмотрим более подробно проявленность жестовых параметров в аргументативном типе дискурса. Так, доля репрезентирующих жестов в мужских репликах аргументативного дискурса от общего количества применения жестов актерами-мужчинами составляет 21,0 %, в то время как доля репрезентирующих жестов в женских репликах аргументативного дискурса составляет 15,0 %. Доля прагматических жестов от общего количества жестов в мужских репликах названного типа дискурса равна 43,0 %, в женских – 41,0 %. Дейктические жесты в мужских репликах составляют 11 %, в женских – 14,0 %. Доля жестов-битов в мужских репликах насчитывает 9,2 %, в женских – 8,6 %. Адаптеры в мужских репликах набирают 15,0 %, в то время как в женских – 21,0 %. Наиболее интенсивными жестами в репликах женщин стали контактоустанавливающие и эмфатические прагматические жесты. Например, героиня спектакля «Гнездо глухаря», произнося реплику *Все правильно!*, поднимает вверх ладонь, демонстрируя таким образом высокую степень эмоциональной напряженности (см. рис. 3). Мужчинам более свойственны оказались прагматические жесты структурирования дискурса (перечисление, противопоставление) и выражения отношения или оценки. Например, герой спектакля «Смотрите, кто пришел» при выражении мысли в реплике: *Единственное что в этом мире еще не продается – так это человеческие привязанности* – сжимает пальцы в кулак и поднимает вверх лишь указательный палец (см. рис. 4). Актер телеспектакля «Гнездо глухаря» прибегает в прагматическим жестам структурирования дискурса, подчеркивающими фразу *на каждом шагу* в реплике:

> Его и повысили в том числе, потому что я о нем на каждом шагу дифирамбами пел.

Анализ особенностей жестов, сопровождающих инструктивные реплики актеров, демонстрирует, что женщины чаще прибегали к манипулятивным действиям или репрезентирующим жестам придания формы или объема, в то время как мужчины – репрезентирующим жестам траектории движения и разыгрывания действий. Например, произнося реплику: *Стой! Иди сюда! Подожди! Вот так!* – героиня спектакля «Миллион за улыбку» поправляет прическу актеру, исполняющему мужскую роль (см. рис. 5). Реплика героя спектакля «Часы с кукушкой»: *Представь себе такую картину: мы с тобой ночью оказались в тайге одни и стучимся к нему в эту его сторожку*, – в которой присутствуют элементы инструктивного дискурса (*Представь себе…*), экспозитивного (*ночью оказались в тайге*), дополняется жестом, имитирующим стук в дверь (см. рис. 6). Доля репрезентирующих жестов в инструктивном дискурсе от общего количества жестов данного типа

Рис. 3. Сцена из спектакля «Гнездо глухаря». Эмфатический прагматический жест, сопровождающий реплику: «Всё правильно!»

Рис. 4. Сцена из спектакля «Смотрите кто пришёл». Прагматический жест выражения оценки, дополняющий реплику: «Единственное что в этом мире еще не продается…»

Рис. 5. Сцена из спектакля «Миллион за улыбку». Репрезентирующий жест (придание формы и объема), сопровождающий реплику: «Вот так».

Рис. 6. Сцена из спектакля «Часы с кукушкой». Репрезентирующий жест (изображение стука в дверь), дополняющий реплику: «…И стучимся к нему…»

дискурса в мужских репликах составляет 24,5 %, в женских – 17,0 %. Прагматические жесты в инструктивном типе дискурса в мужских репликах составляют 41,5%, в женских – 39,0 %. Доля дейктических жестов равна 15,0 % в мужских репликах и 16,0 % – в женских. Жесты-биты в мужских репликах набирают 11 %, в женских – 7,0 %. Адаптеры занимают 7,5 % от общего количества употребления жестов в мужских репликах и 20 % – женских.

В нарративном дискурсе примером употребления жеста, оформляющего высказывание актера, становится реплика героини спектакля «Гнездо глухаря»: *Стена, сейчас здесь была дочь Коромыслова, Ариадна*, – в которой присутствует дейктический жест указания и жесты-биты. Еще одним примером сочетания нарративного типа дискурса и жеста является реплика из спектакля «Уходя, оглянись»: *Тесно мне тут, тесно*, – в которой актер-мужчина использует дейктический жест указания на себя. Репрезентирующие жесты в мужских репликах нарративного типа составляют 30,5 % от общего числа жестов в указанном типе дискурса, в женских – 28,0 %. Прагматические жесты имеют долю 34,0 % в мужских репликах и 32,0 % – в женских. Доля дейктических жестов в мужских репликах составляет 12,0 % и 10,0 % – в женских. Жесты-биты составляют 8,0 % от общего числа употребления жестов актерами-мужчинами и столько же (8,0 %) в репликах женщин. Предметные адаптеры и самоадаптеры насчитывают 15,0 % в мужских нарративных репликах и 21,5 % – в женских.

Применение актерами жестов в дескриптивном типе дискурса обнаруживается в высказываниях героев телеспектакля «Старомодная комедия». Реплику: *Я такси жду* – героиня дополняет дейктическим жестом указания в сторону предполагаемого автомобиля, а реплику актера-мужчины: *Ваш поезд идет только вечером* – иллюстрирует не только дейктический жест указания, но и жесты-биты, выделяющие каждое слово произнесенной фразы. Распределение доли жестов в мужских репликах в дескриптивном типе дискурса является следующим: прагматические жесты набирают 37,5 %, репрезентирующие жесты – 27,5 %, адаптеры – 17,5 %, жесты-биты – 10,0 %, дейктические – 7,5 %, Жесты в женских репликах разделились следующим образом: прагматические жесты насчитывают 31,5 %, репрезентирующие жесты – 24,0%, адаптеры (самоадаптеры и предметные) – 21,0%, жесты-биты – 13 %, дейктические жесты – 10,5 %,

Примерами жестового разнообразия в экспозитивном типе дискурса становятся женская реплика из спектакля «Пена»: *Мне и сюда, и на дачу нужно*, – оформленная структурирующим прагматическим жестом, а также мужская реплика из телеспектакля «Пощечина»: *Я тебя сейчас сфотографирую и напечатаю твой портрет в журнале «Здоровье»,* – которая обогащается репрезентирующим манипулятивным жестом (актер берет фотоаппарат). Распределение жестов в мужских репликах является следующим: репрезентирующие жесты набирают 47,0 %, прагматические жесты – 33,0 %, адаптеры – 20,0 %. В женских репликах наибольшее количество употреблений закрепляется прагматическими жестами – 44,0 %,

репрезентирующим жестам, как и адаптерам, отводится 22,0 %, жесты-биты насчитывают 11,0 %.

Настоящая работа, направленная на сопоставление жестового поведения актеров-мужчин и женщин в постановочном дискурсе, обнаруживает значимые различия в коммуникативном взаимодействии мужчин и женщин: были установлены дискурсивные характеристики и сопряженные с ними случаи применения жестов в каждой единице анализа с учетом гендерной обусловленности коммуникантов. Несмотря на то что доля каждого жестового компонента, согласно предложенной классификации жестов, варьируется в соответствии с определенным типом дискурса отдельно (аргументативном, дескриптивном, нарративном, инструктивном, экспозитивном) в репликах актеров-мужчин и женщин, прагматические жесты имеют преимущество в постановочном дискурсе как в мужских, так и женских репликах. Полученные данные подтверждают результаты исследования [Iriskhanova et al., 2022] о корреляции вида жеста и типа дискурса, а также о предопределенности употребления, например, прагматических жестов в аргументативном или дескриптивном дискурсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет раскрыть некоторые особенности невербального поведения, а именно, жестового поведения мужчин и женщин в таком варианте постановочного устного драматургического дискурса, как телеспектакль. Так, более выраженная дискурсивная интенсивность с преобладанием аргументативного, экспозитивного и инструктивного типов дискурса определяет реплики мужчин, более высокая активность нарративного дискурса характеризует реплики женщин. Жестовое поведение актеров, исполняющих мужские и женские роли, отмечается проявленностью всех видов жестов: репрезентирующих, прагматических, дейктических, жестов-битов, самоадаптеров и предметных адаптеров, однако, с разной степенью выраженности, зависящей от типа дискурса. Отличия жестового поведения прослеживаются в более значительных показателях репрезентирующих жестов, жестов-битов и самоадаптеров в репликах мужчин в целом, и более частотной репрезентативностью прагматических, дейктических жестов и предметных адаптеров – в репликах женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hall J. A. Nonverbal gender differences: Communication accuracy and expressive style. Baltimore MD: The John Hopkins University Press, 1984.
2. Briton N., Hall J. Beliefs about female and male nonverbal communication // Sex Roles. 1995. 32 (1). P. 79–90.
3. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. Oxon and New York: Routledge, 2003.
4. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005.
5. Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы: в 2 ч. М.: Искусство, 1968. Ч. 1.
6. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 129–132.
7. Ржешевская А.А. Динамика жестов в письменном и устном драматургическом дискурсе (на примере пьесы Дж.Б. Пристли «Визит инспектора и ее экранизации) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 411–418.
8. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
9. Cienki A. Image Schemas and gesture // From Perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / ed. by J. Grady. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 421–442.
10. Müller C. Gestural Modes of Representation as Techniques of Depiction // Body – Language – Communication: An International Handbook on Mulimodality in Human Interaction / ed. by C. Muller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem. Berlin: Mouton De Gruyter, 2014. Vol. 2.
11. Aspectuality across Languages: Event construal in speech and gesture / A. Cienki, O. Iriskhanova (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018.
12. Прокофьева О. Н., Ирисханова О. К., Киосе М. И. Речь и жесты в описательном дискурсе // Полимодальные измерения дискурса / О. К. Ирисханова, М. И. Киосе, И. В. Блинникова. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. С. 63–110.
13. Iriskhanova O. et al. Staged and natural gesturing in argumentation and description / O. Iriskhanova, M. Kiose, A. Leonteva, O. Agafonova // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue". Moscow: RGGU, 2022. Issue 21. Supplementary volume. P. 1055–1068.
14. Киосе М. И. Постановочное полимодальное поведение в кинокадре: о возможном влиянии гендерного фактора // Когнитивные исследования языка. 2023. №2 (53). С. 340–349.
15. Томская М. В., Рябухина (Рашина) А. А. Жестовое поведение при употреблении инвективной лексики в устном нарративе: гендерный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. №2 (870). С. 114–121.

16. Киосе М. И., Ефремов А. А. HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчёта параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Государственный номер регистрации: 2020661240.

REFERENCES

1. Hall, J. A. (1984). Nonverbal gender differences: Communication accuracy and expressive style. Baltimore MD: The John Hopkins University Press.
2. Briton, N., Hall, J. (1995). Beliefs about female and male nonverbal communication. Sex Roles, 32(1), 79–90.
3. Fairclough, N. (2003). Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. Oxon and New York: Routledge.
4. Kreidlin, G. E. (2005). Muzhchiny I zhenshiny v neverbalnoi kommunikatsii = Men and women in nonverbal communication. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
5. Meyerhold, V. E. (1968). Statii, pisma, rechi, besedy = Articles, letters, speeches, discussions (vol. 1): in 2 vols. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
6. Lotman, Y. M. (1992). Semiotika kultury i poniatie teksta = Semiotics of culture and the concept of text. Izbrannie statii (vol. 1, pp. 129–132). Tallin. (In Russ.)
7. Rzhesehvskaya, A. A. (2022). Gesture dynamics in the written and staged drama discourse (based on the example of the play "Inspector Calls" by J. B. Priestley and its screen version). Cognitive studies of language, 4(51), 411–418. (In Russ.)
8. Kibrik, A. A. (2009). Modus, genre and other parameters of discourse classification. Voprosy yazykoznaniya, 2, 3–21. (In Russ.)
9. Cienki, A. (2005). Image Schemas and gesture. In Grady, J. (ed.), From Perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics (pp. 421– 442). Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
10. Müller, C. (2014). Gestural Modes of Representation as Techniques of Depiction. In Müller, C., Cienki, A., Fricke, E., Ladewig, S., McNeill, D., Bressem, J. (eds.), Body – Language – Communication: An International Handbook on Mulimodality in Human Interaction (vol. 2). Berlin: Mouton De Gruyter.
11. Cienki, A., Iriskhanova, O. (eds.). (2018). Aspectuality across Languages: Event construal in speech and gesture. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
12. Prokofieva, O. N., Iriskhanova, O. K., Kiose, M. I. (2021). Retch i zhesty v opisatelnom diskurse = Speech and gesture in descriptive discourse. In Iriskhanova, O. K., Kiose, M. I., Blinnikova, I. V., Polymodal discourse dimensions (pp. 63–110). Moscow: LRC Publishing house. (In Russ)
13. Iriskhanova, O., Kiose, M., Leonteva, A., Agafonova, O. (2022). Staged and natural gesturing in argumentation and description. Computational Linguistics and Intellectual Technologies (issue 21, pp. 1055–1068): Papers from the Annual International Conference "Dialogue". Supplementary volume. Moscow: RGGU.
14. Kiose, M. I. (2023). Staged multimodal behaviour in cinematic shots: does gender matter? Cognitive studies of language, 2(53), 340–349. (In Russ.)
15. Tomskaya, M. V., Ryabukhina (Rashina), A. A. (2023). Gesture behaviour when using invective vocabulary in oral narrative: gender aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 2(870), 114–121. (In Russ.)
16. Kiose, M. I., Efremov, A.A. (2020). HETEROSTAT software. Registered in FIPI 21.09.2020, registration number 2020661240.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ржешевская Анастасия Алексеевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков и перевода Института международных образовательных программ
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rzheshevskaya Anastasia Alekseevna

PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of Foreign Languages and Translation
Institute of International Educational Programmes, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.04.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	14.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_88

Характеристики субжанра продающей страницы в рамках жанра веб-сайта в англоязычном рекламном дискурсе

А. Ю. Хахалева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mglu04@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются особенности продающей страницы веб-сайта компании. Автор приходит к выводу о возможности выделения субжанра продающей страницы на основе таких его свойств, как устойчивость (повторяемость использования в схожих коммуникативных ситуациях), наличие постоянных характеристик и определенных коммуникативных целей. В работе приводится классификация основных характеристик данного субжанра. Анализируется пример англоязычной продающей страницы продукта для описания механизма взаимодействия текстового и изобразительного компонента в рамках данного субжанра.

Ключевые слова: рекламный дискурс, жанр, субжанр, продающая страница, поликодовость, гипертекст

Для цитирования: Хахалева А. Ю. Характеристики субжанра продающей страницы в рамках жанра веб-сайта в англоязычном рекламном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 88–95. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_88

Original article

Characteristics of the Subgenre of a Sales Page within the Genre of a Web-Site in the English-Language Advertising Discourse

Anastasiya Yu. Khakhaleva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mglu04@mail.ru

Abstract. In the article the peculiarities of a sales page of a company web-site are analyzed. The author comes to the conclusion about the possibility of singling out of a sales page subgenre on the basis of such features, as stability (the recurring use in conventionalized communicative settings), presence of permanent characteristics and a set of communicative purposes. In the paper the classification of the main characteristics of this subgenre is provided. An example of a sales page of a product is analyzed to describe the mechanism of interaction of the textual and graphic component within this subgenre.

Keywords: advertising discourse, genre, subgenre, sales page, polycode, hypertext

For citation: Khakhaleva, A. Y. (2023). Characteristics of the subgenre of a sales page within the genre of a web-site in the English-language advertising discourse .Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 88–95. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_88

ВВЕДЕНИЕ

Использование современных технологий предоставляет компаниям широкие возможности для реализации бизнес-задач, в частности, таких, как повышение узнаваемости бренда, создание и поддержание спроса на товары и услуги за счет выстраивания коммуникации с целевой аудиторией, а также расширение рынков сбыта. Одним из инструментов достижения указанных целей в процессе взаимодействия между компанией и целевой аудиторией является реклама.

Рекламный дискурс – это единица рекламной коммуникации, инициируемой рекламодателем. Участником рекламного дискурса, помимо рекламодателя, является также потенциальный потребитель. Рекламный дискурс может рассматриваться, как разновидность институционального дискурса, поскольку рекламная индустрия сегодня является отдельным социальным институтом [Карасик, 2000; Оломская, Патюкова, 2020]. Опираясь на определение дискурса Е. И. Шейгал [Шейгал, 2004], мы понимаем *рекламный дискурс* как речевые произведения рекламного характера, взятые во взаимодействии с лингвистическими, паралингвистическими и экстралингвистическими факторами. Основными функциями рекламного дискурса являются информативная и воздействующая [Кочетова, 2010].

Исследователи рекламного дискурса обращают внимание на самобытность Интернет-рекламы и ее отличие от рекламы, распространяемой посредством других каналов коммуникации [Кувшинникова, 2013]. Для рекламного дискурса, развертываемого в сети Интернет, характерна подвижность жанров и регулярное возникновение новых форм, что обусловлено постоянно меняющимися потребностями общества. Вопросами жанровой стратификации рекламного он-лайн дискурса занимаются многие авторы ([Кочетова, 2010; Кувшинникова, 2013; Капанадзе, 2002]), однако, по нашему мнению, с учетом указанных факторов данный аспект жанроведения остается недостаточно изученным и нуждается в более подробном научном освещении. В данной работе предпринимается попытка дальнейшего исследования системы жанров англоязычного рекламного дискурса.

ВЕБ-САЙТ КАК ЖАНР РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Веб-сайт – это официальное представительство компании в нтернете. Он может включать в себя такие элементы, как: домашняя страница, чат, гостевая книга, доска объявлений, рекламные баннеры и т. д. [Капанадзе, 2002]. На корпоративных веб-сайтах размещают описание услуг, сервисов, товаров, открытых вакансий, историю компании, информацию о ее миссии, целях, ценностях и т. д. Вслед за рядом авторов (Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина [Горошко, Жигалина, 2010]; Л. А. Капанадзе [Капанадзе, 2002]) мы относим веб-сайт к современным жанрам рекламного дискурса. Веб-сайт состоит из Интернет-страниц, связанных общей идеей и объединенных гиперссылками для перехода между ними, что говорит о гипертекстовом характере данного жанра.

Важным элементом веб-сайта является продающая страница (*sales page*). Продающая страница (далее ПС) представляет собой веб-страницу сайта, которая сконцентрирована на подведении покупателя к покупке товара / услуги[1]. Переход с домашней страницы на ПС осуществляется, как правило, посредством использования гиперссылок в меню сайта или при нажатии на виртуальные кнопки на домашней странице. Основная задача ПС решается путем воздействия на рациональную сферу реципиента. Потенциального покупателя информируют о преимуществах товара. На ПС формируются его позитивные характеристики. ПС воздействует также на эмоциональную сферу реципиента. Эмоциональное воздействие на потенциального покупателя осуществляется иногда искусственным путем. Намеренно нагнетается совокупность эмоционально окрашенных представлений о повышенных потребностях покупателя в покупке товара. Создается позитивный образ товара и его потребителя [Оломская, Патюкова, 2020].

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОДАЮЩЕЙ СТРАНИЦЫ

Существует большое количество публикаций в области рекламы и маркетинга, посвященных описанию основных требований к оформлению ПС (например, на сайтах *Forbes*[2]*; Semantika*[3]*; ConvertKit*[4]). На основе анализа информации из данных источников были классифицированы основные характеристики ПС, выделяемые специалистами.

[1] Leadpages Service // Blog // The Secrets of High-Converting Sales Pages. URL: https://www.leadpages.com/blog/sales-page/?coupon=bfcm22cmonday50&bundle=sptc

[2] Forbes // Forbes Business Development Council // 10 Essential Features Every Sales Page Needs To Have. URL: https://www.forbes.com/sites/forbesbusinessdevelopmentcouncil/2018/08/17/10-essential-features-every-sales-page-needs-to-have/?sh=2a2eba4d5954

[3] Маркетинговое агентство Semantica // Как создать продающую страницу. URL: https://semantica.in/blog/kak-sozdat-prodayushhuyu-straniczu.html

[4] ConvertKit Marketing Platform // Resources // How to write a sales page that converts your visitors to happy customers in 7 steps. URL: https://convertkit.com/resources/blog/sales-page

СТРУКТУРА ПРОДАЮЩЕЙ СТРАНИЦЫ, ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ

Структура ПС включает в себя следующие составляющие:

1. заголовок / раздел заголовка (*headline* / *header section*), поясняющий, какой товар / услугу предлагает компания (иногда содержит также рекламный слоган);
2. текст рекламы, дающий краткую информацию о товаре / услуге (преимуществах, характеристиках);
3. изобразительная часть, дающая наглядное представление о товаре / услуге, а также позволяющая разбить страницу на смысловые блоки и облегчить визуальное восприятие информации;
4. основной текст рекламы, дающий подробное описание товара / услуги (как правило, доступен при дальнейшей прокрутке экрана);
5. отзывы покупателей (*customer testimonials*), призванные стимулировать продажи за счет непредвзятой оценки бренда и товара, обзоры (*reviews*), обратная связь (*feedback*);
6. ответы на часто задаваемые вопросы (*FAQs*);
7. подробная информация о цене товара / услуги (в зависимости от объема, типа упаковки и т. д.);
8. виртуальные кнопки с призывом к действию (*Call-to-Action* (*CTA*) *buttons*);
9. информация о гарантиях, предоставляемых компанией (например, гарантия возврата товара при несоответствии заявленному качеству).

Оформление ПС основывается на следующих принципах:

- с технической точки зрения: совместимость со всеми устройствами, включая экраны смартфонов;
- с точки зрения визуального оформления:
  - удобство восприятия (удобочитаемый шрифт);
  - единообразие ПС и главной страницы сайта (схожее оформление, цвета, шрифт и т. д.);
  - четкость и логичность организации ПС (разделение на смысловые блоки);
  - интуитивность использования: важная информация, а также кнопки с призывом к действию располагаются на странице с учетом особенностей восприятия информации реципиентом и выделяются при помощи графического оформления (цвет, размер изображения / текста);
  - наличие нескольких «экранов»: при каждой последующей прокрутке содержимого окна на смартфоне или компьютере адресат получает более подробное описание представляемого товара / услуги; это позволяет создать единую ПС сайта, ориентированную на разные группы потенциальных потребителей в зависимости от их осведомленности о товаре и степени нацеленности на покупку;
- с точки зрения маркетинговых стратегий:
  - воздействие осуществляется с учетом характеристик представителя целевой аудитории (возраст, пол, социальный статус и т. д.);
  - предложение сосредоточено на удовлетворении потребностей целевой аудитории;
  - принимаются во внимание особенности товара / услуги.

Исследования продающих страниц подчеркивают их роль, как главного инструмента демонстрации основных характеристик и преимуществ товара компании.

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПС ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С НЕВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Особое значение при изучении ПС имеет анализ ее языковой составляющей, которая играет важную роль для реализации целей рекламного сообщения, а также взаимодействия в рамках ПС языковых и неязыковых средств. В качестве примера рассмотрим ПС парфюмерной воды *Idôle* на сайте компании *Lancôme*[1] (версия сайта для США).

В верхней части первого экрана[2] ПС аромата *Idôle* в центре размещено название компании, под ним находятся вкладки меню страницы, позволяющие выбрать интересующую группу товаров (*Skincare*, *Fragrance* и т. д.). (см. рис. 1). Ниже с правой стороны расположен текстовый блок, содержащий название парфюма, список основных нот аромата и его краткое описание, текст которого можно развернуть, кликнув по гиперссылке. В данной колонке также помещена ссылка, дающая возможность ознакомиться с отзывами на продукт и оставить свой отзыв. Ниже располагаются кнопки побуждения к действию, имеющие черный цвет, с возможностью

[1] Lancôme-USA // Fragrance by Collection // Idôle eau de Parfum. URL: https://www.lancome-usa.com/fragrance/fragrance-by-collection/idole/idole-eau-de-parfum/LAN387.html#tab=description

[2] Первый экран (first scroll) – вид страницы сайта до прокрутки содержимого окна вниз

выбора объема парфюма и указанием цены в зависимости от объема (см. рис. 1).

Особое значение в оформлении ПС придается использованию изобразительной составляющей. Совмещение в рамках ПС вербальных и невербальных элементов позволяет говорить о ее поликодовом характере. Слева на рассматриваемой странице располагается блок с фотографиями, представляющий собой изображение аромата, ингредиенты, входящие в его состав (основные ноты аромата наглядно представлены в виде креативной фото-раскладки), формат флакона в зависимости от объема парфюма, а также другие ароматы линейки (*Discover the Family*). В данном случае совмещение текстового компонента с графическим выполняет целый ряд задач. Во-первых, изображения дают дополнительную информацию о товаре (особенностях внешнего вида и состава аромата), которая может оказаться важной при принятии решения о покупке. Во-вторых, цвет и стиль, в которых выполнены фотографии, способствуют формированию определенного образа товара. Так, на рассматриваемой ПС преобладание розового цвета вызывает ассоциацию с классическим, нежным, женственным ароматом. Означенное визуальное оформление ПС указывает на то, что парфюм ориентирован на женскую аудиторию (преимущественно девушек, молодых женщин). Однако упаковка на фото продукта выглядит необычно и современно: флакон духов, тонкий и плоский, напоминающий по форме смартфон и не похожий на классические флаконы женских духов. С помощью особой формы флакона автор ПС выражает мысль о том, что аромат, при всей своей женственности и нежности, подойдет для покупательниц, которые следуют современным тенденциям в сфере моды. Таким образом, на первом экране начинает осуществляться воздействующая функция ПС. Она формируется в соответствии с особенностями целевой аудитории и распространяется на эмоциональную сферу как единичного, так и коллективного реципиента.

Описание самого товара дается параллельно с формированием портрета потребителя этого товара. Образ продукта создается посредством явной или скрытой апелляции к чувственно-эмоциональной сфере реципиента. При этом товару фактически приписываются дополнительные свойства, которые покупатель надеется испытать, приобретая и используя данный товар [Кочетова, 2010].

Второй экран данной ПС ориентирован на потенциальных покупателей, которые при просмотре первого экрана не получили достаточных сведений о товаре. Меж тем их наличие является условием для приобретения товара. Второй экран имеет текстовый формат и содержит следующие разделы: *Description, Fragrance Notes, Bottle, How to Apply* (см. рис. 2). В данных разделах информация представлена лаконично в формате абзацев, содержащих одно – максимум два предложения. На втором экране за счет текстового компонента реализуются информативная и воздействующая функции рекламного дискурса; продолжается формирование образа, созданного при помощи изображений на первом экране. Впечатление от изображений дополняется и корректируется, обеспечивая повышение эффективности воздействия ПС на потенциального покупателя.

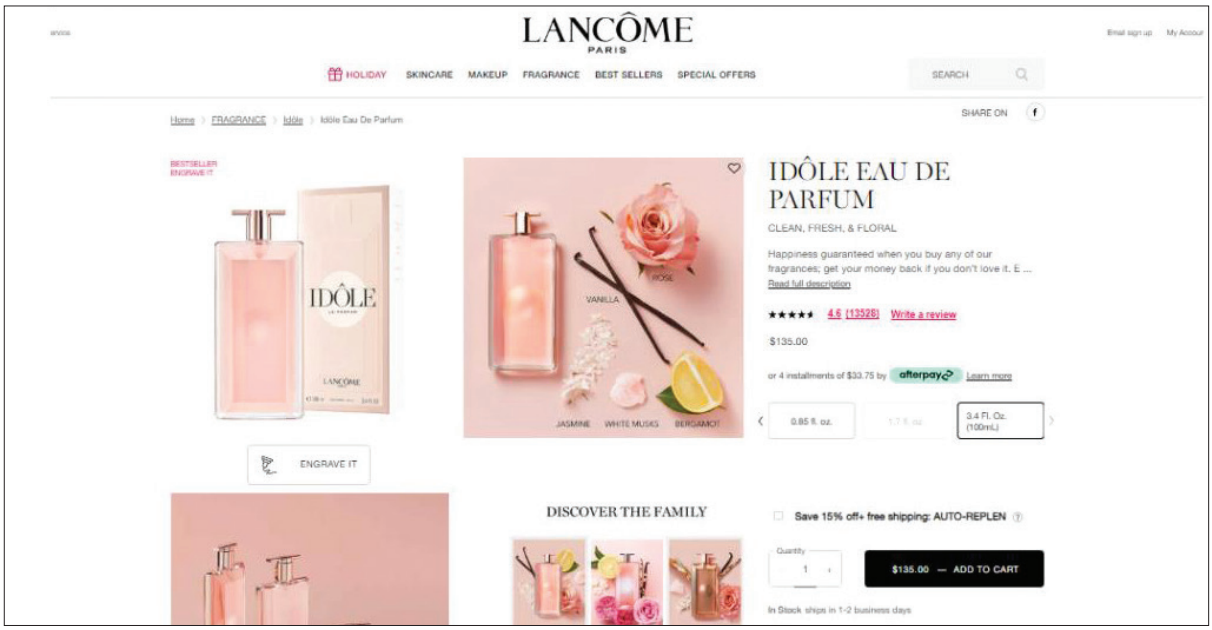


Рис. 1. Первый экран продающей страницы парфюмерной воды *Idôle*

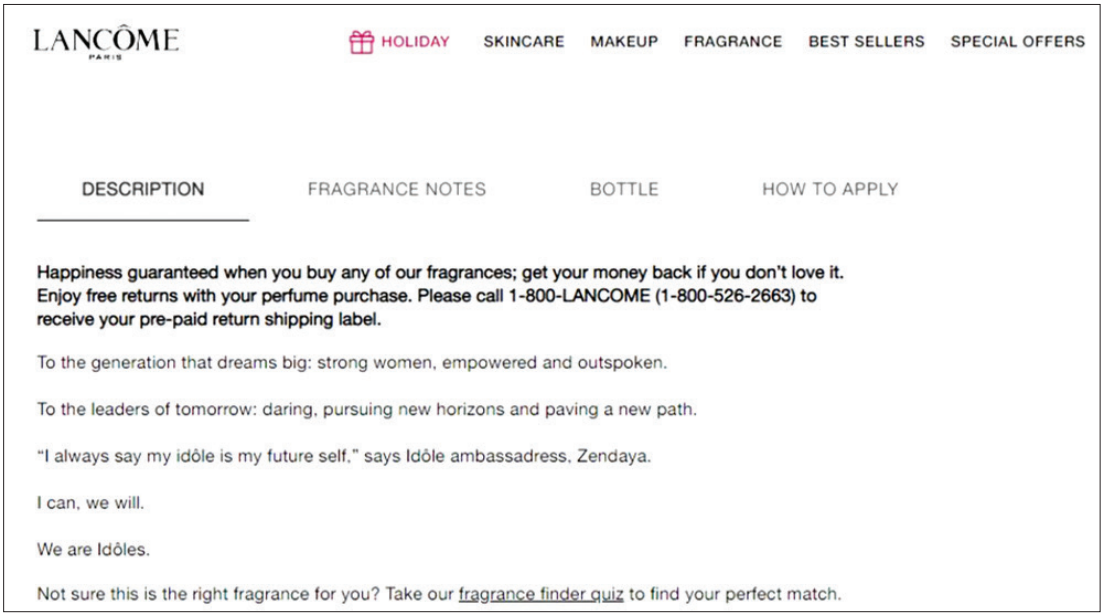


Рис. 2. Второй экран продающей страницы парфюмерной воды *Idôle*

Особенностью вербального компонента данной ПС является использование в тексте большого количества эпитетов, выраженных прилагательными. Все эпитеты, содержащиеся в текстовой части, можно разделить на две смысловые группы:

1) эпитеты, дающие характеристику неодушевленным предметам и явлениям (в данном случае, аромату и его нотам): *a* ***sophisticated*** *yet* ***unapologetically modern fresh*** *fragrance; notes of* ***bright*** *citrus,* ***clean*** *rose,* ***spotless*** *jasmine, white musks;* ***the most noble and iconic*** *perfume ingredient; Idôle's* ***modern, radiant, youthful*** *rose;*
2) эпитеты, описывающие характеристики человека: ***strong*** *women,* ***empowered*** *and* ***outspoken; daring*** *leaders;* ***iconic*** *women.*

Эпитеты из первой группы дают яркое и запоминающееся описание товара, в то время как эпитеты из второй группы формируют и дополняют создаваемый на ПС портрет покупательницы данного продукта. Авторы ПС апеллируют к чувствам представительниц целевой аудитории. Согласно утверждению авторов рекламного сообщения, используя данный аромат, женщина приобретает такие качества, как независимость, смелость, целеустремленность, прямолинейность в сочетании с женственностью (цветы на фото, преобладание розового цвета и т. д.). При этом a priori подразумевается, что потенциальные покупательницы аромата – девушки, придерживающиеся современных представлений о том, какими качествами должна обладать женщина.

Отметим, что эпитет *iconic* (*being a famous person or thing that people admire and see as a symbol of a particular idea, way of life, etc.*[1]) встречается как в первой группе для описания одного из основных ингредиентов аромата – розы (*iconic perfume ingredient, the rose*), так и во второй группе для характеристики представительниц бренда *Lancôme* (*such an incredible line-up of iconic women*). Использование здесь стилистического приема повтора создает связь между рекламируемым продуктом и образами женщин, представляющих и использующих этот продукт; на первый план выводятся такие качества, как неординарность, способность служить образцом для подражания.

В дополнение к этому, многозначность некоторых прилагательных из первой группы (например, *sophisticated, modern, fresh, bright, clean, spotless, noble, radiant, youthful*) создает впечатление, что аромат способен наделить человека, использующего его, указанными характеристиками. Так, например, прилагательное *sophisticated* (*of a machine, system*) ***intelligent*** *or made in a* ***complicated*** *way and* ***therefore able*** *to do* ***complicated tasks*** также может иметь значение (*of a person*) *having a lot of experience of the world and knowing about fashion, culture and other things that people think are socially important*[2].

Эффект образного сближения продукта и потребляющей его женщины усиливается благодаря сохранению французского варианта написания слова *идол / кумир* (*idôle*). Он используется в названии парфюма, в цитате из певицы Зендайи, являющейся официальной представительницей торгового

[1] Oxford Learners' Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/iconic?q=iconic+

[2] Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sophisticated?q=sophisticated+

бренда (“*I always say my idôle is my future self,” says Idôle ambassadress, Zendaya*), и в предложении *We are Idôles*, где это слово имеет нарицательное значение (*someone who is admired and respected very much*)[1]. Во втором примере также сохраняется заглавная буква в написании данного прилагательного.

Указанная цитата раскрывает концепцию, лежащую в основе названия аромата: лучший образец для подражания – это ты сама. Предложения *We are Idôles*; *I can, we will* и *Idôle – Made for women, by women* выражают идею о том, что использование парфюма дает покупательницам принадлежность к женскому сообществу, в котором все участницы обладают указанными характеристиками (во втором и третьем примере эффект усиливается за счет стилистического приема параллелизма). Все это создает ощущение психологического комфорта у пользовательниц парфюма и повышает их эмоциональную самооценку.

Третий экран ПС дает покупателю доступ к отзывам на аромат (*Reviews*) и разделу *Questions and Answers* (см. рис. 3). В век цифровых технологий многие пользователи сети интернет, принимая решение, привыкли опираться не только на слова производителя о его товаре, но и на мнение других пользователей. Прямой призыв к покупке товара в рекламном сообщении может заставить потенциального покупателя колебаться, поэтому компании стараются избегать чересчур прямолинейной рекламной стратегии. При чтении отзывов на странице товара у реципиента благодаря возможности ознакомится с непредвзятой оценкой продукта создается ощущение самостоятельного выбора. На третьем экране отзывы на товар представлены более наглядно и более развернуто, нежели на первом. Кроме того, на третьем экране приводятся статистические обобщения: отзывы делятся на положительные и отрицательные (Pros / Cons), указано общее количество таких отзывов, а также количество отзывов по уровню оценки товара (5 Stars – 1 Star). Компания демонстрирует свою объективность: она допускает существование различных мнений о своем товаре и не скрывает негативных отзывов. Данный способ представления информации ориентирован на реализацию воздействующей функции рекламного дискурса.

[1] Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/idol

ВЫДЕЛЕНИЕ СУБЖАНРА ПС КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЖАНРА ВЕБ-САЙТА

Анализ ПС англоязычного веб-сайта делает очевидным ее отличие от других интернет-страниц (домашней страницы; страницы, на которой публикуются пресс-релизы и другие медиаматериалы; страницы, содержащей контакты; посадочной / целевой страницы (*landing page*) и т. д.), а также ее уникальность и узнаваемость. Все это позволяет нам говорить о возможности рассматривать ПС не только как составную часть жанра веб-сайта, но и определить ее как **отдельный субжанр** в рамках данного жанра. С этой целью мы опираемся на жанрообразующие признаки, выделенные В. К. Бхатия в работе «Analyzing Genre: Language Use in Professional Settings», а именно: *устойчивость* (повторяемость использования в схожих коммуникативных ситуациях), *наличие постоянных характеристик*,

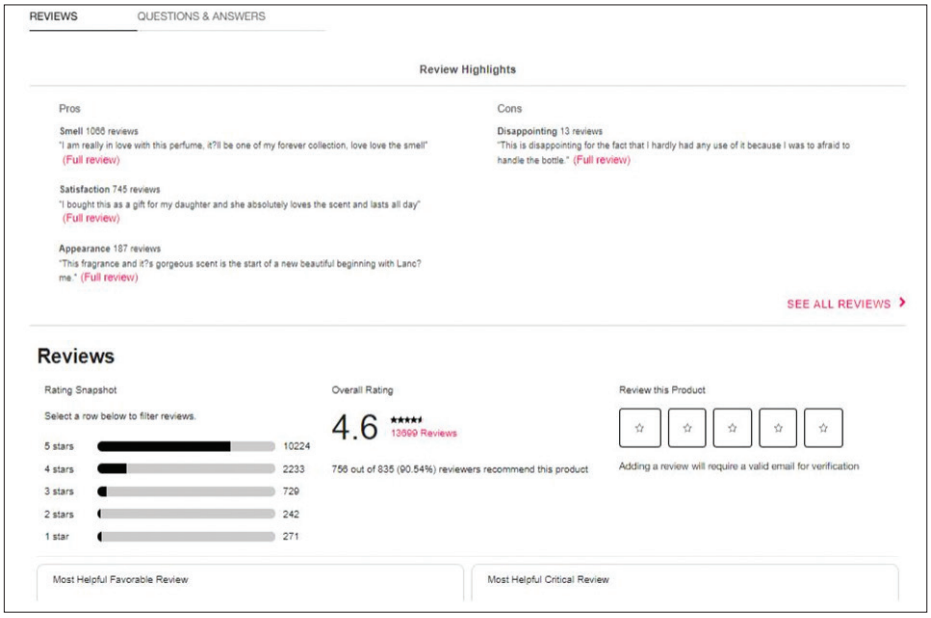


Рис. 3. Третий экран продающей страницы парфюмерной воды *Idôle*

направленность на достижение определенных коммуникативных целей [Bhatia, 1993].

Устойчивость субжанра ПС подразумевает его использование в сходных ситуациях коммуникации между рекламодателем и потребителем продукта, в которых взаимодействие направлено на реализацию товара, и подтверждается наличием таких *постоянных характеристик*, как:

1) особенности структуры, в частности, присутствие на странице текстового и изобразительного блоков, которые определяют поликодовый характер ПС и оказывают совместное воздействие на адресата, а также наличие информации о цене товара / услуги, кнопки с призывом к покупке товара / услуги, отзывов покупателей;

2) особенности оформления: единство продающей страницы и сайта в целом (цветовое оформление, шрифт и т. д.), четкость и логичность организации, интуитивность использования, наличие на странице нескольких «экранов», причем каждый последующий «экран» раскрывает более полную информацию, нежели предыдущий (речь идет об информации, ориентированной на потенциального покупателя);

3) лингвистические особенности: большое количество эпитетов, присутствие лексических повторов, параллельных конструкций, нацеленных на выведение в «фокус» читательского восприятия наиболее важной части сообщения.

Указанные характеристики способствуют реализации следующих *коммуникативных целей* субжанра ПС: **информирования** адресата о товаре и **воздействия** на его рациональную и эмоциональную сферу для побуждения к действию (к приобретению товара / услуги). Воздействие на рациональную сферу реципиента осуществляется путем информирования об объективных характеристиках и качествах товара (свойства, упаковка, формат, цвет и т. д.). Воздействие на эмоциональную сферу достигается посредством формирования определенного (чаще всего, положительного) отношения к товару. Результатом воздействия извне становится эмоциональная реакция потенциального покупателя на товар. Он начинает ассоциироваться с конкретным эффектом от его использования. Причем воздействие субжанра ПС реализуется с учетом особенностей как целевой аудитории (возраст, пол, социальный статус, картина мира и ценности, принятые в данном обществе), так и продвигаемого товара / услуги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рекламный дискурс в сети Интернет отличается динамичностью и изменяемостью. Возникновение новых жанров как ответ на потребности общества порождает необходимость изучения их особенностей. Жанр веб-сайта в рамках рекламного дискурса представляет собой популярный и эффективный инструмент взаимодействия производителей рекламы с целевой аудиторией. Отмечается несомненно высокая роль субжанра ПС в рамках жанра веб-сайта для реализации задач компании. Уникальность и самобытность ПС как составляющей веб-сайта определяется различными, но взаимосвязанными факторами. Во-первых, у данного субжанра наличествуют структурные особенности. (Они проявляются, главным образом в оформлении ПС). Во-вторых, в структуре ПС по-особому взаимодействуют вербальная и невербальная составляющая. Текст ПС носит поликодовый характер. В-третьих, производство ПС сопряжено с особым целеполаганием: оказать информационно-психологическое и эмоциональное воздействие на адресата. (Имеется в виду как коллективный, так и единичный адресат рекламного текста).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. 2000. С. 5–20.
2. Оломская Н. Н., Патюкова Р. В. Рекламный дискурс: специфика воздействия на адресата // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал: материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Г. М. Соловьева. 2020. С. 240–246.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
4. Кочетова Л. А. Функции рекламного дискурса: таксономия и динамические аспекты реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. Сер. 2, Языкознание. № 2 (12). С. 77–83.
5. Кувшинникова Д. Г. Жанровые характеристики текстов Интернет-рекламы // Вестник университета. 2013. № 6. С. 295–299. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-harakteristiki-tekstov-internet-reklamy/viewer
6. Капанадзе Л. А. Структура и тенденции развития электронных жанров // Русский язык. 2002. № 21. URL: https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200202107

7. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–124.
8. Bhatia V. K. Analyzing Genre: Language Use in Professional Settings. L.: Longman House, 1993.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa = About the types of discourse. Jazikovaja lichnost': institutsional'nuj i personal'nuj diskurs (pp. 5–20): Sbornik nauchnykh trudov. (In Russ.)
2. Olomskaja, N. N., Patjukova R. V. (2020). Reklamnyy diskurs: spetsifika vozdeystviya na adresata = Advertising discourse: the specific character of the addressee impact. Zhyrnalistika, multimedia: informacionnyi I sociokul'turnyi potencial (pp. 240–246): Papers of the III International scientific practical conference, dedicated to the memory of G. M. Solov'ev. (In Russ.)
3. Sheigal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
4. Kochetova, L. A. (2010). Functions of advertising discourse: taxonomy and dynamic aspects of realization. Science journal of Volgograd State University. Linguistics, 2(12), 77–83. (In Russ.)
5. Kyvshinnikova, D. G. (2013). Zhanrov·yye kharakteristiki tekstov Internet-reklamy = Genre characteristics of online advertising texts. Vestnik Universiteta, 6, 295–299. https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-harakteristiki-tekstov-internet-reklamy/viewer (In Russ.)
6. Kapanadze, L. A. (2002). Struktura i tendentsii razvitiya elektronnykh zhanrov = Structure and tendencies of electronic genre development. Russkiy yazyk (issue 21). https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200202107 (In Russ.)
7. Goroshko, E. I., Zhigalina, E. A. (2010). Virtual genre study: fixed and disputable. Journal of Psycholinguistics, 12, 105–124. (In Russ.)
8. Bhatia, V. K. (1993). Analyzing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman House.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хахалева Анастасия Юрьевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области информационных наук
Института информационных наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khakhaleva Anastasiya Yurjevna
PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Information Sciences
Institute of Information Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

Научная статья
УДК 81-13
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_96

Фразеологизмы и метафоры в поэтических текстах музыкального сопровождения фильмов

С. С. Кулиджанян
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
suzanna.k@iling-ran.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию реализации креативного потенциала фразеологизмов и метафор в поэтических текстах музыкального сопровождения фильмов. Материалом для исследования послужили 30 британских кинокомедий (1960–2010-е годы). Разработан алгоритм анализа фразеологизмов и метафор, состоящий из трех основных этапов, предполагающих использование на каждом из них соответствующих методов анализа. Результаты исследования выявили, что случаи креативного употребления фразеологических единиц (далее ФЕ) и метафор малочисленны и характерны для специально написанного для кинокомедии поэтического материала.

Ключевые слова: кинодискурс, кинокомедия, поэтические тексты, музыкальное сопровождение, фразеологизмы, метафора, воспроизводимость, лингвокреативность

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте Языкознания РАН.

Для цитирования: Кулиджанян С. С. Фразеологизмы и метафоры в поэтических текстах в музыкальном сопровождении фильмов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 96–103. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_96

Original article

Phraseological Units and Metaphors in Poetic Texts in the Music Accompaniment of Films

Sjuzanna S. Kulidzhanyan
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
suzanna.k@iling-ran.ru

Abstract. The present paper considers phraseological units and metaphors in poetic texts of music accompaniment of films with the aim of revealing their creative potential. The material of the research comprises 30 British film comedies which came out between the 1960^{s} and the 2010th. A three-step algorithm has been worked out to analyse phraseological units and metaphors. Each step presupposes related analysis methods. The paper results have revealed that cases of creative usage of phraseological units and metaphors are not numerous and characteristic of poetic material specially written for a comedy film.

Keywords: cinematic discourse, film comedy, poetic texts, music accompaniment, phraseological units, metaphor, reproducibility, linguistic creativity

Acknowledgments: The research is funded by grant № 19-18-00040 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

For citation: Kulidzhanyan, S. S. (2023). Phraseological units and metaphors in poetic texts in the music accompaniment of films. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 96–103. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_96

ВВЕДЕНИЕ

Исследования последних десятилетий позволяют говорить об усилении интереса к изучению кинопроизведений с различных научных позиций (см., например, [Кадочникова, 2011; Михеева, 2016; Немцев, 2004; Павленко, 2019; Плотницкий, 2019; Шарифуллин, 2013]). В современных работах ставятся, в частности, вопросы синтеза разных искусств (а именно, поэзии и музыки). Проводится типологизация аудиовизуального материала и анализа его перспектив в визуальном искусстве. В современных исследованиях немало внимания уделяется также роли русской литературы в зарубежном кинематографе, формированию киноаллюзий. Попутно ставятся некоторые более частные вопросы.

Как известно, фильмы отличаются сложной, поликодовой организацией, в которой особое положение занимают тексты музыкального сопровождения. Согласно Большому энциклопедическому словарю, музыкой в кино является «инструментальная и вокальная музыка, исполняемая в кинофильме персонажами по ходу действия (внутрикадровая) или сопровождающая его (закадровая)»[1].

Обычно музыкальное сопровождение к фильму представляет собой стихотворное произведение, положенное на музыку. Особенности и способы взаимосвязи поэтического слова и музыки в специфической кинематографической среде заслуживают отдельного внимания. Их изучение с позиции теории лингвистической креативности перспективно. В частности, любопытны с точки зрения лингвокреативного анализа стихотворные тексты, которые, становясь компонентом поликодового пространства фильма, приобретают новые функции, например, способствуют достижению комического эффекта в кинокомедиях.

Наша работа направлена на изучение специфики и роли текстов музыкального сопровождения в кинодискурсе. Объектом нашего исследования являются особенности узуального и модифицированного употребления фразеологических единиц и метафор в музыкальном сопровождении к кинокомедиям. Фразеологизмы и метафоры обладают определенным внутренним креативным потенциалом в силу ряда их основных качеств (образности, экспрессивности, эмотивности и проч.) и склонности к разного рода трансформациям и преобразованиям в дискурсивных практиках.

[1] URL: https://gufo.me/dict/bse/%D0%9A%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0?ysclid=ll4zkmmgeu801283114

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

При отборе фильмов для исследования мы опирались на следующие критерии:

1) тип фильма (например, документальный, художественный и т. д.);
2) жанр кино (драма, трагедия, комедия и т. д.);
3) рейтинг фильма (для его определения мы полагались на известные базы данных о кино (например, IMDb));
4) страна производства фильма;
5) период выхода фильма;
6) отсутствие литературного источника (таким образом, мы исключили экранизации).

В соответствии с данными критериями исследовательский материал составили 30 британских кинокомедий, вышедших с 1960-х по 2010-е годы и имеющих в целом высокий рейтинг согласно, в частности, IMDb. Из каждого десятилетия для анализа было отобрано по пять фильмов, например: «Double Bunk» (1961), «The Rise and Rise of Michael Rimmer» (1970), «Time Bandits» (1980), «Four Weddings and a Funeral» (1994), «Driving Lessons» (2006) и «The World's End» (2013). Общая продолжительность исследуемых фильмов составляет 3035 минут (50,6 часов).

АЛГОРИТМ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

В нашем исследовании анализ лингвокреативности фразеологизмов и метафор в поэтических текстах музыкального сопровождения британских кинокомедий проводился в три этапа.

Первый этап включает в себя типологизацию исследуемых музыкальных произведений с точки зрения степени их автономности от кинокомедии.

Второй этап заключается в анализе особенностей воспроизводимости ФЕ в исследуемых музыкальных произведениях, а также – в анализе их связи с сюжетной линией кинокомедии. При изучении воспроизводимости особое внимание мы уделяем модифицированным формам ФЕ. При изучении лингвокреативности ФЕ в комедийном кинодискурсе мы придерживаемся выделенных в работе И. В. Зыковой пяти основных когнитивных стратегий коммуникативной адаптации образов фразеологизмов к дискурсу:

1) встраивание;
2) приращение;
3) перекомпозиция;
4) разбиение;
5) комбинирование[2].

[2] См. подробнее: [Зыкова, 2015].

Например, под когнитивной стратегией разбиения понимается «намеренное нарушение целостности базовой формы фразеологизма посредством разных способов (например, размещения одного из его компонентов в другом предложении, сокращение компонента) и в ряде случаев приводящая к образованию двух и более “альтернативных” фразеологизированных выражений», например: *откликнуться на чей-либо зов* (*Кондаков*); *Ведь ты же* ***откликнулась****!* (*Никитин*); ***На наш зов*** (*Татьяна Шумова*); ***зов****?* ***Рев****!* (*«Дайте жалобную книгу»*) [Зыкова, 2019, с. 210].

Третий этап направлен на анализ метафор (конвенциональных и креативных), составляющих основу поэтики изучаемых музыкальных произведений. Отправной точкой изучения метафор стали работы таких ученых, как Н. Д. Арутюнова, Е. Г. Беляевская, В. З. Демьянков, Г. Н. Скляревская, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов и некоторые другие. Вслед за В. Н. Телия, под метафорой мы будем понимать форму «обобщенного отражения и познания действительности, созданной на основе образного мышления, представляющего собой органическое единство чувственно-созерцательных и рационально-абстрактных форм познания» [Телия, 1988, с. 134]. Для нашей работы мы также учли подходы к анализу метафор, изложенные в работах таких исследователей, как Ю. Г. Бадрызлова, Е. В. Исаева, А. Дж. Дорст, Прагглеяз групп. Согласно, например, Ю. Г. Бадрызловой, Е. В. Исаевой и др., «лексическая единица считается метафоричной, если ее контекстуальное значение контрастирует с базовым»[1] [Badryzlova, Isaeva, Shekhtman, Kerimov, 2013, с. 78]. Особое внимание уделяется креативным метафорам, идентификация которых осуществляется на базе подходов, разработанных в современных исследованиях. В частности, в [Pragglejaz Group, 2007] представлен алгоритм идентификации метафоры, обозначенный как «metaphor identification procedure». Он состоит из четырехэтапного анализа, предполагающего: 1) анализ контекста для общего понимания значения; 2) отбор лексических единиц; 3) определение их а) контекстуального значения, б) базового значения, в) сравнения двух значений на предмет контраста; 4) установление метафоричности лексической единицы в случае контрастирования ее контекстуального значения на фоне базового [Pragglejaz Group, 2007, с. 2–3]. В качестве одного из примеров анализа авторы приводят случай, в котором контекстуальное значение глагола *wear* в словосочетании *wear the mantle* определяется как «лидерство в семье, члены которой недавно заняли высокие должности в той или иной демократической системе», в то время как базовое значение данного глагола определяется как «иметь что-либо наподобие одежды, декорации или защиты». Таким образом, в данном примере можно наблюдать контрастирование контекстуального и базового значений глагола *wear*. Данный пример словоупотребления позволяет заключить, что лексема *wear* используется метафорически. Причем метафора носит не конвенциональный характер [Pragglejaz Group, 2007, с. 9].

[1] Здесь и далее перевод наш. – *С. К.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как показало проведенное исследование, все музыкальные произведения в анализируемых фильмах могут быть отнесены к одному из трех их типов:

1) специально написанный для кинокомедии музыкальный материал, непосредственно подчеркивающий ее сюжетную линию, а именно, тематические песни, саундтреки (например, мелодия Риммера в кинокомедии «The Rise and Rise of Michael Rimmer» (1970), саундтрек к фильму «Double Bunk» (1961), саундтрек к фильму «Restless Natives» (1985);
2) заимствованный музыкальный материал, который может: а) развивать сюжетную линию всей кинокомедии (например, музыка детективного характера в кинокомедии «Johnny English» (2003) и «Johnny English Reborn» (2011); б) развивать тематическую линию определенного эпизода и не иметь непосредственной (или эксплицитной) связи с общей сюжетной линией (например, попурри из известных песен во время свадебной вечеринки в кинокомедии «Four Weddings and a Funeral» (1994) или вечеринки в кинокомедии «About Time» (2013)).

Более подробный анализ позволил получить следующую систематизацию музыкальных произведений (далее – МП):

1) тематические песни и саундтреки (19 МП – 19,5 %), например: *Double Bunk* для к/ф «Double Bunk»; *Bedazzled* и *The Nuns' Song* для к/ф «Bedazzled»; *Restless Native*» by Big Country для к/ф «Restless Natives»; *авторская песня* главных героев со словами из названия для к/ф «Truly, Madly, Deeply».
2) заимствованный музыкальный материал:
   а) развивает сюжетную линию всей кинокомедии (17 МП – 17,5 %), например: *A Life on the Ocean Wave* для к/ф «Double Bunk»; *Me and My Shadow* для к/ф «Time Bandits»; *Thank You for the Music* для к/ф «Johnny English»; *Total Eclipse of the Heart* для к/ф «FAQ about Time Travel»;

б) развивает сюжетную линию определенного эпизода (61 МП – 63 %), например: *Holy, Holy, Holy! Lord God Almighty!*, *For He's a Jolly Good Fellow*, *Riding Along on the Crest of A Wave* для к/ф «Melody»; *She'll be Coming Round the Mountain* для к/ф «Carry on at Your Convenience»; *There Is Room in My Heart for Thee*, *All the Trees of the Field Will Clap Their Hands*, *Give Me Oil in My Lamp*, *One Door opens*, *Jesusland*, *Jesus Christ*, *God Don't Never Change* для к/ф «Driving Lessons».

Сводные данные по систематизации музыкальных произведений в анализируемых кинокомедиях представлены в таблице 1.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ТИПОВ МУЗЫКАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В ФИЛЬМАХ (в %)

Специально написанный для кинокомедии музыкальный материал	Заимствованный музыкальный материал (а)	Заимствованный музыкальный материал (б)
19,5	17,5	63,0

В результате исследования особенностей воспроизводимости ФЕ в музыкальном материале 30 британских кинокомедий было выявлено 103 случая их узуального употребления в поэтических текстах музыкального сопровождения, например:

1) ФЕ *drive* (*someone*) *wild* (*букв.* 'довести (кого-либо) до бешенства') 'To put someone into a state of extreme excitement' (FDI)[1] > *You* ***drive me wild****, you* ***drive me wild*** (к/ф «Bedazzled»);

2) ФЕ *on the crest of a wave* (*букв.* 'на гребне волны') 'Experiencing a particularly successful period' (CD)[2] > *Oh, we're riding along* ***on the crest of a wave*** *and the sun…* (к/ф «Melody»);

3) ФЕ *look what you're doing / where you're going* (*букв.* 'смотри, что делаешь / куда идешь') '…' (Mcn)[3] > ***Look where you are going…*** (к/ф «A Fish Called Wanda»).

Анализ воспроизводимости ФЕ также определил 24 случая их модифицированного употребления. Рассмотрим наиболее показательные случаи реализации когнитивных стратегий модификации в рассматриваемых кинокомедиях.

Например, стратегию встраивания можно наблюдать в музыкальном произведении «The Way you look tonight» из к/ф «Peter's Friends» в следующем контексте:

And each laugh that wrinkles your nose
Touches my foolish heart.
букв. И каждый смех, что морщит твой нос
Трогает мое глупое сердце.

В данном случае зафиксировано встраивание нового компонента *foolish* со значением 'глупый / глуповатый' в базовую форму ФЕ *touch someone's heart* ('to make someone feel sympathy', *букв.* 'трогать чье-либо сердце') (*Mcn*). Подобная модификация ФЕ передает самоиронию автора фразы.

Эта же стратегия модификации была выявлена в саундтреке к к/ф «Double Bunk» в строках:

She got ***a double bunk***
Double trouble bunk
букв. У нее была двухъярусная кровать
Двухъярусная проблемная кровать.

Встраивание нового компонента *trouble* со значением 'беда / проблема' в базовую форму ФЕ *double bunk* (*букв.* 'двухъярусная кровать / двухуровневая кровать') способствует достижению комического эффекта благодаря модификации исходной формы ФЕ в песне.

Другая частотная стратегия – перекомпозиции – была выявлена, например в «Me and my shadow» из к/ф «Time Bandits». Посредством данной стратегии модифицирована ФЕ *not tell a soul* ('to not reveal some confidential information to a single other person. Often spoken as a command or a promise'[4], *букв.* 'не сказать ни одной душе') в контексте:

Oh, me and my shadow
Not a soul to tell our troubles to.
букв. Только я и моя тень
Некому рассказать о наших проблемах.

Данная модификация направлена на усиление экспрессивности ФЕ.

Стратегии перекомпозиции подвергнута еще одна ФЕ *break one's heart* ('to cause one to feel great sadness. This phrase is often said about the end of a romantic relationship'[5], *букв.* 'сломать чье-либо сердце'). Данный случай модификации, который наряду с приемом повтора (*heart*) способствует проявлению большей эмотивности ФЕ, был выявлен

[1] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/drive+(someone)+wild
[2] Здесь и далее: URL: https://dictionary.cambridge.org
[3] Здесь и далее: URL: https://www.macmillandictionary.com
[4] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/not+tell+a+soul
[5] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/break+one%27s+heart

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СТРАТЕГИЙ МОДИФИКАЦИИ

Стратегия встраивания	Стратегия разбиения	Стратегия перекомпозиции	Стратегия разбиения и встраивания	Другие виды интегрированного употребления стратегий
6	4	3	8	3

в музыкальном произведении «What's Love Got to Do with It» из к/ф «Peter's Friends»:

Who needs a heart when ***a heart can be broken***?
Who needs a heart when a heart can be broken?
букв. Для чего нужно сердце, если его можно сломать?
Для чего нужно сердце, если его можно сломать?

Считаем также важным отметить случаи интегрированного использования стратегий, например, разбиения и встраивания.

В саундтреке к к/ф «Restless natives» можно наблюдать интересную модификацию ФЕ:

carry the torch – 'to fight for someone or something and encourage or lead others to do the same'[1], *букв.* 'нести факел'

Так, в результате замены глагола базовой формы данной ФЕ на компонент *raise* достигается большая экспрессивность, о чем свидетельствуют следующие строки саундтрека:

Where they come from?
Who ***will raise the torch*** for those who died?
букв. Откуда они пришли?
Кто поднимет факел вместо тех, кто погиб?

В музыкальном произведении «Everybody wants to rule the world» из к/ф «Peter's Friends» зафиксирована замена глагола базовой формы ФЕ *be on your best behaviour* ('to *behave extremely* well and be very *polite* on a *particular occasion*'[2], *букв.* 'быть на твоем лучшем поведении') на новый компонент *act*, что так же служит для достижения большей экспрессии в следующем контексте: *Even while we sleep, we will find you* ***acting on your best behaviour*** (*букв.* 'Даже когда мы будем спать, мы будем знать, что ты себя хорошо ведешь').

Приведем сводные данные по стратегиям модификации ФЕ в рассматриваемых кинофильмах (см. табл. 2).

При исследовании метафор были проанализированы базовые и контекстуальные значения существительных, в поэтических текстах музыкального материала рассматриваемых кинокомедий. Контекстуальное значение определяется, в первую очередь, тем, как отобранная лексическая единица согласуется с общим смыслом текста. Особое внимание уделяется также предшествующим и следующим за анализируемой лексической единицей словам (т. е. ее правым и левым контекстам). Базовые значения слов по сравнению с контекстуальными обычно более конкретны (то, что за ними стоит, легче представить, увидеть, услышать, почувствовать, понюхать и попробовать). Базовые значения относятся к реальному действию, поэтому они точнее и исторически старше контекстуальных значений [Badryzlova, Isaeva, Shekhtman, Kerimov, 2013]. Анализ базовых и контекстуальных значений проводился нами на материале таких лексикографических источников, как *Oxford Learner's Dictionary*[3] и *Online Etymology Dictionary*[4]. Контекстуальные значения во многих установленных нами случаях основаны на метафорах, которые могут отличаться определенной степенью новизны или оригинальности, что позволяет квалифицировать некоторые из них как креативные. В качестве примера приведем метафоры разной степени оригинальности.

В фильме «Melody» в поэтическом тексте «To Love Somebody» используется слово *baby*, которое определяется как 'a very young child or animal'[5], 'infant of either sex'[6]. В контексте песни слово *baby* означает 'любимый человек':

Baby, you don't know what it's like
Baby, you don't know what it's like
To love somebody

[1] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/carry+the+torch
[2] URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/be-on-best-behaviour?q=be+on+your+best+behaviour
[3] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com
[4] URL: https://www.etymonline.com
[5] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/baby_1?q=baby
[6] URL: https://www.etymonline.com/search?q=baby

букв. Любимый, ты не знаешь, каково это
Любимый, ты не знаешь, каково это.

Сравнение базового значения *baby* ('ребенок, младенец') и контекстуального ('любимый человек') позволяет нам говорить о незначительной степени оригинальности примененной метафоры, которая аналогичным образом употребляется в к/ф «Johnny English» в тексте саундтрека «Does your mother know» (*And I could shout with you,* ***baby*** *// Flirt a little, maybe*) и в к/ф «Lock, stock…» в песне «Liar, Liar»:

Ask me, ***baby***, why I'm sad…
Come to me, ***honey***…
Listen here, girl
Can't you see I love you
букв. Спроси меня, любимая, почему я грущу…
Иди ко мне, дорогая…
Послушай, девочка
Ты не понимаешь, что я тебя люблю.

В последнем примере можно также наблюдать контекстуальное использование значения слова *honey* ('любимый человек / дорогой') *vs.* базовое значение 'мед' ('a sweet, sticky yellow-brown substance made by bees that is spread on bread, etc. like jam'[1]; 'honey'[2]). Аналогичное употребление слова *honey* выявлено в стихотворном тексте «Does your mother know» (к/ф «Johnny English»):

Well, I can dance with you, ***honey*** if you think it's funny
Does your mother know that you're out.
букв. Что ж, я могу станцевать с тобой, дорогая,
если ты думаешь, что это забавно
Твоя мама знает, что ты не дома.

Метафору, употребленную в сходном значении, можно услышать в кинопроизведении «Johnny English», в музыкальном произведении «Does your mother know» можно услышать следующие строки:

You're so hot teasing me
…but I can't take a chance on ***a chick*** like you.
букв. Ты такая горячая, когда дразнишь меня
…но я не могу осмелиться подойти к такой
цыпочке, как ты.

В данном примере контекстуальное значение *chick* 'детка / цыпочка (*о девушке / молодой женщине*)' противопоставляется базовому 'цыпленок' ('a baby bird, especially a baby chicken'[3]; 'the young of the domestic hen'[4]). В целом из приведенных примеров следует, что используемые слова метафоричны, но конвенциональны, поскольку относятся к уже устоявшимся метафорам.

В тексте песни «Free Inside» (к/ф «Porridge») можно наблюдать интересное контекстуальное употребление слова *downhill*:

Took me down a one-way street
I should have listened to my head
And turned right round
Instead I just followed my feet
I thought I was headin' in the right direction
But it was ***downhill*** all the way.
букв. Пошел по односторонней улице
Я должен был послушать свой разум
Но вместо этого я просто последовал за
своими ногами
Я думал, что иду в правильном направлении
Но на самом деле всё время шел к закату.

В данном примере используется оригинальная метафора, основанная на формировании у слова *downhill* с базовым значением 'склон, спуск по склону' ('the type of skiing in which you go directly down a mountain; a race in which people ski down a mountain'[5]; 'downward slope of a hill'[6]) такого контекстуального значения как 'конец, закат (*downhill*)'. Напомним, в данной кинокомедии демонстрируется жизнь заключенных и в конце фильма поется о том, как можно пойти по неправильному пути (к «закату»), совершив ошибку в юности.

Внимания заслуживает и контекстуальное значение слова *shadow* в музыкальном произведении «Total eclipse of the heart» (к/ф «FAQ about TT»):

Your love is like ***a shadow*** on me all of the time //
I don't know what to do I'm always in the dark (*букв.* 'Твоя любовь словно тень на мне всё время// Я не знаю, что мне делать, я постоянно в темноте').

Сравнив базовое значение *shadow* 'тень' ('the dark shape that somebody / something's form makes on a surface, for example on the ground, when they are between the light and the surface'[7]; 'shade, the effect of interception of sunlight; dark image cast by someone or something when interposed between an

[1] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/honey?q=honey
[2] URL: https://www.etymonline.com/search?q=honey
[3] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/chick?q=chick+
[4] URL: https://www.etymonline.com/search?q=chick+
[5] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/downhill_1?q=downhill
[6] URL: https://www.etymonline.com/search?q=downhill+
[7] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/shadow_1?q=shadow

object and a source of light'[1]) и его контекстуальное значение 'любовь – это тень, которая лежит постоянно на ком-либо', мы делаем вывод об оригинальности созданной метафоры.

Таким образом, можно говорить о частотном употреблении конвенциональных метафор в поэтическом тексте музыкального материала кинокомедий, направленном на реализацию главной задачи фильмов данного жанра, а именно, на достижение комического эффекта. Возникающее контекстуальное метафорическое значение существительных в ярком образном ключе развивает общую идею фильма. Она воздействует на кинозрителя, если метафора включена в специально подготовленный для кинокомедии музыкальный материал. Если же метафора присутствуют в заимствованных песнях, которые также включены в структуру кинокомедии, то в кинокомедии возникают дополнительные темы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показали, что наиболее часто в британских кинокомедиях встречается заимствованный музыкальный материал, который развивает сюжетную линию одного отдельного эпизода. Однако выявленные нами случаи креативного употребления фразеологизмов и метафор обнаружили наибольшую частотность в специально написанном для кинокомедии материале. От заимствованных песен и мелодий он отличается большей креативностью, экспрессивностью, эмотивностью и воспроизводится в большем объеме.

В ходе исследования было выявлено 24 случая модифицированного употребления фразеологизмов, среди которых наиболее часто применяются стратегии встраивания, перекомпозиции, а также интегрированное использование стратегий разбиения и встраивания. В большинстве своем модификации фразеологизмов соответствуют конвенциям поэтического текста (в особенности, стратегиям перекомпозиции), поэтому модификации фразеологизмов не отличаются ярко выраженным креативным характером. В целом, полученные результаты согласуются с положением В. Н. Телия о том, что в «культурно-национальной коннотации (устойчивых выражений) воплощается культурно маркированное содержание эталонов и стереотипов национальной культуры» [Телия, 1988, с. 271].

Проведенный анализ также выявил употребление оригинальных метафор в исследуемом киноматериале. Однако во многих случаях выявленные метафоры обнаруживают преимущественно конвенциональный характер. Следовательно, в поэтических текстах музыкального сопровождения рассматриваемых британских кинокомедий продемонстрированы относительно устоявшиеся в узусе метафоры. При этом в фильмах метафоры могут обретать дополнительные смыслы, что указывает на различную степень их обновления.

[1] URL: https://www.etymonline.com/search?q=shadow

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кадочникова И. С. Синтез искусств в лирике Ю. Левитанского и А. Тарковского: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2011.
2. Михеева Ю. В. Типологизация аудиовизуальных решений в кинематографе (на материале игровых фильмов 1950–2010-х гг.): автореф. дис. …д-ра искусствоведения. М., 2016.
3. Немцев М. В. Стилевые приемы кинематографа в литературе русского зарубежья первой волны: дис. … канд. филол. наук. М., 2004.
4. Павленко Е. А. Особенности киноаллюзий в современных англоязычных песнях // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 309–311.
5. Плотницкий Ю. Е. Взаимодействие кинематографического и песенного дискурсов (на материале музыкальных видео группы Muse) // Вестник Самарского университета. История, Педагогика, Филология. 2019. Т. 25. №3. С. 123–129.
6. Шарифуллин С. Б. Верабально-иконические тексты в современной музыкальной коммуникации (на материале видеоклипов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2013.
7. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического анализа. М.: ЛЕНАНД, 2015.
8. Зыкова И. В. Языковая игра в конструировании поэтики комедийного кинодискурса // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 205–214.
9. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.
10. Badryzlova Y., Isaeva Y., Shekhtman N., Kerimov R. Annotating a Russian corpus of conceptual metaphor: a bottom-up approach // Proceedings of the First Workshop on Metaphor in NLP. Atlanta: Association for Computational Linguistics, 2013. P. 77–86.

11. Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor and Symbol. 2007. Vol. 22, Iss. 1. P. 1–39.

REFERENCES

1. Kadochnikova, I. S. (2011). Sintez iskusstv v lirike Yu. Levitanskogo i A. Tarkovskogo = Art synthesis in lyrics of Yu. Levitanskiy i A. Tarkovskiy: abstract of PhD in Philology. Izhevsk. (In Russ.)
2. Mikheeva, Yu. V. (2016). Tipologizatsiya audivizual'nykh reshenii v kinematografe (na materiale igrovykh fil'mov 1950–2010-kh gg.) = Typologization of audiovisual decisions in cinematography: abstract of Senior Doctorate in Philology. Institute of Linguistics. Moscow. (In Russ.)
3. Nemtsev, M. V. (2004). Stilevye priemy kinematografa v literature russkogo zarubezh'ya pervoi volny = Cinematography style techniques in the literature of Russian foreign countries of the first wave: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Pavlenko, E. A. (2019). Specific features of movie references in modern English songs. Baltic Humanitarian Journal, 8, 2(27), 309–311. (In Russ.)
5. Plotnickiy, Yu. E. (2019). Interrelation of cinematographic and song discourses (as exemplified in music videos of Muse band) .Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology, 25(3), 123–129. (In Russ.)
6. Sharifullin, S. B. (2013). Verabal'no-ikonicheskie teksty v sovremennoi muzykal'noi kommunikatsii (na materiale videoklipov) = Verbal-iconic texts in modern music communication (based on music videos): abstract of PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
7. Zykova, I. V. (2015). Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo analiza = Conceptosphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguacultural analysis. Moscow: LENAND. (In Russ.)
8. Zykova, I. V. (2019). Language play in construal of poetics of comedy film discourse. In Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova (pp. 205–214). Moscow: IRYa RAN. (In Russ.)
9. Teliya, V. N. (1988). Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaya funktsiya = Metaphor as a model of senseproduction and its expressive and evaluative function. Metafora v yazyke i tekste. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Badryzlova, Y., Isaeva, Y., Shekhtman, N., Kerimov, R. (2013). Annotating a Russian corpus of conceptual metaphor: a bottom-up approach. In Proceedings of the First Workshop on Metaphor in NLP (pp. 77–86). Atlanta: Association for Computational Linguistics.
11. Pragglejaz Group. (2007). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. Metaphor and Symbol, 22(1), 1–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулиджанян Сюзанна Самвеловна
младший научный сотрудник
Институт языкознания Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulidzhanyan Sjuzanna Samvelovna
Junior Research Fellow, Institute of Linguistics
Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	20.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’36
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_104

Явления прономинализации русских прилагательных (на примерах «известный» и «определенный»)

Чжоу Хайянь

Пекинский университет, Пекин, Китай
hyzh906@pku.edu.cn

Аннотация. В статье рассматривается явление прономинализации русских прилагательных на примерах слов «известный» и «определенный», которые имеют неопределенное местоименное значение. Отмечается, что прономинализация в первую очередь касается семантико-функционального уровня слов-прономинативов, она представляет собой результат грамматикализации и лексикализации словоформ и при этом носит ступенчатый характер. Каждое прономинализированное слово имеет индивидуальный путь перехода от своей первоначальной части речи к местоимениям, в связи с чем требуется детальный анализ каждого случая.

Ключевые слова: прономинализация, прилагательное, семантика, функция, переход частей речи, ступенчатый характер, шкала переходности

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Национального фонда социальных наук Китая, проект «Переходные явления в русских частях речи», No 18BYY233

Для цитирования: Чжоу Хайянь. Явления прономинализации русских прилагательных (на примерах «известный» и «определенный») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 104–109. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_104

Original article

Phenomena of the Pronominalization of Russian Adjectives (on the examples of “известный” and “определенный”)

Zhou Haiyan

Peking University, Beijing, China
hyzh906@pku.edu.cn

Abstract. The article deals with the phenomenon of pronominalization of Russian adjectives on the examples of the words “известный (known)” and “определенный (definite)”, which have indefinite pronoun meaning. It is noted that pronominalization primarily concerns the semantic and functional level of pronominative words, it is the result of grammaticalization and lexicalization of word forms and at the same time has a gradual nature. Each analyzed word has an individual way of transition from its original part of speech to pronouns, and therefore a detailed analysis of each case is required.

Keywords: pronominalization, adjective, semantics, function, part-of-speech transition, gradual nature, transitivity scale

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the National Social Sciences Fund of China, the project “Transitional phenomena in Russian parts of speech”, no. 18BYY233

For citation: Zhou Haiyan. (2023). Phenomena of the pronominalization of Russian adjectives (on the examples of “известный” and “определенный”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 104–109. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_104

ВВЕДЕНИЕ

Что такое местоимение? Длительное время понимание природы местоимения составляет одну из самых сложных проблем в изучении русских частей речи. О роли местоимения в системе языка, классификации и лексико-грамматических свойствах в русской грамматике высказываются различные суждения [Пешковский, 1956; Бабайцева, 2000; Падучева, 2016]. Проблема осложняется также благодаря прономинализации других частей речи: развитие местоименных значений у слов ведет к расширению группы местоимений в широком смысле [Большова, 1960]. В качестве примеров прономинализированных прилагательных часто приводятся такие слова, как «известный», «определенный», «отдельный» и др. [Грамматика русского языка, 1953; Шигуров, 2015]. На самом деле у каждого из них весьма своеобразный путь прономинализации. Непосредственным объектом нашего анализа являются прономинализированные прилагательные «известный» и «определенный», которые по классификации Е. В. Падучевой включаются в разряд неопределенный [Падучева, 1985]. На основе материалов, собранных из Национального корпуса русского языка[1] в течение 2019–2021 годов, мы попытаемся дать семантико-функциональный анализ слов-прономинативов «известный» и «определенный» и выявить причину и механизм прономинализации. Общий объем выборки составляет 599 примеров (в том числе «известный»: 149 текстов, 342 примера и «определенный»: 164 текста, 257 примеров).

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА-ПРОНОМИНАТИВА «ИЗВЕСТНЫЙ»

Слово «известный» в местоименном значении «какой-то, некоторый, весьма небольшой (по степени, размерам)» было зафиксировано в четырехтомном академическом словаре[2], например:

> В каждом рассматриваемом действии мы видим известную долю свободы и известную долю необходимости (*Л. Толстой*).

В данном предложении слово «известный», имея грамматические категории рода (женского), числа (единственного), падежа (винительного) и полную форму, употребляется в функции прямого определения, ничем не отличаясь от прилагательного. Но в чем заключается его местоименное значение? Ответ кроется в морфологических и синтаксических особенностях, а также в парадигматическом и синтагматическом отношениях слова.

Среди примеров, собранных нами в Национальном корпусе русского языка, слово «известный» часто употребляется в краткой форме, например:

> По этой причине именно концепция Орозия касательно существования двух величайших и двух покровительствующих империй была хорошо известна на Западе (*Церковь. Богословие. История, 2020*).

В приведенном примере четко отражается признаковый характер слова «известный» в значении «такой, о котором знают, и такой, который пользуется популярностью». Оно может иметь и сравнительную и превосходную степени. Слово «известный» выступает в функции прилагательного и тогда, когда в предложении имеется дополнение в дательном и творительном падежах, которые, по мнению Г. И. Кустовой, являются «глагольными» валентностями прилагательного ментальной семантики (типа известный) [Кустова, 2006], например:

> Ребенку предлагается спеть любую известную ему песенку (*Диагностика музыкальных способностей, 2021*).

> Казалось, что С. Арутюнян, который был известен своими критическими статьями о НАН, скоро добьется своего (*Поиск, 2020*).

Имеется немало примеров, когда слово «известный» употребляется в функции предиката или составной части предиката.

Можно сказать, чем полнее выражается частеречный потенциал слова «известный» в морфологическом и синтаксическом планах, тем труднее происходит прономинализация. Как по этому поводу справедливо высказались Т. М. Николаева и В. В. Шигуров, при прономинализации качественные прилагательные, перешедшие в местоимения, лишены грамматических примет качественности, у них нет краткой формы, степени сравнения, они не сочетаются с количественными наречиями, не имеют словообразовательной соотносительности с наречиями на ***-о*** и существительными на ***-ость*** [Николаева, 2013; Шигуров, 2015]. Иными словами, прономинатив «известный» обладает лишь частичной парадигмой, прономинализация происходит всегда при определенных условиях.

Отличие прилагательного «известный» от его прономинатива проявляется и на синтагматическом уровне. В значении неопределенного

[1] URL: https://ruscorpora.ru/

[2] Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1985–1988.

местоимения «известный» чаще всего сочетается с существительными отвлеченными, вот из Национального корпуса русского языка такие примеры, как *известная юношеская придурковатость*; *в известной степени*; *в известных случаях; по известным причинам; известная свобода* и др. В этом смысле прономинатив «известный» имеет определенные сочетаемостные ограничения. Такого рода многократное употребление прилагательного «известный» ускоряет грамматикализацию исходной семантики прилагательного [Кустова, 2004], а «нарушение контекстных ограничений естественным образом сопровождается резкой сменой семантики» [Рахилина, Карпова, Резникова, 2009, с. 424]. Мы делаем акцент на явлении прономинализации слова «известный», однако это не означает, что прономинализированное употребление слова «известный» уже превышает его употребление в качестве прилагательного. Собранные нами примеры показывают, что значение качественного признака для слова «известный» пока остается первичным.

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА-ПРОНОМИНАТИВА «ОПРЕДЕЛЕННЫЙ»

Прономинализация слова «определенный» гораздо сложнее прономинализации слова «известный». Слово «определенный» в словаре русского языка толкуется, во-первых, как страдательная причастная форма глагола «определить», во-вторых, как прилагательное в значении «твердо установленный, назначенный; ясный, отчетливый» и в значении «известный, тот или иной, некоторый», именно на основе последнего развивается неопределенное местоименное значение[1], например:

> Шалаев в определенных границах доверял ему (*Бакланов*).

Очевидны различия между словом «определенный» в качестве причастия и в качестве прилагательного. Словоформа «определенный» как причастная форма глагола «определить» сохраняет грамматические категории вида, времени, залога глагола и может иметь субъектное дополнение в творительном падеже; а прономинатив «определенный», утратив грамматические категории времени, вида и залога, приобретает категориальное значение прилагательного «признака» в лексическом значении «твердо установленный». Различие наблюдается и в формообразовании, когда употребляется краткая форма:

> Сама граница между фундаментальным и прикладным здесь менее определенна (*Информационное общество, 2012*).

> В 2004 году наука была определена как сфера услуг и передана в ведение вице-премьера, отвечающего за развитие социальной сферы (*Поиск, 2020*).

Существует лексико-грамматическая специфика слова «определенный» в местоименном значении. Во-первых, прономинатив «определенный» имеет лишь полную форму. Во-вторых, происходит семантическое опустошение, когда «определенный» употребляется в качестве неопределенного местоимения, например:

> Следует иметь в виду, что взрывоопасными при определенных условиях могут быть вещества, вполне безобидные в быту (*Пять самых опасных воздействий молнии, 2019*).

В Национальном корпусе русского языка зафиксировано большое количество местоименных употреблений слова «определенный». Разница в лексических значениях слова «определенный» в качестве прилагательного и местоимения отражается и в синтагматическом плане: вместе с прилагательным могут употребляться наречия «вполне», «весьма», «очень», «совершенно» и др., которые помогают подчеркнуть и усилить признаковый характер прилагательного «определенный». Иногда употребление слова в качестве однородного определения также помогает выявить признаковый характер прилагательного «определенный».

Отметим, что прономинатив «определенный» чаще всего употребляется вместе с такими отвлеченными существительными, как «смысл», «степень», «граница», «особенность», «опасность», многие из них уже стали коллокациями.

Слово «определенный» представляет собой трехчленный омокомплекс «причастие → прилагательное → местоимение». Можно сказать, что происходит прономинализация причастий, связанная с предварительной адъективацией, и в этом процессе наблюдается поэтапное сужение морфологической парадигмы и семантического значения слова «определенный».

[1] Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1985–1988.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВ «ИЗВЕСТНЫЙ» И «ОПРЕДЕЛЕННЫЙ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КАТЕГОРИИ «ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ–НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ»

Функции языковых единиц ярче всего проявляются в конкретной коммуникативной ситуации, в процессе коммуникации [Баудер, 1982]. Прономинативы «известный» и «определенный» по признакам известности (определенности) / неизвестности (неопределенности) для адресанта и адресата обычно относятся к словам «слабоопределенным», так как они отсылают к объекту, который известен говорящему, но мало известен слушающему [Падучева, 1985]. Это свойство особенно ярко выражается в разговорной речи и может стать основой конфликтогенного высказывания, вызывающего ответную агрессию собеседника, зачастую немотивированную. Например:

– В определенном смысле он прав.
– Это ты что ли этот смысл определил?

Когда «известный» и «определенный» употребляются в качестве прилагательных, эта известность / определенность точно выражается, особенно когда имеются валентные выражения (*известный кому, чем*) и форма краткая (*определен*, *известен*). Итак, можно сказать, что слова «известный» и определенный», которые Л. П. Крысин называет словами-определителями с диффузной семантикой [Крысин, 2000], представляют собой шкалу переходности «определенность – неопределенность», их частеречная принадлежность и место на этой шкале оказываются в зависимости от сочетаемостных возможностей, синтаксической позиции и функции. И это расширение значений имеет когнитивную основу, так как «продвижение от простого к сложному, от наглядного, наблюдаемого к абстрактному, ненаблюдаемому – общий принцип когнитивной деятельности человека» [Кустова, 2004, с. 23]. Универсальность развития местоименного значения русских прилагательных «известный» и «определенный» находит отражение и в китайском языке. При переводе с русского на китайский и с китайского на русский можно употреблять их полный эквивалент в китайском языке «一定的（某些）», который употребляется в качестве прилагательного или местоимения. Например:

随着各**种**条件的改变，不同阶段儿童的身心发展的特点会在一定程度上发生某些变化，但这种变化有一定的限度，这就是稳定性中的可变性[1] – При изменении различных условий характеристики физического и психического развития детей на разных этапах будут претерпевать определенные изменения в определенной степени, но у этого изменения есть определенные пределы. Это изменчивость в стабильности[1].

При этом следует отметить гибридный характер прономинализированных прилагательных «известный» и «определенный». Иногда нельзя четко определить их значение, так как на основе прилагательного передается неопределенное местоименное значение. Об этом точно сказал А. М. Пешковский, «здесь наряду со значением неопределенности имеется оттенок потенциальной определенности или определимости» [Пешковский, 1956, с. 157].

Во-вторых, лексическое значение прилагательных и прономинативов «известный» и «определенный» в немалой степени определяется контекстом. Его в свою очередь задает связное высказывание, конкретный акт коммуникации, речевая деятельность человека в целом [Гладков, 1992]. Когда они употребляются в качестве прилагательных, чаще всего актуализируется выраженная ими информация, которая является новой в коммуникации. Когда же употребляются прономинативы, они обычно являются данностями. Таким образом, создается перемена мест «нового» и «данного». Коммуникативная основа необходимости употребления прономинативов «известный», «определенный» отражается и в том, что не каждый акт коммуникации требует стопроцентно точного выражения, нужна и необходима иногда и гибкость, так как «Зачастую нам не требуется наличие всей полноты знания об объекте, нас интересует только определенная сторона объекта» [Дорожкин, Соколова, 2015, с. 10].

В-третьих, употребление прономинативов «известный» и «определенный» имеет и психологическую основу. Человек стремится устранить неопределенность, иметь достаточную долю уверенности, стабильности, пытается найти логичное объяснение происходящим процессам и принимать осознанные решения [Дорожкин, Соколова, 2015]. Этим и можно объяснить употребление прономинативов «известный» и «определенный». Живя в неопределенном мире, человек из получаемой отовсюду информации всегда неосознанно желает понять установленный определенный порядок мира, поймать выраженный смысл и устранить неопределенность, хотя на самом деле и адресат, и адресант могут быть не уверены в том, что эта известность / определенность достоверна. Со стороны адресанта, употребление прономинативов «известный» и «определенный» придает

[1] \当代\CWAC\AEB0001.txt

речи точность, логичность, убедительность и книжность, а адресат получает достоверную информацию в известной (определенной) степени за счет данных слов. Таким образом, происходит два вида перехода информации между внешним и внутренним мирами: «Первый переход осуществляется как объективация субъективного содержания мыслительной деятельности, второй – как идентификация субъекта с объективно данным ему культурой смысловым содержанием предметной деятельности и коммуникации» [Соловьев, 2008, с. 63], прономинативы «известный» и «определенный» являются мостиками для этих двух видов перехода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ влечет за собой ряд выводов.

1. Прономинализация прилагательных представляет собой феномен перехода частей речи в местоимение на семантико-функциональном уровне. Этот переход осуществляется по принципу экономии (для выражения новых мыслей используются имеющиеся языковые средства).

2. Прономинализация прилагательных «известный» и «определенный» является результатом грамматикализации и лексикализации. С одной стороны, в процессе прономинализации прилагательных «известный» и «определенный» происходит десемантизация, появляется отвлеченная семантика, это типичный признак грамматикализации, с другой стороны, слово «определенный» как грамматическая атрибутивная форма глагола переходит в лексему, приобретая неопределенное местоименное значение и выполняя соответствующие синтаксические функции; это и есть феномен лексикализации. В процессе прономинализации прилагательных лексикализация и грамматикализация тесно взаимосвязаны.

3. Прономинализация прилагательных носит ступенчатый характер, степень обобщенности и путь прономинализации у каждого слова свои. Исследованные нами слова «известный» и «определенный» – лишь малая часть прономинативов, существующих в современном русском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000.
3. Падучева Е. В. Местоимения слабой определенности // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2016. URL: http://rusgram.ru.
4. Большова Ю. В. К вопросу о прономинализации в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. Львов: Издательство Львовского университета, 1960.
5. Грамматика русского языка: в 2 т. М.: Издательство академии наук СССР. 1953–1954. Т. 1–2.
6. Шигуров В. В. Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи. М.: ИНФРА-М, 2015.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
8. Кустова Г. И. Валентности и конструкции прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2006». М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 323–328.
9. Николаева Т. М. Лингвистика. Избранное. М.: Языки славянской культуры, 2013.
10. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. Рахилина Е. В., Карпова О. С., Резникова Т. И. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технолонии. 2009. Вып. 8 (15). С. 420–426.
12. Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982.
13. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000.
14. Гладков В. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики. М.: Наука, 1992. С. 232–266.
15. Дорожкин А. М., Соколова О. И. Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 12. С. 5–12.
16. Соловьев О. Б. Неопределенность: интенциональные и аспектуальные горизонты понимания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2008. Т. 2. Вып. 1. С. 63–67.

REFERENCES

1. Peshkovskij, A. M. (1956). Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii= Russian syntax in scientific coverage. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)
2. Babajceva, V. V. (2000). Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka = Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language. Moscow: Drofa. (In Russ.)
3. Paducheva, E. V. (2016). Mestoimeniya slaboj opredelennosti = Pronouns of weak certainty. In Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki. Moscow. http://rusgram.ru (In Russ.)
4. Bol'shova, Yu.V. (1960). K voprosu o pronominalizacii v sovremennom russkom yazyke = On the question of pronominalization in modern Russian: in Voprosy russkogo yazykoznaniya (vol. 4). L'vov: Izdatel'stvo l'vovskogo universiteta. (In Russ.)
5. Grammatika russkogo yazyka = Grammar of the Russian language (1953–1954). Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR. Vols. 1–2. (In Russ.)
6. Shigurov, V. V. (2015). Pronominalizaciya kak tip stupenchatoj transpozicii yazykovyh edinic v sisteme chastej rechi = Pronominalization as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
7. Paducheva, E. V. (1985). Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu = Utterance and its correlation with reality. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Kustova, G. I. (2006). Valentnosti i konstrukcii prilagatel'nyh. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii = Valences and constructions of adjectives. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2006». P. 323–328. (In Russ.)
9. Nikolaeva, T. M. (2013). Lingvistika. Izbrannoe = Linguistics. Selected works. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
10. Kustova, G. I. (2004). Tipy proizvodnyh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya = Types of derived meanings and mechanisms of linguistic expansion. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
11. Rahilina, E. V., Karpova, O. S., Reznikova, T. I. (2009). Modeli semanticheskoĭ derivacii mnogoznachnyh kachestvennyh prilagatel'nyh: metafora, metonimiya i ih vzaimodeĭstvie = Models of semantic derivation of multivalued qualitative adjectives: metaphor, metonymy and their interaction. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii, 8(15), 420–426. (In Russ.)
12. Bauder, A.Ya. (1982). Chasti rechi – strukturno-semanticheskie klassy slov v sovremennom russkom yazyke = The parts of speech – structural and semantic classes of words in modern Russian. Tallin: Valgus. (In Russ.)
13. Krysin, L. P. (2000). Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi = Euphemisms in modern Russian speech. Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
14. Gladkov, V. (1992). Semantika i vyrazhenie opredelennosti / neopredelennosti = Semantics and expression of certainty/uncertainty. In Teoriya funkcional'noj grammatiki (pp. 232–266). Moscow: Nauka. (In Russ.)
15. Dorozhkin, A. M., Sokolova, O. I. (2015). The concept of "Uncertainty" in modern science and philosophy. Herald of Vyatka State University, 12, 5–12. (In Russ.)
16. Solov'ev, O. B. (2008). Neopredelennost': intencional'nye i aspektual'nye gorizonty ponimaniya = Uncertainty: intentional and aspectual horizons of understanding. Vestnic NSU. Seriya: Psikhologiya, 2(1), 63–67. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжоу Хайянь
доктор филологических наук
профессор Пекинского университета (Китай)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhou Haiyan
Doctor of Sciences (Philology)
Professor, Peking University (China)

Статья поступила в редакцию	30.04.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	01.07.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.07.2023	accepted for publication

ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЯ

Научная статья
УДК 81’23
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_110

Картина мира В. фон Гумбольдта и ее осмысление в современной французской лингвистике

Н. В. Верещагина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nik.vereschagina@yandex.ru

Аннотация. Междисциплинарный характер понятия *картина мира во* многом определяет трудности в выборе эквивалента при переводе термина с одного языка на другой. Автор обсуждает аргументацию, используемую французскими лингвистами при переводе немецкого термина *Weltansicht* на французский язык. Исследование осуществляется на основе современных лингвистических статей, в которых сравниваются разные переводы немецкого термина и аргументируется взаимное соответствие терминов *Weltansicht* и *vision du monde*.

Ключевые слова: картина мира, Вильгельм фон Гумбольдт, термин, vision du monde, междисциплинарность, Weltansicht

Для цитирования: Верещагина Н. В. Картина мира В. фон Гумбольдта и ее осмысление в современной французской лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 110–115. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_110

Original article

W. von Humboldt ‘s Concept of the Worldview and Its Interpretation in Modern French Linguistics

Nika V. Vereshchagina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nik.vereschagina@yandex.ru

Abstract. The interdisciplinary nature of the concept of the world image largely determines the difficulties in choosing an equivalent when translating the term from one language to another. The author discusses the reasoning used by French linguists when translating the German term Weltansicht into French. The study is based on contemporary linguistic articles, comparing different translations of the German term and proving substantial correspondence between the terms Weltansicht and *vision du monde*.

Keywords: the image of the world, Wilhelm von Humboldt, term, vision du monde, interdisciplinarity, Weltansicht

For citation: Vereshchagina, N. V. (2023). W. von Humboldt ‘s concept of the worldview and its interpretation in modern French linguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 110–115. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_110

ВВЕДЕНИЕ

Понятие *картина мира* в современной мировой лингвистике интерпретируется разнообразно; при этом не всегда трактовки термина развивают исходную позицию В. фон Гумбольдта, впервые методологически обосновавшего разграничение *картины мира* и *промежуточного мира понятий* в рамках *языковой деятельности* индивида. Цель исследования – представить позиции современных французских лингвистов, аргументирующих теоретические основания перевода термина В. фон Гумбольдта на французский язык.

Рассуждая о соотношении характера языка и характера народа, В. фон Гумбольдт пишет, что язык, несмотря на внешние воздействия, всегда сохраняет свою индивидуальность и формирует характер народа, так как «…через него все созданное народами в прошлом воздействует на индивида» [Гумбольдт, 1985, с. 372]; «человек думает, чувствует и живет только в языке» [Гумбольдт, 1985, с. 378]. Каким образом осуществляется это воздействие? Через внутреннюю форму языка, которая определяет картину мира как совокупность «способов внедрения языка в действительность», т. е., по сути, способов познания мира, зафиксированных в единицах языка и их отношениях. Эти способы индивид актуализирует в процессе конкретной речевой деятельности, используя существующие средства, или создает некоторые окказиональные единицы, но на базе устойчивой внутренней формы языка: «Некоторые народы будто бы удовлетворяются той картиной мира, которую создает для них родной язык, и только стараются внести в нее больше света, связности, равновесия» [Гумбольдт, 1985, с. 379].

Различные терминологические системы используются не только для интерпретации определенного научного объекта – на их базе устанавливаются общие и специфичные для национальных школ историографические языковедческие тенденции. Своеобразное преломление получают эти идеи и во французской этнолингвистике, в которой популярны концепции, основанные на понимании картины мира как способа внедрения языка в действительность. При этом необходимо установить различия в содержании терминов, которые используются французскими языковедами как эквиваленты немецкого оригинала, и понять причины такого их употребления.

Прежде всего, отметим, что одними из первых Анн-Мари Шаброль-Серетини и Юргеном Трабантом было осмыслено сущностное различение понятий «Weltanschauung» и «Weltansicht». *Weltanschauung* – слово, не частотное в трудах В. фон Гумбольдта, – обозначает структуру представлений индивида о действительности, детерминирующую развитие его убеждений, мотиваций, действий и др. А.А. Львов считает, что *Weltanschauung* по-русски корректно передается лексемами *мировосприятие* или *миросозерцание* [Львов, 2020]. Более частотно слово *Weltansicht*, содержание которого не вполне определено, но может быть соотнесено с широко известным гумбольдтовским «образующим органом мысли», языком как специфической эволюционной *операциональной* (не осознаваемой) формой отображения действительности, являющейся основой не только коммуникации, но и мыслеформирования. *Weltanschauung* же, скорее, предполагает осознанное владение определенными операциями и способами познания, предполагает логическое структурирование знаний о действительности.

КАРТИНА МИРА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОНЯТИЕ

Представители послегумбольдтианской лингвистики продолжают исследовать концепцию внутренней формы. Для В. фон Гумбольдта внутренняя форма не является частью языковой структуры, это определенно выстроенные способы для установления соответствий между произнесенным звуком и значением, которое он выражает.

А.-М. Шаброль-Серетини, анализируя вклад В. фон Гумбольдта в теорию языкознания, считает, что его воззрения, составляющие единую концепцию языка, в современной науке «распались» на несколько проблемных полей, сформировавших особые лингвистические и междисциплинарные направления. Так, развивается теория языкового разнообразия, которая отделена от таких общих проблем языковедения, как понятие структуры и внутренней формы языка, языка как деятельности и ее результата и др. Многие мировоззренческие понятия, используемые в решении общих вопросов теории языка, становятся междисциплинарными, как, например, сущность и структура картины мира.

Мировоззрение – это способ понимания мира, который разум осуществляет посредством языка. По Гумбольдту, каждый язык создает свою картину мира. Взаимодействие между людьми является той областью, в которой языковая картина мира понимается. Это понимание, безусловно, оказывает решающее воздействие на формирование мировоззрения, которое, в свою очередь, влияет на содержательную сторону языка и, значит, на характер его внедрения в действительность, т. е. на картину мира.

Явным отхождением от позиции В. фон Гумбольдта стало методологическое разграничение двух сторон языка – процесса и результата, реализованное в разных направлениях структурализма. В конце XX столетия Ю. Трабант отмечал, что поляризацию двух сторон языка можно рассматривать как фундаментальную эпистемологическую оппозицию века, оппозицию между объяснением и пониманием, между дисциплиной, связанной с логикой исследования в точных науках, и герменевтической гуманитарной дисциплиной [Trabant, 1995]. Междисциплинарный подход возникает вследствие специфической интерпретации исходной концепции мировоззрения. А.-М. Шаброль-Серетини отмечает, что тезис о лингвистическом детерминизме находит широкую поддержку среди гуманитариев, поскольку язык является основным средством формирования и хранения определенных знаний о мире. Если филологические исследования и способы их интерпретации с учетом объяснительных способностей языка извлечь из контекста лингвистики, то останется только возможность толкования определенных культурных моделей поведения. Содержание интерпретации в этом случае упрощается, так как интерпретатор лишается возможности рассмотреть дополнительные смыслы, возникающие при взаимодействии разных объектов и репрезентированные языком [Chabrolle-Cerretini, 2007a].

А.-М. Шаброль-Серетини также отмечает, что в концепции Гумбольдта актуализируется связь между языком и мышлением, ибо, по мнению Гумбольта, когнитивная организация внешнего мира осуществляется на базе структурно-содержательных особенностей языка. Мировоззрение, таким образом, ограничено языком, а объективное структурирование внеязыковой реальности для человека малосущественно.

Связь между языком и мышлением часто отождествляют с символической функцией языка, определенной Э. Сепиром, с принципом лингвистической относительности Б. Л. Уорфа. На самом деле, как считает А.-М. Шаброль-Серетини, Б. Л. Уорфа и В. фон Гумбольдта объединяет лишь то, что они ставят вопрос о взаимосвязи между языковой структурой и языковым представлением реальности, однако исследователи расходятся в ответах на него [Chabrolle-Cerretini, 2007a].

Многие современные исследователи разделяют мнение, согласно которому, картина мира – это определенная модель мира, формирующаяся на базе национального языка. Однако при этом отношения между языком и мышлением трактуются специфически. Так, С. Пинкер утверждает, что существует особый язык «мысли», который позволяет нам думать на родном языке [Пинкер, 2004].

И, наконец, третья особенность, на которую обращает внимание А.-М. Шаброль-Серетини, касается самой теории языкового разнообразия: взаимно не противопоставляя универсальность языка и особенности конкретных языков, В. фон Гумбольдт ищет, что их объединяет, а что различает. Он пишет, что «индивидуальность – это единица разнообразия, вряд ли есть необходимость упоминать о ней» [Humboldt, 2000, с. 20].

А.-М. Шаброль-Серетини подчеркивает, что лингвистика обязана Гумбольдту понятием *Weltansicht*, которое переводится на французский язык как *vision du monde картина мира*. Это понятие было официально представлено В. фон Гумбольдтом на выступлении в Берлинской академии в 1820 году. Однако Серетин подчеркивает, что за регулярными упоминаниями понятия *картина мира*, как правило, скрывается недостаток знаний о концепции, о ее месте в теории языка Гумбольдта, о ее значении для современной лингвистики и ее актуальности. Поэтому на современном этапе, необходимо, с одной стороны, акцентировать исходное гумбольдтианское понятие *картина мира*, обозначающее восприятие мира, организованное определенным языком; с другой – проследить историю трансформации данного понятия и попытаться проанализировать его эквиваленты на французском языке [Chabrolle-Cerretini, 2007a].

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ПОНЯТИЯ «КАРТИНА МИРА» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Термин *картина мира* сегодня регулярно появляется во французской печатной прессе и в социологических эссе. В корпусах французских текстов Frantext[1] можно также проследить его употребление во французских литературных произведениях начиная с 1848 года. А.-М. Шаброль-Серетини подчеркивает, что употребление этого слова встречается в текстах политического и социального анализа (A), литературной критике (B), журналах досуга (C), социологических размышлениях (D) и в описании персонажей литературных произведений (E). Рассмотрим примеры употребления понятия в текстах разного типа:

A

Dans le cadre d'une rediscussion d'acquis sociaux : « Ce qui est déplorable dans cette affaire, c'est que le gouvernement ne veut rien entendre. Et laisse les assureurs imposer leur vision du monde de la santé» [Chabrolle-Cerretini, 2007б, с. 2]. – В контексте

[1] URL: frantext.fr

повторного обсуждения социальных достижений: «Самое прискорбное в этом вопросе то, что правительство не хочет ничего слышать. И оно позволяет страховщикам навязывать свое видение мира здравоохранения»[1].

Dans le contexte de politique internationale : « Quelle est sa vision du monde et de l'Amérique ? » [Chabrolle-Cerretini, 2007б, с. 4]. – Как он видит мир и Америку?

B

Pour saluer la sortie d'une enquête journalistique sur les expéditions anthropologiques des années 1970 : «Renforcée par des documentaires couverts de prix comme The Feast (1969) ou The Ax Fight (1971), réalisés par Timothy Asch, cette vision du monde primitif écornera durablement la conception idéalisée qu'avait pu en offrir l'anthropologue Margaret Mead d'après ses observations dans le Pacifique sud [Chabrolle-Cerretini, 2007б, с. 5]. – Чтобы поприветствовать выход журналистского расследования антропологических экспедиций 1970-х годов: «Первобытная картина мира в документальных фильмах режиссера Тимоти Аша, таких как "Пир" (1969) или "Бой на топорах" (1971), получивших премию, навсегда затмит идеализированное представление, которое антрополог Маргарет Мид смогла предложить на основе своих наблюдений в южной части Тихого океана».

C

Dans le contexte de la réalisation d'idées et de rêves, le sommaire d'un magazine : «Perso, vision du monde, boulot, savoir vivre selon ses rêves» [Chabrolle-Cerretini, 2007б, с. 6]. – В рамках реализации идей и мечтаний, содержание журнала: «Я, мой взгляд на мир, работа, умение жить в соответствии со своими мечтами».

D

Je peux confronter ma vision du monde à celle d'un être humain très différent de moi, et nous pouvons nous comprendre – comprendre aussi pourquoi nous sommes très différents [Todorov, Portevin, 2002, с. 202]. – Я могу противопоставить свой взгляд на мир взгляду человека, который сильно отличается от меня, и мы можем понять друг друга – и понять, почему мы сильно отличаемся.

Changer notre vision du monde n'implique pas un optimisme naïf, pas plus qu'une euphorie artificielle destinée à compenser l'adversité [Ricard, 2003, с. 22]. – Изменение нашего мировоззрения не подразумевает ни наивного оптимизма, ни искусственной эйфории для компенсации невзгод.

E

…et elle y mêlait des observations délicieusement puériles, toute une vision du monde nomade née dans une cervelle d'écureuil qui a sauté de tente en tente, de campement en campement, de tribu en tribu [Maupassant, 1959, с. 1313–1314]. – …и она добавляла восхитительно детские наблюдения, целую картину кочевого мира, рожденную в мозгу белки, которая прыгала из палатки в палатку, из лагеря в лагерь, из племени в племя.

Как показывают примеры, *vision du monde*, в каком бы контексте этот оборот ни появлялся, относится к представлению концепции мира отдельным человеком или группой людей.

В современной науке понятие «картины мира» используются в самых разных значениях. Как правило, они не имеют непосредственной связи с исходным гумбольдтовским понятием. Часто «картина мира» выступает как междисциплинарное понятие: его употребление в различных областях существенно повлияло на его теоретическое осмысление.

Помимо непризнания истоков концепции Гумбольдта имеет место фактически эволюция, которая не соответствует гумбольдтианской мысли. Упрощения, интерпретации и радикализации происходили под влиянием других течений мысли и новых знаний. Некоторые аспекты *картины мира*, например, трехмерные представления, которые могут быть искажены, получили новый смысл, и концепция Гумбольдта была привлечена для обсуждения проблем, поставленных по-другому. Так картина мира может сегодня быть связана с вопросом о языковых изменениях или оказаться в центре дискуссии об артикуляции между инвариантными и вариативными элементами в языках, или дебатов об универсалиях языка [Chabrolle-Cerretini, 2007в].

Понятие *vision du monde* употребляется в различных контекстах и может быть переведено на русский язык как *картина мира, мировоззрение, видение мира, взгляд на мир* и т. д. Сравним разные переводы понятия *Weltansicht* на французский язык.

А.-М. Шаброль-Серетини анализирует сложную историю перевода *Weltansicht*. В двух текстах «Дуэль» (1827) и «О языке кави на острове Ява» (1827–1829), отмечает исследователь, есть слова, которые морфологически и семантически близки к понятию *Weltansicht*. В первой статье – *Weltansicht* и дважды упомянутое *Weltanschauung*. Во второй статье – три упоминания *Weltansicht*, одно *Weltanschauung* и два *Weltauffassung*. *Welt-auffassung*

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Н. В.*

можно перевести как «концепция – мнение – взгляд на мир». *Weltanschauung* состоит из глагола *schauen* (*смотреть*) и переводится как «мировидение». *Weltanschauung* используется во всем тексте в предложениях, где Гумбольдт обращается к духовной потребности человечества, которая нашла свое удовлетворение в языке. Значение, придаваемое *Weltanschauung*, находит широкий отклик в немецких словарях, которые предлагают определение «субъективное представление о мире», т. е. «субъективная идея – видение – концепция мира» [Chabrolle-Cerretini, 2007в, с. 36].

Сопоставляя немецкий термин и варианты его перевода на французский язык, А.-М. Шаброль-Серетини предполагает, в первую очередь, три возможных варианта перевода: *vue, vision u conception du monde*: лексема *vue* апеллирует к способу, посредством которого человек воспринимает окружающее. *Vue* также означает «видеть, смотреть на что-то или кого-то». Наконец, она может использоваться в переносном смысле для выражения способности мысленно представлять что-то, воспринимать.

Вторая возможность – это *vision* – *букв*. 'действие видения'. В переносном смысле лексема обозначает факт восприятия, мысленного представления конкретной или абстрактной реальности. В метонимическом смысле она обозначает «образ, мысленное представление реальности и, следовательно, способ видения, постижения конкретной или абстрактной реальности с помощью глаз или ментально».

Что касается третьего термина, то он обозначает особый способ представления, концепцию / идею.

Таким образом, ни один французский перевод не использует слово *vue* для передачи понятия *картина мира*, вероятно, потому что его современное частотное употребление связано, в первую очередь, с обозначением органов восприятия и непосредственно восприятия. А.-М. Шаброль-Серетини полагает, что эквивалентным переводом гумбольдтовского оборота *картина мира* будет *vision du monde*. Во вторичных текстах, в которых упоминается гумбольдтианская концепция, это с точки зрения М. Шаброль-Серетини, либо *conception du monde*, либо *Weltanschauung*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, во-первых, французские исследователи утверждают, что в современной науке понятие «картина мира» стало междисциплинарным. Отсутствие точного определения картины мира в исходных текстах В. фон Гумбольдта, породившее теоретическую неоднозначность понятия и определившее его междисциплинарный характер, вызывает затруднение при переводе гумбольдтианского термина на французский язык.

Во-вторых, предлагается разграничивать разные термины для обозначения соотносимого с гумбольдтианским понятием картины мира, рассматривая его, по сути, как зонтичный термин. Так, в собственно гумбольдтианском смысле предлагается использовать *vision du monde*; выбор других вариантов – *vue* и *conception du monde* – обусловливается сферой использования термина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985.
2. Львов А.А. Современные концепции феномена мировоззрения // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. № 22. С. 11–23.
3. Trabant J. Sprachsinn : le sens du langage, de la linguistique et de la philosophie du langage dans Henri Meschonnic, La Pensée dans la langue. Humboldt et après. Saint-Denis: Presses universitaires de Vincennes, 1995.
4. Chabrole-Cerretini A.-M. L'audience du concept de vision du monde // La vision du monde de Wilhelm von Humboldt : Histoire d'un concept linguistique. Lyon : ENS Éditions, 2007a.
5. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004.
6. Humbolt W. von. Sur le caractère national des langues, traduit par D. Thouard. Paris: Éditions du Seuil, 2000.
7. Chabrole-Cerretini A.- M. Introduction. In: La vision du monde de Wilhelm von Humboldt : Histoire d'un concept linguistique. Lyon : ENS Éditions, 20076.
8. Todorov T., C. Portevin. Devoirs et délices. Une vie de passeur. Paris: Éditions du Seuil, 2002.
9. Ricard M. Plaidoyer pour le bonheur. Paris: Nil éditions, 2003.
10. Maupassant G. de. Contes et nouvelles. Paris: Albin Michel, 1959.
11. Chabrole-Cerretini A.- M. Le discours de 1820 // La vision du monde de Wilhelm von Humboldt : Histoire d'un concept linguistique. Lyon : ENS Éditions, 2007в.

REFERENCES

1. Humboldt, W. von. (1985). Yazyk i filosofiya kul'tury = Language and cultural philosophy. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Lvov, A. A. (2020). The current conception of the worldview phenomenon. Review of the Russian Christian Academy for the Humanities, 22. 11–23. (In Russ.)
3. Trabant, J. (1995). Sprachsinn: le sens du langage, de la linguistique et de la philosophie du langage. Saint-Denis: Presses universitaires de Vincennes.
4. Chabrole-Cerretini, A.-M. (2007a). L'audience du concept de vision du monde. In La vision du monde de Wilhelm von Humboldt : Histoire d'un concept linguistique. Lyon: ENS Éditions.
5. Pinker, S. (2004). Yazyk kak instinkt = Language as instinct. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
6. Humbolt, W. von. (2000). Sur le caractère national des langues, traduit par D. Thouard. Paris: Éditions du Seuil.
7. Chabrole-Cerretini, A.-M. (2007б). Introduction. In : La vision du monde de Wilhelm von Humboldt : Histoire d'un concept linguistique. Lyon: ENS Éditions.
8. Todorov, T., Portevin, C. (2002). Devoirs et délices. Une vie de passeur. Paris: Éditions du Seuil.
9. Ricard, M. (2003). Plaidoyer pour le bonheur. Paris: Nil éditions.
10. Maupassant, G. de. (1959). Contes et nouvelles. Paris: Albin Michel.
11. Chabrole-Cerretini, A.-M. (2007в). Le discours de 1820. In La vision du monde de Wilhelm von Humboldt : Histoire d'un concept linguistique. Lyon : ENS Éditions.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Верещагина Ника Васильевна
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vereshchagina Nika Vasilievna
Postgraduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.091
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_116

Цицерон в «Риторике» Феофана Прокоповича

Е. В. Маркасова[1], Л. Б. Сенецкая[2]

[1]*Пекинский университет, Пекин, Китай, markasovaelena@yandex.ru*
[2]*Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия, nottayaur@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена источникам «Риторики» Феофана Прокоповича. На основе анализа текста реконструирована система представлений Феофана Прокоповича об иерархии авторитетных фигур и текстов в каждом конкретном разделе «Риторики». Установлено, что самый цитируемый и упоминаемый автор – Цицерон, что объясняется его статусом в истории ораторского искусства и политическим контекстом Петровской эпохи.

Ключевые слова: Феофан Прокопович, риторика, перевод, источники, Цицерон, Иоанн Златоуст

Для цитирования: Маркасова Е. В., Сенецкая Л. Б. Цицерон в «Риторике» Феофана Прокоповича // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 116–122. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_116

Original article

Cicero in the “Rhetoric” of Feofan Prokopovich

Elena V. Markasova[1], Larisa B. Senetskaya[2]

[1]*Peking University, Beijing, China, markasovaelena@yandex.ru*
[2]*Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia, nottayaur@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the identified sources of the “Rhetoric” written by Feofan Prokopovich. Based on the analysis, Feofan Prokopovich’s system of views on the hierarchy of authoritative persons and texts in each specific section of rhetoric is reconstructed. It is established that the most cited and mentioned author is Cicero. This is due to his status in the history of oratory and the political context of the Petrine era, which actualized the imperial idea.

Keywords: Feofan Prokopovich, rhetoric, translation, Sources, Cicero, John Chrysostom

For citation: Markasova, E. V., Senetskaya, L. B. (2023). Cicero in the “Rhetoric” of Feofan Prokopovich. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 116–122. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_116

ВВЕДЕНИЕ

Курс риторики, прочитанный Феофаном Прокоповичем (1681–1736) в Киево-Могилянской Академии на латыни, долгое время переиздавался фрагментарно, но постоянно привлекал внимание ученых в силу общего интереса к его автору, одной из ключевых фигур Петровского времени [см. библиографию в: Прокопович, 2020, с. 467–475].

Круг проблем, традиционно обсуждаемых учеными, широк: следует ли считать этот текст копированием или творческой переработкой европейских образцов, был ли Феофан Прокопович представителем барокко или классицизма, каким образом «Риторика» включена в историю религиозных споров, что в ней обусловлено литературной ситуацией, а что – участием автора в политической жизни.

Сам текст «Об искусстве риторическом десять книг для просвещения российского юношества, оба вида красноречия изучающего на благо веры и отечества…» (далее – «Десять книг» – *Е. М.*) полностью переведен на славянские языки (украинский и русский) в XX веке. Перевод на украинский язык [Прокопович, 1979] был выполнен коллективом переводчиков (Ю. Ф. Мушак, В. П. Маслюк, И. В. Паславский, С. Я. Войтович, П. П. Венгловский) [Симчич, 2012] и опубликован за три года до издания латинского текста [Prokopovič, 1982]. В 2020 году издан русский перевод, выполненный в 1960-е годы Г. А. Стратановским. Все эти издания мы использовали для систематизации сведений о цитатах в изучаемом тексте. Отсылка к авторитетам и их иерархия в любом тексте является одной из форм воздействия на читателя и способом вступления в диалог с ним, поэтому важно понять, кого цитирует Феофан, как распределены цитаты из разных авторов по десяти книгам.

Абсолютно достоверно выявить все цитаты в тексте, как и цепочки заимствований друг у друга, невозможно. В комментариях [Прокопович, 2020] часто встречается фраза «Источник цитаты не установлен / не обнаружен», за которой скрывается долгий, но безрезультатный поиск. Зачастую источник цитаты указан Феофаном неверно, есть и просто упоминания авторов, высказавшихся по какому-либо поводу: так, в Книге I Цицерон упомянут около 80 раз, а цитируется – около 25. Считать ли отдельно цитаты и упоминания? Учитывать ли цитату в цитате как две или как одну?

«Представляется целесообразным различать, с одной стороны, источники для Прокоповича «первичные», которые он привлекал непосредственно (такими источниками для него могла быть литература XVI–XVII вв.), а с другой — источники для него «вторичные» — это тексты, которыми он пользовался опосредованно (и такими источниками могли быть некоторые памятники античной литературы, на которые Прокопович ссылается)» [Суториус, 2021, с. 461]. Эту позицию мы разделяем, если речь идет о текстологическом исследовании. Однако для читателя или переписчика не очень важен вопрос, первичны или вторичны были источники. Когда современный исследователь использует «цит. по NN», цитируемое не становится интеллектуальной собственностью NN. «Риторика» в первую очередь учебный текст (возможно, конспект), и лишь потом риторический трактат. Следовательно, и читать его нужно глазами ученика, не забывая при этом, что судьба «Риторики», учебника, воспринимаемого как научный текст, традиционна для учебных пособий (пример тому – судьба «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского или лекций Ф. де Соссюра). Чтобы понять авторскую концепцию, надо представить себя адресатом «Риторики», сойти с котурнов исследователя и прочесть учебник по-ученически, то есть просто увидеть связь между терминологией и примерами, композицией и целью изучения предмета.

Каждая из «Десяти книг» посвящена теме, определенной в заглавии. Мы предполагаем, что можно установить, какой именно автор для Феофана являлся главным авторитетом («auctoritas») в конкретной теме.

КНИГА I КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ТЕКСТА

Книга I, в отличие от других, не имеет названия. Она «предпосылает общие указания» [Прокопович 2020, с. 16], служит расширенным предисловием, то есть выполняет функцию вводной лекции: говорит о важности, целях, задачах и содержании предмета, о равной значимости светской и духовной риторики. В ней запечатлен высокий уровень техники составления предисловий, описанной предшественниками [Маркасова, 1999].

В начале Феофан Прокопович обращается к «новым риторам»: «…вы стремитесь к предмету, настолько почтенному и настолько полезному, что им стоит овладеть и ради него самого, и ради блага Веры и Родины, а не только вашего! <…> Приглашает вас к общественной деятельности часто бедствовавшая Родина, просит… на многословных спорах Церковь <…>, зовет сама слава каждого передать свое имя потомству… К вашему рвению и прилежанию взывают Родина и Церковь» [Прокопович, 2020 с. 19]. Риторике необходимо обучаться «себе во славу, друзьям в пользу и государству во благо». В этой аллюзии на Цицерона (Cic. De Or. I: 34) происходит замена: место друзей занимает Церковь,

таким образом обозначены равенство статусов светской и церковной риторики и преемственность «Десяти книг» по отношению к цицероновской риторике.

Именно в Книге I больше всего цитат и упоминаний классиков: около 45 авторов. При этом ни в одной другой книге «Риторики» нет такого разнообразия имен. Их подбор не столько говорит об эрудиции автора, сколько ориентирует читателя в структуре курса, поскольку здесь названы почти все ключевые фигуры, которые впоследствии будут цитироваться и упоминаться в следующих девяти книгах.

Для анализа количества цитирований авторов в «Риторике» Феофана Прокоповича был использован алгоритм, реализованный средствами языка Visual Basic for Application в среде MS Exel.Общее распределение количества обращений к источникам и упоминаний известных риторов, историков, писателей дано на рисунке 1.

СОЧИНЕНИЯ ЦИЦЕРОНА КАК ГЛАВНЫЙ ИСТОЧНИК

Преобладание светских источников в «Десяти книгах» очевидно, как и деление на теоретические источники (Arist. Ars Rhet.; Quint. Inst. orat.; Rhet. Ad Her.; Tac. Dial.; Melchior. Praecepta; Caus. De El.; Voss. Rhetorices contractae; Pontanus. Poeticarum institutionum; Sarbiewski De acuto et arguto и др.) и источники примеров, полезных для усвоения теории (Plut. Vitae parallelae; Chrys. Ad populum Antioch.; Plinius. Naturalis Hist.; Młodzianowski. Kazania i homilyie.; Pseudo-Longin; Verg. Aen. Hor. Ars Poet.; Liv. Ab urbe condita;; Paus.Graeciae description; Sallust. Bellum Iugurthinum; Seneca. Ad Luc.; Appian. BC; Apuleius. Met.; Erasmus Rot.; Dio Cass. Hist. Rom.; Dio Chrys.; Gregorius Dial. Dialogi de vita et miraculis; Hieron.; Lact. Divinae institutions.; Lauxmin. Ars et praxis musicae. Ovid. Met.; Pseudo-Kodinos; Sobieski. Commentariorum Chotinensis; Suet.De viris illustribus; Magnus Felix Ennodius; Plato.Phaidros; Tertullianus. Adversus Gnosticos Scorpiace;Trank.;Val. Max.;Veget. Epitoma rei militaris etc.).

Есть только один автор, произведения которого можно включить в оба типа источников, – это Цицерон. Диаграмма количества ссылок на Цицерона представлена на рисунке 2. Цицерон – самый цитируемый автор в Книгах III, IV, V, VII, VIII, а в Книге VII («О судебном и совещательном родах красноречия») это единственным авторитет. Исключениями являются Книга VI («О способах написания истории и о письмах»), в которой основным цитируемым автором является Лукиан Самосатский, а дополнительными – Плутарх, Саллюстий, Квинт Курций, Книга IX («Особая, о духовном красноречии»), которая основана на цитатах из Златоуста, и Книга X («О памяти и произнесении»), где главный источник – Квинтилиан.

Такая интенсивность обращения к Цицерону опирается на традиции новолатинских риторик [Смирнова, 2020] и объясняется не только тем, что сохранились как риторические трактаты, так и речи Цицерона, но и тем, что он был представителем интеллектуальной элиты Рима, многократно менявшим свои убеждения. Некоторое время он даже возглавлял государство [Утченко, 1972, с. 145–164].

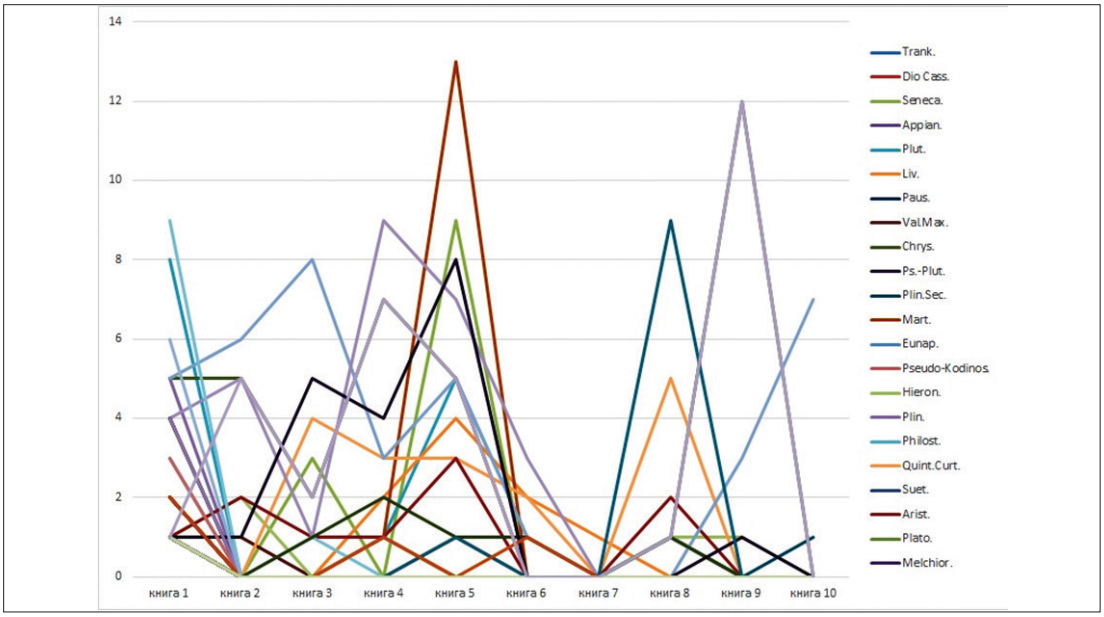


Рис. 1. Количество обращений к источникам в «Десяти книгах»

Феофан объясняет все взлеты Цицерона именно его риторическим талантом: он изгнал Катилину, возглавившего заговор с целью государственного переворота, «сразил» Антония, который после выступления Цицерона был объявлен врагом отечества и др. Цитаты из Цицерона вызывают ассоциации с историческими событиями начала XVIII века: перемены, коварство, тщеславие, сила обстоятельств (Cic. Fam. II: 7). Сам Цицерон не всегда считал, что «оружие должно уступить место тоге» (Cedant arma togae, concedat laurea laudi (Cic. Off. I: 77.), Феофан же настаивает на решении политических проблем именно с помощью красноречия. Он уделяет большое внимание концепции совершенного оратора, упоминая трактат Цицерона «De optimo genere oratorum» («О наилучшем роде ораторов»).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФИГУРЫ СОВЕРШЕННОГО ОРАТОРА

Вслед за Цицероном Феофан говорит, что для поэтов или писателей возможна дифференциация по степени мастерства в каждом жанре, разговор же о «различных степенях мастерства» ораторов лишен смысла. Степень совершенства оратора определяется соответствием речи жанру и ожиданиям аудитории. Оратор должен владеть всеми жанрами, приемами изобретения доказательств, способами расположения материала.

Ключевая идея Феофана – идея пользы оратора для отечества. Именно в Книге I объяснено, «какую пользу может принести красноречие… нашему отечеству, преимущественно в это время и что в особенности побуждает нас к занятиям этим искусством» [Прокопович, 2020, с. 38]. Далее

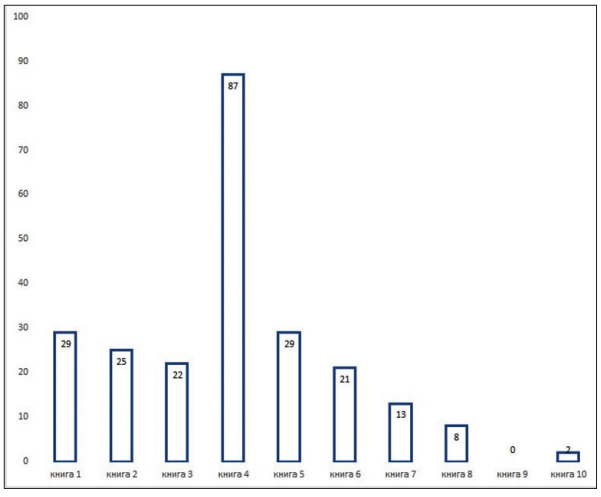


Рис. 2. Диаграмма количества цитирования Цицерона в «Десяти книгах»

следует перечисление конкретных поводов для применения ораторского мастерства:

1. <…прекрасное и мудрое правление и доблестное воительство столь многих великих наших сограждан и государей доставляет нам обильный материал для прославления их, чтобы не оставалась в безвестности их доблесть и чтобы вдохновить других людей подобными примерами.>
2. <…насколько содействовало бы… увековечиванию военных подвигов, если бы вожди и многие воины в такой степени овладели оружием красноречия, чтобы суметь разжечь у других боевой пыл искусно построенной речью.>
3. Если же окажется, что воины, раздраженные несправедливостью… помышляют о перевороте и склоняются к мятежу … здесь требуется только сила красноречия.
4. <…когда приходится писать не о домашних, а о важнейших государственных делах <…> приходится просить о помощи и оказывать ее, хороших людей защищать от недоброжелательства, невиновных — от клеветы, обвинять негодяев и поругателей, поздравлять с победами, сообщать о делах граждан с союзниками, обращаться за помощью к чужеземным государям…>
5. <…так как величие и обширность нашей империи так велики, что нужно отправлять посольства почти ко всем народам, то спрашивается, что же в этом деле соответствовало бы ее достоинству, если бы не было красноречивых людей, настолько надежных, что царь доверяет им замыслы и они умеют снискать уважение союзников к своему отечеству, поддержать достоинство государства перед врагами…>
6. <…наша Родина … умоляет помочь Церкви; раз замалчивается столько славных ее деяний… А все преданное забвению тем самым уничтожает даже великую славу; <…> мы должны стремиться, чтобы совершаемые ныне деяния не остались безвестными…>
7. <…Церкви необходима красноречивая мудрость для того, чтобы сломить дерзость еретиков.
8. Следует также возносить хвалы трижды величайшему всемогущему Богу… Также и подвиги добродетели святителей и Пресвятой Богоматери следует показать народу как для подражания, так и для поклонения.>
9. <…надо описывать жития святых, и в особенности святителей, которые прославились в России, чтобы, наконец, знали суетные люди и враги наши, только и дивящиеся собственным выдумкам, что Родина и религия наша богаты добродетелью, и когда-нибудь отучились упрекать нас в скудости святителей. Также подобает излагать письменно, чтобы передать потомству и другие истории о делах церковных…

10. Далее, сколь велико и тягостно бремя, возложенное на плечи епископов и прочих священнослужителей, бремя ревностного просвещения, врученного им Господом народа таинствами Веры и изобличения и вразумления нечестивцев» [Прокопович, 2020, с. 38–39].

Все десять поводов были политически актуальны, и лишь последние три связаны с религиозным дискурсом. Таким образом, главная миссия оратора – участие в государственных делах. Эта концепция полностью соответствует образу жизни самого Феофана Прокоповича, который после возвращения в Киев в 1704 году целенаправленно участвует в государственной политике. 4-го июля 1706 года в Киев прибывает Петр I, а 5-го июля Феофан выступает с проповедью, которая обращает на него внимание государя. 24-го июля 1709 года Феофан произносит «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе», в 1711 году сопровождает царя в Прутском походе (1711). В 1716 году Прокопович является в Петербург [Автухович, 1999].

«Десять книг» были полезны для конструирования исторического прошлого на языке, понятном любому европейскому читателю, поскольку концепция описания истории дана Феофаном через отсылки к авторитетам, традиционным для авторов раннего Нового времени [Бобкова, 2014].

Вопрос о «священстве и царстве», власти светской и духовной, конфликтогенный в XVII веке, Феофан решает в пользу царства, а не в пользу священства. В отличие от Никона и его сторонников, считавших, что «священство и самаго царьства честнейши и болши есть началство» [Репина, 2022, с. 403], для Феофана Прокоповича «всяк законный государь в государстве своем есть воистину епископ епископов» [Репина, 2022, с. 403]. Петру нужны были люди, ставившие «царство» выше «священства». Взгляды малороссийского духовенства отличались от представлений великорусского епископата, поэтому в 1699–1718 годы происходит замена представителей великорусского епископата выходцами из Киево-Могилянской Академии. Таким образом, карьерный рост Феофана Прокоповича при Петре нельзя объяснить его «бóльшей образованностью», «человеческой ловкостью и умением приспособиться» [Бухаркин, 2009, с. 106]. Этот вывод коррелирует с выводами историков, изучавших политические взгляды Феофана Прокоповича [Бугров, 2020; Лебедева, 2012; Салтовьский, 2012].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVIII веке участие в формировании нового образа государства и умение публично выражать позицию, соответствующую запросам времени, имели важное значение для интеллектуалов, желающих обрести социальный вес и приблизиться к власти, что было невозможно без включения в имперский дискурс. Особенности цитирования и упоминаний Цицерона в «Риторике» Феофана Прокоповича объясняются не только следованием риторической традиции. «Риторика» была включена в российский политический контекст, а образ Цицерона интегрирован в историю современной Феофану политической борьбы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прокопович Ф. Об искусстве риторическом десять книг / пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020.
2. Прокопович Феофан. Філософські твори в трьох томах. Переклад з лат. Т. 1. Про риторичне мистецтво…; Різні сентенції. / Под ред. М. Д. Рогович, В. М. Нічик. Київ: Наукова думка, 1979.
3. Симчич М. Перекладачі-першопрохідці: Києво-могилянські філософські курси в перекладах 1960-70-х років // Sententiae, 2012. № 2 (XXVII). С.146–162.
4. Prokopovič Feofan. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706 / Hrsg. von R. Lachmann // Slavistische Forschungen. Bd. 23 (II). Köln; Wien, 1982.
5. Суториус К. В. Проблемы издания и датировки курса «Риторики» Феофана Прокоповича: к публикации русского перевода [Рец.: Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020] // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2021. Vol. 10. (1). P. 457– 473.
6. Маркасова Е. В. Предисловие к Житию Корнилия Выговского и традиция создания предисловий в агиографии XVII – начала XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1999. Т.51. С. 243–252.
7. Смирнова А. Переводы из Цицерона в Кратком руководстве к красноречию Михаила Ломоносова // Quaestio Rossica. Т. 8. 2020. № 4. С. 1172–1186.

8. Утченко С. Л. Цицерон и его время. М.: Мысль, 1972.
9. Автухович Т. Е. Прокопович Елисей (Елеазар) // Словарь русских писателей XVIII века: в 3 вып. Рос. акад. наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург, 1999. Вып. 2: К–П. С. 488–496.
10. Бобкова М. С. Источники знаний о прошлом: античные историки в сочинениях авторов раннего Нового времени // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 4. С. 154–169.
11. «Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII – XVIII веках. / Под ред. Л. П. Репиной. М.: «Аквилон», 2022.
12. Бухаркин П. Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121.
13. Бугров К. Д. Провидение и власть: политическая мысль Феофана Прокоповича // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 99–111.
14. Лебедева Н. А. Идеи государственности и патриотизма в творчестве Феофана Прокоповича // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. Ч. III. С. 108–111.
15. Салтовьский О. І. Проблема найкращої форми организації влади в теоретико-політичній спадщині Феофана Прокоповича // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Філософія. Політологія. 2012. № 106. С. 89–92.

REFERENCES

1. Prokopovich, F. (2020). Ob iskusstve ritoricheskom desyat' knig =Ten books on Rhetorical art / translated by G. A. Stratanovsky; text preparation by S. I. Nikolaev; text eds by E. V. Markasova, S. I. Nikolaev; comments by E. V. Markasova; scientific editorial translation by E. V. Vvedenskaya. Moscow, St. Petersburg: Alliance-Archeo publ. (In Russ.)
2. Prokopovich, F. (1979). Філософські твори в трьох томах = Philosophical writings in three volumes (vol. 1), ed. by M. D. Rogovich, V. M. Nichik. Kiev: Naukova Dumka. (In Ukrainian).
3. Simchich, M. (2012). Perekladachi-pershoprohidci:Kiєvo-mogilyans'ki filosofs'ki kursi v perekladah 1960–70-h rokiv = Translators-explorers: Translations of Kyiv Mohyla philosophical courses in 1960s-1970s. Sententiae, 2(XXVII), 146–162. (In Ukrainian)
4. Prokopovič, F. (1982). De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706, ed. by R. Lachmann. Slavistische Forschungen. Bd. 23 (ICologne; Vienna.
5. Sutorius, K. V. (2021). Problemy izdaniya i datirovki kursa «Ritoriki» Feofana Prokopovicha: k publikacii russkogo perevoda = Problems of publishing and dating the course of "Rhetoric" by Feofan Prokopovich: for publication of the Russian translation. [Rec.: Feofan Prokopovich. About the art of rhetoric ten books, per. G. A. Stratanovsky; ed. S. I. Nikolaev; podgot. text by E. V. Markasova, S. I. Nikolaeva; comment by E. V. Markasova; scientific ed. per. E. V. Vvedenskaya. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Archeo, 2020]. Slověne = SlovьNe. International Journal of Slavic Studies, 10(1), 457–473. (In Russ.)
6. Markasova, E. V. (1999). Predislovie k Zhitiyu Korniliya Vygovskogo i traditsiya sozdaniya predisloviy agiografii XVII – nachala XVIII v. = The Foreword to the Life of Cornelius of the Vyg and tradition of writing forewords in hagiography of the 17th – beginning of the 18th centuries. Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. St. Petersburg, 51, 243–252. (In Russ.)
7. Smirnova, A. (2020). Translations of Cicero in Lomonosov's A Brief Guide to Eloquence. Quaestio Rossica, 8(4), 1172–1186. (In Russ.)
8. Utchenko, S. L. (1972). Ciceron i ego vremya = Cicero and his time. Moscow: Mysl. (In Russ.)
9. Avtuhovich, T. E. (1999). Prokopovich Elisej (Eleazar). Slovar' russkih pisatelej XVIII veka: [v 3 vyp.] = Prokopovich Elisej (Eleazar). Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka (vol. 2: K–P, pp. 488–496). St. Petersburg: Institut russkoj literatury (Pushkinskii Dom). (In Russ.)
10. Bobkova, M. S. (2014). Istochniki znanij o proshlom: antichnye istoriki v sochineniyah avtorov rannego Novogo vremeni. Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah = Sources of knowledge about the past: ancient historians in the writings of early Modern authors. Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manakh, 4, 154–169. (In Russ.)
11. Repina, L. (Ed.). (2022). «Kul'tura DukhA» vs «Kul'tura RazumA»: Intellektualy i vlast' v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekakh = "Culture of the Spirit" vs "Culture of the Reason": Intellectuals and Power in Britain and Russia in the XVII–XVIII centuries. Moscow: Aquilo. (In Russ.)

12. Bukharkin, P. E. (2009). Feofan Prokopovich i dukhovno-intellektual'nye dvizheniia petrovskoi epochi = Pheofan Prokopovich and spiritual-intellectual movements of Piter the Great epoch. Christian reading, 9–10, 100–121. (In Russ.)
13. Bugrov, K. D. (2020). Providence and Power: The Political Thought of Feofan Prokopovich. Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts, 22, 1(196), 99–111. (In Russ.)
14. Lebedeva, N. A. (2012). Idei gosudarstvennosti i patriotizma v tvorchestve Feofana Prokopovicha = Statehood and Patriotism in Feofan Prokopovich's creative work. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 3, 108–111. (In Russ.)
15. Saltovskii, O. I. (2012). Problema naikraschoi formi organizatsii vladi v teoretiko-politichnii spadschini Feofana Prokopovicha = The Problem of the Optimal Form of Power in the Political Thought of Feofan Prokopovich. Visnik Kiivskogo natsionalnogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Filosofiia. Politologiia, 106, 89–92. (In Ukrainian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркасова Елена Валерьевна
доктор филологических наук, доцент
доцент Пекинского университета (Китай)

Сенецкая Лариса Борисовна
кандидат экономических наук, доцент
доцент Мурманского арктического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Markasova Elena Valerievna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Associate Professor, Peking University (China)

Senetskaya Larisa Borisovna
PhD (Economics), Associate Professor
Associate Professor of Murmansk Arctic University

Статья поступила в редакцию	29.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 8.81.26
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_123

Неточности в переводе идиоматических выражений с английского языка на русский как отражение ментального лексикона

М. Д. Красоцкая

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
Milana19971@yandex.ru

Аннотация. В данной статье ставится проблема некорректного перевода некоторых идиом в двуязычных (англо-русских) словарях. Выявляются языковые факторы, которыми может быть вызвано данное явление. Для проведения исследования автор прибегал к сравнительному анализу источников и к выдвижению гипотезы. Работа велась методом обобщения словарных дефиниций и с опорой на словари идиоматических выражений. В результате было установлено, что в большинстве случаев неправильный перевод зависел от совпадения ключевых слов в английских и русских идиомах, ввиду чего подбирались некорректные аналоги.

Ключевые слова: идиомы, идиоматические выражения, ментальный лексикон, аналоги, культурный код

Для цитирования: Красоцкая М. Д. Неточности в переводе идиоматических выражений с английского языка на русский как отражение ментального лексикона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 123–129. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_123

Original article

Inaccurate Translation of Idiomatic Expressions from English into Russian as a Reflection of Mental Lexicon

Milana D. Krasotskaya

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia
Milana19971@yandex.ru

Abstract. This article investigates the issue of incorrect translation of some idiomatic expressions in bilingual (English-Russian) dictionaries and the reason this phenomenon occurs. In order to conduct the research comparative analysis, generalisation of dictionary definitions, and hypothesis advancement were applied. The research material consisted of idiomatic dictionaries. As a result of this investigation, a proposal was submitted that in most cases the incorrect translation depended on the coinciding key words in the Russian and English idioms. Due to this fact, the analogues were matched inadequately.

Keywords: idioms, idiomatic expressions, mental lexicon, analogues, cultural code

For citation: Krasotskaya, M. D. (2023). Inaccurate translation of idiomatic expressions from English into Russian as a reflection of mental lexicon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (877), 123–129. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_123

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность вопроса некорректного перевода, поставленного в данной статье, обусловлена распространенностью идиоматических выражений в речи: согласно исследованиям лингвистов, проводившихся с 1977 года, идиоматичный язык составляет от 15 до 58 % речевого потока в зависимости от выдвигаемых критериев и использованных методов сбора информации [Conkin, Schmitt, 2012]. Таким образом, для передачи информации с одного языка на другой необходимо знание корректного перевода.

Целью данной статьи является выявление причин некорректного перевода в некоторых парах идиоматических выражений в двуязычных словарях.

Сложность в переводе идиом с английского языка обусловлена их яркостью, образностью, лаконичностью и многозначностью [Горденко, Тищенко, 2008]. Перечисленные качества английских идиом не всегда возможно передать на русский язык эквивалентно ввиду различий между двумя языками. Они коренятся в культурном коде и национальном характере.

Всякий перевод наделен коммуникативной функцией. Она, в свою очередь, неотделима от совокупности межъязыковых аспектов переводческой деятельности (метаязыковой, накопительной, информационно-аналитический, межкультурно-посреднический и др.) [Емельянова, 2019. Миньяр-Белоручев, 1986, Поршнева, 2002]. Для реализации коммуникативной функции от переводчика требуется преодоление лингвоэтнического барьера. В совокупности его составляют расхождения в языках, в паттернах их функционирования и в культурах коммуникантов. Эти культуры, в свою очередь, включают в себя факторы лингвистического и экстралингвистического характера, что предполагает два вида переключения лингвокультурных кодов: языковое и культурное [Емельянова, 2019].

В. В. Сдобников предлагает рассматривать процесс перевода как психолингвистический, поскольку перевод – особый вид речевой деятельности [Сдобников, 2010]. Наибольший интерес представляет процесс речевосприятия, поскольку на данной стадии перевода происходит декодирование сообщения на исходном или переводящем языке. Если переводчик недостаточно глубоко проанализировал исходное сообщение, могут возникать ошибки [Сдобников, 2010].

Идиомы являются частью культурного кода, поскольку они представляют собой объекты лингвокультурологии, которые заключают в себе особенности культуры народа, его истории, традиций, стереотипы [Хвесько, Нагель, Басуева, 2021].

Таким образом, знание идиом необходимо при переводе, поскольку они являются элементом лингвокультурного кода, который должен передать переводчик. Однако в силу различий культурного кода идиомы крайне затруднительно отразить эквивалентами, поэтому приходится прибегать к подбору аналогов.

Неправильный перевод идиом приводит к нарушению оригинального образа, к неверному декодированию культурного кода. В результате эквивалентность перевода снижается.

В современном переводоведении идиоматические выражения передаются следующими способами [Комиссаров, 2011]:

1. подбором эквивалентов, однако таких выражений в парах языков недостаточное количество и изначально это заимствованные фразеологизмы; также при переходе из одного языка в другой эквиваленты могут менять значение и, таким образом, становиться «ложными друзьями» переводчика;
2. подбором аналогов, однако существует риск неправильной передачи стилистического значения и эмоциональной окрашенности иноязычной идиомы, а также невозможность абсолютно адекватно отразить национальный колорит;
3. калькированием, при котором переводчик должен учитывать мотивированность оригинального образа, понимание реципиентом созданного выражения; переводчик должен также себе точно представлять особенности построения кальки как переносного выражения;
4. деидиоматизацией в случаях, когда ни один из предложенных выше вариантов не может быть применен.

Наблюдаются некоторые случаи, когда неточное использование идиом происходит не по вине самого переводчика, а ввиду того, что выражения изначально некорректно переведены в словарях, откуда при передаче черпаются аналоги. Поскольку в процессе обучения иностранному языку словари являются основным источником пополнения лексикона, то подобные ошибки приводят к некорректной передаче идиоматических выражений с одного языка на другой.

СВЯЗЬ НЕКОРРЕКТНОГО ПЕРЕВОДА С МЕНТАЛЬНЫМ ЛЕКСИКОНОМ

На основе вышесказанного, нам представляется возможным выдвинуть гипотезу о связи ошибок в переводе с ментальным лексиконом.

В сфере психолингвистики не существует единого определения ментального лексикона. Однако обобщая опыт ученых-психолингвистов, логично сделать вывод, что ментальный лексикон – это многоуровневое хранилище знаний человека о словах, их характеристиках (фонологических, орфографических, семантических, синтаксических и т. д.) и связях с другими словами, до определенной меры готовое к употреблению в деятельности [Залевская, 1990; Emmorey, Fromkin, 1988; Секерина, 2016].

Структура ментального лексикона в различных теориях представлена рядом моделей (иерархической, ассоциативной, вероятностной и др.). Для доказательства выдвигаемой гипотезы в рамках данной статьи использована ассоциативная модель. Согласно ей, ментальный лексикон – это ассоциативное поле с ядром, внутри которого находятся единицы, обладающие максимальной ассоциативной силой. От ядра исходят множественные связи, разрежающиеся к периферии [Золотова, 2005].

В то же время в исследовании К. Конкин и Н. Шмитта говорится о том, что идиомы обрабатываются носителями языка быстрее, чем изучающими английский язык как иностранный, поскольку не-носители проходят через фазу распознания идиоматического выражения как буквального [Conkin, Schmitt, 2012]. Однако в работе отмечается, что данная дефиниция по-иному применима к не-носителям с высоким уровнем владения английским языком, поскольку они обрабатывают идиоматичный язык с такой же скоростью, как и носители языка [там же]. То есть идиоматические выражения хранятся в ментальном лексиконе в готовом для воспроизведения виде.

Гипотеза, выдвигаемая в настоящей статье, заключается в следующем: пары идиом в двух языках в ментальном лексиконе билингвов прочно связаны ввиду схожести ключевых слов, в роли которых обычно выступают существительные или глаголы, обладающие максимальной образностью. Эта схожесть диктует употребление выражений в парах с совпадающими ключевыми словами, несмотря на то, что они могут быть «ложными друзьями» переводчика.

Как было сказано ранее, ввиду употребления в словарях некорректного перевода, в ментальном лексиконе формируются ошибочные связи, поэтому при вызове определенной пары в процессе перевода происходит неадекватная передача оригинального сообщения.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проведения исследования с помощью сопоставительного анализа словарных дефиниций было отобрано 10 пар идиоматических выражений, в которых наблюдался феномен неточного перевода. При наличии толкования в нескольких словарях применялся метод обобщения. Затем проводился анализ переводов выражений и поиск общего элемента в обоих языках.

АНАЛИЗ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

1. To be born with a silver spoon in one's mouth

В Русско-английском словаре переводчика-синхрониста и Универсальном русско-английском словаре данная идиома переводится как «родиться в сорочке / рубашке»[1], синонимом к ней предлагается фразеологизм «to be born under a lucky star» (родиться под счастливой звездой). Согласно толкованию во Фразеологическом словаре русского литературного языка, «родиться в рубашке» означает «быть во всем удачливым, счастливым»[2]. Обратимся к Кембриджскому англо-английскому словарю, где идиома обозначает «иметь высокий социальный статус и родиться в богатой семье»[3].

В данном случае, как можно заметить, фраза переведена неточно, поскольку богатство не имеет ничего общего с удачей. С психологической точки зрения, человек, имеющий состояние, может казаться счастливчиком на фоне детей из среднего класса, но это не означает, что ему будет везти на жизненном пути.

Сходными элементами в данной паре будут «родиться в» и «to be born in». Предположительно, в поле идиоматических выражений варианты «в рубашке» и «в богатой семье» находятся близко друг к другу, когда происходит вызов слова «родиться». Также «в богатой семье» в русском языке не имеет переносного значения. В процессе перевода идиоматического значения переводчик осознает, что контекст требует использовать фразу в языке перевода не с прямым значением. С другой стороны, затруднение может быть вызвано психологической оценкой идиомы: как пояснялось выше, наследник богатых родителей в глазах представителей среднего и низшего класса будет выглядеть как счастливчик, поскольку деньги могут купить ему свободу в любом проявлении, неуязвимость,

[1] URL: https://translate.academic.ru/born%20with%20a%20silver%20spoon/ru/en/

[2] URL: https://phraseology.academic.ru/10783/%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F_%D0%B2_%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B5

[3] URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/born-with-a-silver-spoon-in-mouth?q=born+with+a+silver+spoon

пропитание, одежду, любой каприз и т. д. Но в реальности это не является правдой, поскольку богач мог и не «родиться под счастливой звездой».

2. A voice crying in the wilderness

Несмотря на схожую этимологию (данная идиома является библеизмом и упоминается в Евангелии от Матфея[1]), между русским и английским вариантом существует немалое различие в коннотациях.

Итак, согласно Большому русско-английскому фразеологическому словарю, «a voice crying in the wilderness» переводится как «глас вопиющего в пустыне»[2]. Во Фразеологическом словаре русского языка данная идиома трактуется как «страстный, горячий призыв, выражение отчаяния, без надежды на отклик. Имеется в виду, что чьи-либо слова остаются без ответа, не получают должной реакции. Говорится с неодобрением»[3].

Обратимся к англо-английским словарям Farlex Dictionary of Idioms[4], Collins COBUILD Idioms Dictionary[5] и словарю TheIdioms.com[6]. Анализ толкований показывает, что данная идиома и ее синоним «a lone voice in the wilderness» означают «выражать непопулярное мнение или идею; предупреждать людей об опасности или правде в важной ситуации, но без реакции».

Ни в одном из трех словарей в значении идиомы не отражена коннотация неодобрения или эмотивная коннотация отчаяния из-за того, что предупреждение остается без должного ответа.

Таким образом, выражения «a (lone) voice crying in the wilderness» и «глас вопиющего в пустыне», несмотря на схожую этимологию, имеют разную коннотацию. Проблема заключается в создаваемом образе и культурном коде. С русской точки зрения, использование слова «пустыня» вызывает ряд ассоциаций с отчаянием, одиночеством, отсутствием надежды (стимулу «пустыня» соответствуют такие реакции, как «мертвая», «безлюдная», «кругом никого»[7]), что усиливается элементом «вопиющего» (в данном случае «вопиющий» соотносится не с негодованием, а с действием, то есть с воплем). Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, «вопить» – «кричать громко и протяжно, выть, плакать с завыванием»[8]. Однако в английской традиции «wilderness» вызывает ассоциации с суровым климатом и отсутствием цивилизации (городов, пастбищ, дорог), с одной стороны, (через такие реакции, как «uninhabited», «rugged», «barren», «undeveloped»[9]), а с другой - это место, где земля не обрабатываются, поэтому произрастают некультурные растения (реакции «untouched», «virgin», «tangled», «forested»[10]). «Crying» также имеет двоякую трактовку, потому что «cry» – это и крик[11], и боевой клич (battle cry)[12], и плач. Русский «глас» означает именно крик[13], т. е. несогласие с обществом и ситуацией выражается громко, тогда как в английской традиции при определенной трактовке и создаваемом образе фраза может вызывать ассоциации тихого плача в пустоту, который никто не слышит.

3. To be all ears

В англо-русском словаре идиом и фразовых глаголов одним из переводов данной фразы, помимо «навострить уши», является «ушки на макушке»[14]. Согласно Большому толково-фразеологическому словарю Михельсона, это идиоматическое выражение означает «внимательно прислушиваться, быть настороже»[15].

Обратимся к иностранным словарям. В словарях Farlex Dictionary of Idioms, McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs и American Heritage (5-е издание)[16] «to be all ears» означает «сильно хотеть услышать что-то, слушать очень внимательно и с энтузиазмом».

В данном случае отсутствует коннотация пребывания в опасности или «прислушивания» к шагам или шуму. Идиома означает готовность выслушать своего собеседника.

В паре присутствует сходный элемент «ears / уши». В ассоциативном поле ментального лексикона также могли активироваться фразы «держать ухо востро», «прожужжать все уши», «слушать во все уши». Здесь также играет роль культурный код: происходит ассоциация с зайцем на охоте, который высоко поднимает уши, чтобы услышать, с какой стороны на него готовят облаву. В этом и заключается элемент опасности и подвоха в русском переводе, которого нет в оригинальной коннотации.

[1] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/voice+crying+in+the+wilderness
[2] URL: https://translate.academic.ru/voice%20crying%20in%20the%20wilderness/ru/en/
[3] URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/563/%D0%93%D0%9B%D0%90%D0%A1_%D0%92%D0%9E%D0%9F%D0%98%D0%AE%D0%A9%D0%95%D0%93%D0%9E_%D0%92_%D0%9F%D0%A3%D0%A1%D0%A2%D0%AB%D0%9D%D0%95
[4] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/voice+crying+in+the+wilderness
[5] Ibid.
[6] URL: https://www.theidioms.com/a-voice-crying-in-the-wilderness/
[7] URL: http://tesaurus.ru/dict/
[8] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/763762
[9] URL: https://wordassociations.net/en/words-associated-with/Wilderness
[10] Ibid.
[11] URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cry
[12] URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/battle-cry
[13] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/39294
[14] URL: https://translate.academic.ru/to%20be%20all%20ears/ru/en/
[15] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/11188/%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B8
[16] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/to+be+all+ears

4. To be after blood

Согласно Универсальному русско-английском словарю, переводится как «жаждать крови»[1]. Во Фразеологическом словаре русского литературного языка фразеологизм «жажда крови» объясняется следующим образом: «стремление к убийству»[2].

В английских словарях эта фраза объясняется без подтекста кровопролития: «сильно разозлиться на кого-то и угрожать / намереваться отомстить / наказать их»[3].

Как мы видим, в данной паре образы коренным образом отличаются по своей результативности.

В паре присутствует сходный элемент «кровь / blood». То есть здесь вновь активируется ассоциативное поле ментального лексикона на основе сходного элемента, однако коннотация отличается.

5. An axe to grind

В Универсальном русско-английском словаре данное выражение переводится как «точить зуб на кого-то» (хотя в этом же словаре представлен и правильный перевод «преследовать личные корыстные цели»)[4]. Во Фразеологическом словаре русского языка идиома «точить зуб» трактуется как «постоянно испытывать чувство злобы, вынашивать злой умысел, готовиться навредить»[5].

Обратимся к Кембриджскому словарю, а также Farlex Dictionary of Idioms. Согласно данным справочникам, «an axe to grind» означает «1) жалоба или претензия, которую кто-то хочет обсудить[6]; 2) личная мотивация или эгоистичная (корыстная) причина, по которой кто-то сказал или сделал что-то»[7].

В оригинальном варианте отсутствует или нечетко прослеживается элемент злобы, вреда, злого умысла. Личная цель может иметь конечной точкой не вред, а получение выгоды.

Выражения «an axe to grind» и «точить зуб» совпадают по компоненту «grind/точить», что активирует схожие ассоциации. Также присутствие топора как элемента английской фразы может указывать на затаенную злость и желание расплаты (ср. Родион Раскольников в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского), и этот языковой факт нивелирует разницу между двумя фразами для русского носителя.

6. In bed with

В русском языке имеется только дословный перевод, который означает сексуальные отношения с кем-то. Однако в английской традиции «to be in bed with» также имеет следующее толкование: «находиться в деловых или финансовых отношениях с другим человеком или группой лиц, занимающихся (по-видимому) незаконной деятельностью»[8].

Отсутствие у фразы *in bed with* русского переносного значения намекает на определенные культурные ассоциации (ср. «попасть в шоу-бизнес через постель»), что вызывает только один вариант перевода. В английском варианте главную роль играет не кровать, а ассоциация близости, стоящая за ней. То есть связь человека с возможными деловыми партнерами ассоциируется с постелью – последним «бастионом» близости.

7. To burn the candle at both ends

В русской традиции данная фраза имеет несколько переводов (в том числе наиболее точный «растрачивать силы / здоровье»), но нас интересует «прожигать жизнь»[9].

Во Фразеологическом словаре русского литературного языка данная фраза толкуется как «проводить время в развлечениях, удовольствиях, растрачивая деньги, силы, здоровье»[10].

Однако в Кембриджском словаре и Farlex Dictionary of Idioms «to burn the candle at both ends» означает «очень много работать, в особенности поздно ночью и рано утром»[11].

Бесспорно, значение растрачивания собственного капитала присутствовало в иностранной традиции, но только на начальном этапе, когда фраза была заимствована из французского языка в XVII веке, но вскоре она приобрела значение, использующееся до сих пор[12].

Для пары сходен предикативный элемент «прожигать / burn». Проблема кроется не только в ассоциации, но и в этимологии: как было сказано выше, первоначально английская фраза означала «тратить деньги». Кутеж также является причиной

[1] URL: https://translate.academic.ru/to%20be%20after%20blood/ru/en/
[2] URL: https://phraseology.academic.ru/4048/%D0%96%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0_%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8
[3] URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/be-after-blood
[4] URL: https://translate.academic.ru/an%20axe%20to%20grind/ru/en/
[5] URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/2589/%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%8C_%D0%B7%D1%83%D0%B1
[6] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/an+axe+to+grind
[7] URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/have-an-axe-to-grind? q=axe+to+grind
[8] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/be+in+bed+with
[9] URL: https://translate.academic.ru/burn%20the%20candle%20at%20both%20ends/ru/en/
[10] URL: https://phraseology.academic.ru/9957/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C
[11] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/burn+the+candle+at+both+ends
[12] Ibid.

растраты денег, вечеринки происходят вечером. То есть ошибка в переводе данной пары основана на этимологическом сдвиге.

8. Black and blue

В англо-русских словарях данная фраза переводится, как «быть избитым, в синяках», то есть в данном случае отражается только физическая сущность этой идиомы[1].

Если обратиться к иностранным изданиям (Farlex Dictionary of Idioms, McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs), то можно увидеть, что раскрывается психическая сущность идиомы: «быть покалеченным как физически, так и морально»[2].

«Black and blue» и «в синяках» имеют сходство по элементу цветообозначения (blue / синий). Здесь, как и в предыдущей паре, ошибка основана на этимологическом сдвиге, но существует и ассоциативный культурный элемент. В русском языке с печалью ассоциируется зеленый цвет («тоска зеленая»), тогда как в английском – с голубым (одно из музыкальных направлений, зародившееся в США было названо «блюз» ввиду того, что изначально это были песни чернокожих рабов, оплакивавших свою судьбу). Поэтому в русском языке не происходит ассоциации душевной муки с голубым цветом, следовательно, этимологический сдвиг в сторону моральных страданий в русском языке не произошел.

9. To crack a whip

В Универсальном англо-русском словаре, Concise и Large English-Russian phrasebook данная идиома переводится как «щелкать хлыстом, угрозами добиваться согласия, повиновения, запугивать, подстрекать к дальнейшим действиям»[3].

Однако в Collins COBUILD Idioms Dictionary говорится о том, что человек использует свой авторитет / положение и заставляет подчиненных работать усерднее, относясь к ним строже[4]. В этом случае строгость не означает запугивания, угрозы, подстрекательства. Здесь передается отношение к людям, а не направленные на них действия.

«To crack a whip» и «щелкать хлыстом» – на первый взгляд эквивалентны только по использованным языковым единицам. Здесь ассоциативная связь представляется более прочной из-за полного совпадения лексем, однако в русском языковом сознании «хлыст» – это символ запугивания, угроз. Вероятно, приведенная ассоциация связана с историей России, а именно с периодом крепостного права, когда хлыстом жестоко наказывали за провинность.

В английской же культурной традиции данное выражение осталось нейтральным по своему значению, означая строгость без рукоприкладства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сравнительный анализ англоязычных идиом и их переводных аналогов на русском языке выявил неточности в передаче дополнительных значений и смыслов с английского языка на русский. Предположительно, причинами неадекватности перевода могут являться следующие факторы:

1) билингвальный ментальный лексикон, внутри которого, предположительно, наблюдается прочная связь между идиоматическими выражениями, совпадающими по одному и более элементам, несмотря на то что они не являются эквивалентами или аналогами в английском и русском языках;
2) культурный код билингва, в котором определенные элементы фраз (часто второстепенные, которые могут не совпадать с переводящим языком) имеют иные ассоциативные ряды;
3) отсутствие сдвига в этимологии одного из языков, ввиду чего одно из значений идиомы опускается и не употребляется.

Данная гипотеза требует практического подтверждения с помощью ряда психолингвистических экспериментов. Возможность их проведения имеет смысл рассматривать как перспективу исследования.

[1] URL: https://translate.academic.ru/black%20and%20blue/ru/en/
[2] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/black+and+blue
[3] URL: https://translate.academic.ru/crack%20a%20whip/ru/en/
[4] URL: https://idioms.thefreedictionary.com/crack+the+whip

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Conkin K., Schmitt N. The processing of formulaic language // Annual Review of Applied Linguistics. 2012. №32. С. 45–61.
2. Горденко Н. В., Тищенко Ю. В. Сложности перевода английских фразеологизмов на русский язык // Успехи современного естествознания. 2008. № 3. С. 77–78.

3. Емельянова Я. Б.Специфика процесса переключения кодов в переводе // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. № 2 (16). С. 214–228.
4. Миньяр-Белоручев Р. К. Информационно-коммуникативные аспекты перевода. Горький: ГГПИ им. М. Горького, 1986. С. 56–61.
5. Поршнева Е. Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика. Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2002.
6. Сдобников В. В. Процесс перевода как объект психолингвистического исследования // Вестник ВятГУ. 2010. № 2(2). С. 107–111.
7. Хвесько Т. В, Нагель О. В., Басуева Н. Ю.Фразеологизмы как проявления культурного кода // Язык и культура. 2021. № 54. С. 81–93.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011.
9. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990.
10. Emmorey K. D., Fromkin V. A. The mental lexicon // Linguistics: The Cambridge Survey. Cambridge: Cambridge University Press. 1988. P. 124–149.
11. Секерина И. Психолингвистика (Морфологическая организация и ментальный лексикон) // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М.: УРСС, 2016.
12. Золотова Н. О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: дис. … д-ра филол. наук. Тверь, 2005.

REFERENCES

1. Conkin, K., Schmitt, N. (2012). The processing of formulaic language. Annual Review of Applied Linguistics, 32, 45–61.
2. Gordenko, N. V., Tishchenko, Yu. V. (2008). Slozhnosti perevoda angliyskikh frazeologismov na russkiy yazyk = Difficulties of translating English phraseologisms into Russian. Advances in current natural sciences, 3, 77–78. (In Russ.)
3. Yemelyanova, Ya. B. (2019). The specific character of code-switching in translation. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 2(16), 214–228. (In Russ.)
4. Minyar-Beloruchev, R. K. (1986). Informatsionno-kommunikativniye aspekty perevoda = Information-communicative aspects of translation (pp. 56–61). Gorky: GGPI imeni Gor'kogo. (In Russ.)
5. Porshneva, E. R. (2002). Bazovaya lingvisticheskaya podgotovka perevodchika = Translator's basic linguistic training. Nizny Novgorod: N. I. Lobachevsky Nizny Novgorod State University. (In Russ.)
6. Sdobnikov, V. V. (2010). Protsess perevoda kak object psikholingvisticheskogo issledovaniya = Translation process as the object of a psycholinguistic research. Herald of Vyatka State University, 2(2), 107–111. (In Russ.)
7. Khvesko, T.V., Nage, O. V., Basuyeva, N. Yu. (2021). Phraseological units as cultural code manifestation. Language and Culture, 54, 81–93. (In Russ.)
8. Komissarov, V. N. (2011). Sovremennoye perevodovedenye = Modern translation theory. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
9. Zalevskaya, A. A. (1990). Slovo v leksikone cheloveka. Psikholingvisticheskoe issledovanie = A word in a person's lexicon. A Psycholinguistic Study. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
10. Emmorey, K. D., Fromkin, V. A. (1988). The mental lexicon. Linguistics: The Cambridge Survey (pp. 124–149). Cambridge: Cambridge University Press.
11. Sekerina, I. (2016). Psikholingvistica (Morfologicheskaya organizatsiya i mentalny leksikon) = Psycholinguistics (Morphologic organisation and mental lexicon). Fundamental'nye napravleniya sovremennoj amerikanskoj lingvistiki. Sbornik obzorov. Moscow: URSS. (In Russ.)
12. Zolotova, N. O. (2005). Yadro mentalnogo leksikona cheloveka kak estestvenny metayazyk = The mental lexicon core as a natural metalanguage: Senior Doctoral Thesis in Philology. Tver. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красоцкая Милана Денисовна

аспирант Института иностранных языков Российского университета дружбы народов

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasotskaya Milana Denisovna

Postgraduate student of the Institute of Foreign Languages, People's Friendship University of Russia

Статья поступила в редакцию	09.01.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.01.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81-25
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_130

Стратегии эквивалентности и преобразования при переводе английских новостных заголовков на русский язык

Ю. А. Филясова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
phill.yield@gmail.com

Аннотация. В статье представлен семантический и количественный анализ 212 заголовков новостей BBC и их перевода на русский язык. Результаты анализа показывают, что в языке перевода стратегии сохранения эквивалентности и преобразования соотносятся 50/50 с большей статистической достоверностью в пользу первой. Наблюдается общий тренд увеличения числа слов в заголовках при переводе на русский язык на 19% вследствие преобразований – расширения значения, уточнения и социокультурной адаптации для русскоязычных читателей.

Ключевые слова: переводческие стратегии, расширение значения, спецификация, количественный анализ, межъязыковая асимметрия, новостные заголовки, переводческие приемы, переводческие трансформации, прагматическая адаптация

Для цитирования: Филясова Ю.А. Стратегии эквивалентности и преобразования при переводе английских новостных заголовков на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 9 (877). С. 130–136. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_130

Original article

Equivalence and Transformation Strategies for Translating English News Headlines into Russian

Yulia A. Filyasova

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia
phill.yield@gmail.com

Abstract. The paper presents a semantic and quantitative analysis of 212 original English BBC news headlines and their translations into Russian as the target language. The findings show 50/50 correlation between the equivalence and transformation strategies with higher statistical validity in favor of the former. When translated into Russian, the English headlines tended to increase in length by 19% as a result of transformations – meaning extension, specification, and sociocultural adaptation for the Russian readership.

Keywords: translation strategies, meaning extension, specification, quantitative analysis, interlingual asymmetry, news headlines, translation technique, translation transformations, pragmatic adaptation

For citation: Filyasova, Yu. A. (2023). Equivalence and transformation strategies for translating English news headlines into Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 130–136. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_130

INTRODUCTION

Translation is a multi-componential intellectual process aimed at delivering the meaning from the source into the target language by means of multiple transformations which enable translators to consider interlingual asymmetry and adapt sociocultural realities to the perception of the target audience. Translation is viewed as a completely virtual activity which implies understanding the original meaning, generating a new internal intellectual program, and its expression by means of the linguistic system of the target language [Фролов, 2020]. At a deep semantic level, translation involves such intellectual operations as anticipation, analysis, presupposition, verification, and inference [Коровкина, Семенов, 2022]. Linguistic variation at the superficial level involves heuristics and sophistication of translator's competence [Шуверова, 2019]. In the digital age, translation process requires not only cognitive but also procedural skills [Чистова, 2021].

The equivalence strategy is derived from the fundamental nature of translation aimed at preserving the original meaning and saving intellectual resources required for the translation process. The use of transformation strategy is caused by interlingual asymmetry and differences between the superficial structures of the source and target languages. The information due for translation is analyzed at a deep virtual level in the translator's mind and is further converted into the verbal form of the target language. Linguistic affinity also determines the choice of translation strategy to a certain degree – equivalence for cognate and transformation for non-cognate languages. Original texts in the source language and their translation into the target language allow researchers to study the results of intellectual work and those transformations which helped preserve the original meaning of the original texts.

Media texts are known for their high informative value, persuasiveness, and expressiveness aimed at achieving the attention-grabbing effect. The translation process includes communicating ideas in combination with means of expression, style, culture-specific elements, among others. Translators need to possess deep knowledge of sociocultural specifics related to the source and target languages, in addition to profound language and communication skills.

Headline is an integral part of news article; its generation is inconceivable without compression, fusion, and summarization [Barros, Vicente, Lloret, 2021]. For the translation purposes, headlines of foreign news are subject to cross-lingual and multimodal recontextualization [Altahmazi, 2020], cultural and ethical adaptation, cosmopolitan openness, and domestication [Bielsa, 2016], including such translation techniques as substitution [Guerrero, 2022], thematic conversion [Rahnemoon, Ahangar, Nourmohammadi, 2017], among others. Multiple researches into the translation of headlines helped identify the following techniques: neutralization, periphrasis, lexical extension, omission, the use of colloquial language [Кобцева, 2020], substitution, permutation, addition [Завьялова, 2019], metaphorization, compression, social and national adaptation [Буянова, Шамина, 2017], pragmatic adaptation, explication, implication [Тимко, 2021], accompanied by identifying some quantitative trends [Калиущенко, Миткова, 2017], and studying into the communicative effect between the original and target texts [Волкова, Наливайко, 2022].

The morphology of BBC news headlines show that the average length varied between 4 and 13 words, half of them were nouns, 0.1 verbs, 0.1 adjectives and adverbs, the rest are mainly function words [Filyasova, 2018; Filyasova, Selenkov, Evseeva, 2018].

MATERIAL AND METHODS

The material for the research in English as the source language was obtained from the BBC news provider[1] and its Russian service[2] over the time period of the recent two years – from November 1, 2022, backwards as early as November 2021. Continuous sampling method was used for material selection. Each English news article was searched for its translation into Russian as the target language. The same date, author if any (English speakers), and identical information contents served as a basis for article identification in Russian. The total number of 424 news headlines were collected (original English 212, and their Russian counterparts 212).

News headlines – original English and their translations into Russian – served as major units of analysis. The aim of the research was to compare and contrast headlines of the same news stories semantically and numerically in terms of translation equivalence and transformation. Primary analysis gave the possibility to establish direct interlingual equivalents with the consideration of interlingual asymmetry, and distinguish them from transformations such as adaptation, addition, or omission. Secondly, quantitative data were obtained. Further classification of the headlines and translation techniques was performed.

For example: ***Piet Mondrian artwork displayed upside down*** *for* ***75 years – Произведение*** *художника*

[1] BBC News. URL: https://www.bbc.com/news (accessed 1.11.2022)

[2] BBC News Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian (accessed 01.11.2022).

Пита Мондриана 75 лет выставляют *в галереях* ***вверх ногами****. Заметили только сейчас*. The lexical components which have direct equivalents are marked in bold. Both the English and Russian counterparts have eight common elements which are regarded as 'equivalents'; while six Russian words do not have any, and therefore, these were considered as 'transformations'. In this example, 'художника' and 'в галереях' are specifications, 'Заметили только сейчас' – meaning extension.

RESULTS AND DISCUSSION

It was found that the headlines in the target language are generally 19% longer than those in the source language. The average and median values correlate as 9:11, similarly to the mode values – 8:10. The maximum extremes provide some additional evidence – 15:19, though the minimums are equal – 4. The sum total of all words in the English vs Russian headlines are as follows: 1927/2375. The correlation in characters between the original and translated headlines is 12342/16684, or 74%. Consequently, the visual discrepancy in length between the English and Russian equivalents, on average, is more noticeable (Tb. 1).

Table 1

STATISTICAL DATA ON NEWS HEADLINES

Language	Indicators	Equivalent	Transformed	Total
English (N 212)	average	6.0	3.0	9.0.
	mode	5.0	4.0.	8.0.
	median	6.0	3.0.	9.0.
	max	11.0	10.0.	15.0.
	min	0.0	0.0.	4.0.
	st. dev.	2.18	2.38	1.79
	t-test (equiv. vs tranf.)	10.2 (relevant)		
Russian (N 212)	average	5. 0	6.0	11.0
	mode	6.0	4.0	10.0
	median	6.0	5.0	11.0
	max	11.0	17.0	19.0
	min	0.0	0.0	4.0
	st. dev.	2.13	3.45	3.22
	t-test (equiv. vs tranf.)	0.8 (irrelevant)		
$N_{(total)}$ 424	t-test (Eng. vs. Rus.)	1.1 (irrelevant)	8.0 (relevant)	8.1 (relevant)

The standard deviation shows that the material under analysis is statistically representative, the English statistics being more reliable (1.79) than Russian (3.22). The equivalent parts are less subject to variation (Eng. 2.18; Rus. 2.13) than the transformed (Eng. 2.38; Rus. 3.45). The transformations in the target language are more likely to vary in length, which becomes evident in the figures of the "total" standard deviation (Tb. 1).

The same difference of 13% (Eng. 62% vs Rus. 49%) is statistically irrelevant for the equivalent parts (t-test 1.1); however, it is relevant (Eng. 38% vs Rus. 51%) for the transformations (t-test 8), see Fig. 1. The findings testify to the fact that the equivalent parts in the news headlines under analysis have not only linguistic, but also statistical equivalence. Conversely, transformations are different both in deep semantic and numerical terms.

Due to linguistic asymmetry, the equivalent parts of the headlines that underwent transformations in the target language do not quantitatively coincide in the average values with those in the source language (Eng. 62% vs Rus. 49%). It can be inferred that the analytical structure of the English language is responsible for more functional words and auxiliary verbs (approximately 13%) than in the Russian language with the synthetic structure which is more compact, e.g. 'to be held into' (four words) are equivalent to 'проведет' (one word):

> ***Dawn Sturgess public inquiry to be held into Novichok death*** (10)[1] – Отравление "***Новичком***": Британия ***проведет общественное расследование смерти Дон Стерджесс*** (9). Another example: *The* ***Invisible Hand*** *of* ***Donald Trump*** (6) – ***Невидимая рука Дональда Трампа*** (4).

The headlines were further classified on the basis of their total length in the target vs source languages, and types of translation transformations. The overwhelming majority of the headlines under analysis did not have direct interlingual equivalents due to modulation, permutation, transposition, etc. However, some of them contained direct equivalents and were considered separately (see: Meaning extension, Semantic equivalents, and Omissions) (Fig. 2).

The findings show that over 60% contained more words due to specification and adaptation. In many cases, the English headlines were intentionally extended with the information from the article in order to make them more informative or sensational, e.g.:

> ***Prince Charles 'accepted a suitcase*** with 1 m euros', report claims (11) – 3 млн евро для ***принца Чарльза*** в ***чемоданах*** и сумках. Как наследник престола ***получал*** деньги на благотворительность от

[1] Hereinafter the figures in brackets after examples specify the number of words in the headlines.

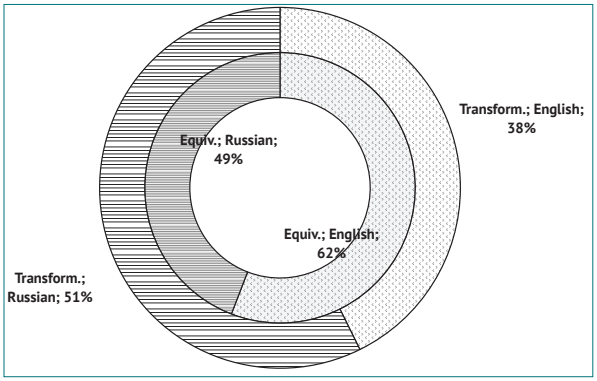


Figure 1. Proportions between equivalent and transformed language material in news headlines (average)

шейха (19); ***Ex-UK pilots lured*** to help Chinese ***military***, MoD says (9) – Китай ***переманивает британских отставных военных летчиков***. С этим хотят бороться законом об "иностранном влиянии" (14).

A separate group included examples in which all words from the original headlines had equivalents in the Russian translation and some more information was added from the article:

Ukraine war could last for years, warns Nato chief (9) **–** ***"На это могут уйти годы". Генсек НАТО предупредил,*** *что* ***война в Украине*** будет долгой; Британия готовится к наземным битвам (19); ***Beautiful Plumed Bird of Paradise*** (5) – ***Райские птицы****:* откуда у них такое ***завораживающее оперение****?* (8).

Omissions, on the contrary, were exceedingly rare:

British Prime Minister ***Liz Truss resigns*** (6) – ***Лиз Трасс уходит в отставку*** (5).

Complete semantic equivalents were also infrequent:

The Invisible Hand of Donald Trump (6) – ***Невидимая рука Дональда Трампа*** (4).

Only one headline had no direct equivalents as a result of substitution, meaning extension and generalization:

Black Death 700 years ago affects your health now (9) – Как чума сыграла (и продолжает играть) важную роль в эволюции человека (11).

The headlines with fewer words in the target language occurred as a result of generalization, interlingual asymmetry, cultural adaptation, or information omission:

T.rex gets Christmas jumper at Natural History ***Museum in London*** (10) – ***В музее Лондона тираннозавра нарядили в рождественский свитер*** (8) (generalizaiton); ***Ikea cuts sick pay for unvaccinated*** UK ***staff*** who are self-isolating (11) – ***IKEA сократит*** до минимума ***выплаты по больничным невакцинированным сотрудникам*** (9) (information omission).

A group of 18 headlines with equal length were a matter of chance rather than a trend:

Channel ***migrants: Emmanuel*** Macron and ***Boris Johnson*** clash over crisis (10) – "Дорогой ***Эммануэль***". ***Борис Джонсон*** разгневал Францию открытым письмом о ***мигрантах*** (10).

Transformations included a wide range of translation techniques and their combinations:

– substitution:

Zara and Mike Tindall ***lose*** *their* ***baby*** (7) **–** *Внучка королевы Елизаветы II* ***потеряла ребенка*** (6);

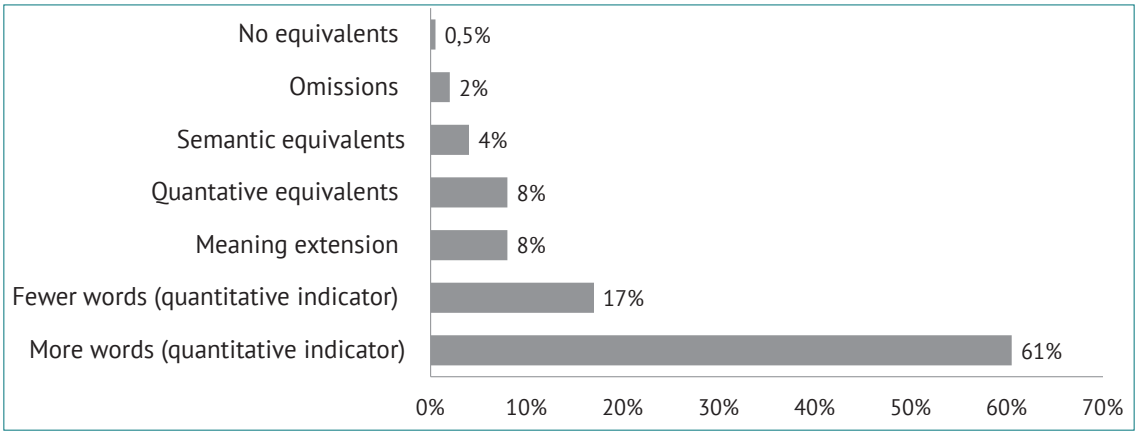


Figure 2. Characteristics of the headlines in the target language, as compared to the source language.

– omission, specification, and syntactic adaption:

Watch: The moment ***a sloth was saved*** *from* ***electrical wires*** (10) – ***Спасти ленивца***. Животное застряло в ***электропроводах*** (6);

– generalization and lexical transformations:

Colombia *cocaine* ***production*** acreage at '***record*** level' (7) – В ***Колумбии производство*** наркотиков достигло ***рекорда*** (6);

– substitution and specification:

Oak Fire: Emergency declared as wildfire rages near ***Yosemite*** National ***Park*** (11) – "***Дубовый пожар***" угрожает знаменитым древним секвойям в ***Йосемитском парке*** Калифорнии (10)

– holistic transformation:

Prince Charles test positive for Covid, Clarence House tok (9) – ***Принц Чарльз*** во второй раз заразился коронавирусом (7);

– **meaning extension** with some additional information from the article:

Prince Harry in legal fight to pay for ***UK police*** protection (11) **– *Принц Гарри через суд*** пытается вернуть ***полицейскую охрану в Британии***. Он готов оплачивать ее сам (15).

Translation strategies occur as a result of deep transformations at the cognitive level which generate units of meaning lying behind verbal structures. Headline as a unit of meaning creates a certain context which expands further on in article. Being the ultimate expression of article contents, headline finds expression through particular linguistic forms of the target language. The conducted analysis shows that, on average, only 50% of the original English units of language remain in the Russian headlines as a result of translation, which gives evidence of complex correlations between linguistic structures, cultural perceptions, and media standards.

CONCLUSION

Translation, aimed at maintaining equivalence in meaning between the source and target texts, has to comply with various principles which extend beyond the scope of interlingual asymmetry. Apart from interlingual equivalence, headline translation should be highly informative, appealing to the reader, culturally comprehensive, and meeting journalistic standards.

The findings show that structurally, the Russian headlines are shorter in the absence of auxiliary verbs and function words. However, the majority of the Russian translations have additional pieces of information that specify English political, cultural, or economic realities from the articles for achieving a similar perceptual effect for the Russian-speaking readership. Such additions extend the original English headlines. Generally, the equivalent parts of the headlines had more regular manifestations in the source and target languages in statistical terms, demonstrating a narrower range of dispersion, whereas transformations tended to be more variable. It can be concluded that the strategy for equivalence slightly prevails over transformations.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролов В. И. Определение и границы перевода: психолингвистический подход // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №4(833). С. 91–101.
2. Коровкина М. Е., Семенов А. Л. Инферирование и функциональный подход к тексту: на материале синхронного перевода // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. №2. С. 337–352. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-337-352
3. Шуверова Т. Д. Лингвовариативность как основа формирования переводческих компетенций // Актуальные проблемы коммуникации. Язык и перевод: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 16–19 апреля 2018 г. М.: МПГУ, 2019. С. 115–121.
4. Чистова Е. В. Модель экологичного управления когницией в цифровом переводоведении // Вестник Московского государственного университета. Серия 22: Теория перевода. 2021. №3. С. 46–59.
5. Barros Ch., Vicente M., Lloret E. To what extent does content selection affect surface realization in the context of headline generation? // Computer Speech and Language. 2021. Vol. 67. 101179. URL: https://doi.org/10.1016/j.csl.2020.101179

6. Altahmazi Th. H. M. Creating realities across languages and modalities: Multimodal recontextualization in the translation of online news reports // Discourse, Context and Media. 2020. Vol. 35. 100390. URL: https://doi.org/10.1016/j.dcm.2020.100390
7. Bielsa E. News translation: global or cosmopolitan connections? // Media, Culture and Society. 2016. Vol. 38 (2). P. 196–211. URL: https://doi.org/10.1177/0163443715613635
8. Guerrero M. J. H. The translation of multimedia news stories: Rewriting the digital narrative // Journalism. 2022. Vol. 23. Iss. 7. URL: https://doi.org/10.1177/14648849221074
9. Rahnemoon S. N., Ahangar A. A., Nourmohammadi E. Thematic structure and translation: A case study of the translation of English news into Persian // Lingua. 2017. Vol. 194. P. 26–50. URL: https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.05.003.
10. Кобцева А. Ю. Основные способы перевода заголовков статей иностранных СМИ с английского языка на русский // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2020. №6. С. 53–57.
11. Завьялова Ю. А. Функционирование трансформаций при переводе заголовков немецкоязычных статей онлайн-ресурса deutschland.de на русский язык // Litera. 2019. №2. С. 1–5.
12. Буянова Е. В., Шамина Н. В. Амплификация и компрессия текста и его названия как средство передачи информационной структуры // Russian Linguistic Bulletin. 2017. № 1 (9). С. 15–17.
13. Тимко Т. В. Стратегии экспликации и имплицирования при переводе заголовков статей СМИ с английского языка на русский // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2021. №1 (154). С. 203–208.
14. Калиущенко В. Д., Миткова Е. А. Перевод на русский язык англо- и немецкоязычных заголовков политических статей // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2017. Том 13. №1–2 (35–36). С. 150–159.
15. Волкова Т. А., Наливайко К. Ю. Перевод и адаптация научно-популярной статьи: эксперимент с разными коммуникативными заданиями // Язык и культура. 2022. № 58. С. 150–169. doi: 10.17223/19996195/58/9
16. Filyasova Yu. News headlines: a contrastive linguistic analysis // 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018: Conference proceedings, Vienna, March 19–21, 2018. P. 333–344. https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018H/31/S10.042.
17. Filyasova Yu. A., Selenkov A. A., Evseeva A. A. BBC news headlines' characteristics // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. Москва, 29–30 марта 2018 г. М.: РУДН, 2018. С. 335–342.

REFERENCES

1. Frolov, V. I. (2020). Definition and limits of translation from psycholinguistic perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(833), 91–101.
2. Korovkina, M. Y., Semenov, A. L. (2022). Inferencing and Functional Approach to Text: Based on Simultaneous Interpreting. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 13(2), 337–352. 10.22363/2313-2299-2022-13-2-337-352
3. Shuverova, T. D. (2019). Lingvovariativnost' kak osnova formirovaniya perevodcheskikh kompetencij = Linguovariability – the Basis of forming translator competences. Aktual'nye problemy kommunikacii. Jazyk i perevod (pp. 115–121): proceedings of I International scientific and practical conference. April 16–19, 2018. Moscow: MPSU.
4. Chistova, Ye.V. (2021). An eco-friendly model of cognitive management in digital translation studies. Moscow University Translation Studies Bulletin, 3, 46–59.
5. Barros, Ch., Vicente, M., Lloret, E. (2021). To what extent does content selection affect surface realization in the context of headline generation? Computer Speech & Language, 67, 101179. https://doi.org/10.1016/j.csl.2020.101179
6. Altahmazi, Th. H. M. (2020). Creating realities across languages and modalities: Multimodal recontextualization in the translation of online news reports. Discourse, Context & Media, 35, 100390. https://doi.org/10.1016/j.dcm.2020.100390.
7. Bielsa, E. (2016). News translation: global or cosmopolitan connections? Media, Culture & Society, 38(2), 196–211. https://doi.org/10.1177/0163443715613635
8. Guerrero, M. J. H. (2022). The translation of multimedia news stories: Rewriting the digital narrative. Journalism, 23(7). https://doi.org/10.1177/14648849221074

9. Rahnemoon, S. N., Ahangar, A. A., Nourmohammadi, E. (2017). Thematic structure and translation: A case study of the translation of English news into Persian. Lingua, 194, 26–50. https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.05.003.
10. Kobtseva, A.Yu. (2020). Osnovnye sposoby perevoda zagolovkov statej inostrannykh SMI s anglijskogo yazyka na russkij = The main techniques for translating headlines of foreign media articles from English into Russian. Languages and literature in a multicultural environment, Osnovnye sposoby perevoda zagolovkov statej inostrannyh SMI s anglijskogo jazyka na russkij. Jazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve, 6, 53–57.
11. Zavialova, I. (2019). Functions performed by transformations that appear in the process of translating German article headlines on deutschland.de to Russian. Litera, 2, 1–5.
12. Buyanova, E. V., Shamina, N. V. (2017). Amplification and compression of the text and its title as a means of conveying the information structure // Russian Linguistic Bulletin, 1(9), 15–17.
13. Timko, N.V. (2021). Strategies of explication and implication during the translation of the titles of the mass media articles from English into Russian. Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University, 1 (154), 203–208.
14. Kaliuščenko, V. D., Mitkova, Ye. A. (2017). Translating headlines of English and German political articles into Russian // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica, 13, 1–2(35–36), 150–159.
15. Volkova, T. A., Nalivaiko, K. Yu. (2022). Translation and adaptation of a popular science article: an experiment with different translation briefs. Language and Culture, 58, 150–169. doi: 10.17223/19996195/58/9
16. Filyasova, Yu. (2018). News headlines: a contrastive linguistic analysis. 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018 (pp. 333–344): Conference proceedings, Vienna. March 19–21, 2018. https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018H/31/S10.042.
17. Filyasova, Yu. A., Selenkov, A. A., Evseeva, A. A. (2018). BBC news headlines' characteristics. Language and Speech in the Internet: Personality, Society, Communication, and Culture (vol. 2; pp. 335–342): Proc. of II International scientific and practical conference. Moscow, March 29–30, 2018. Moscow: RUDN.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филясова Юлия Анатольевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры английской филологии и перевода
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filyasova Yulia Anatolyevna
PhD (Philology)
Associate Professor at the English Philology and Translation Department
Saint-Petersburg State University of Economics

Статья поступила в редакцию	16.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	08.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.111-311.8
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_137

История любви в восприятии поэта (Филип Ларкин и Уинифред Арнотт)

В. Н. Ганин

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vladgan99@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена творчеству британского поэта Филипа Ларкина. В центре внимания автора два стихотворения, в которых нашла отражение история отношений Ларкина с Уинифред Арнотт. При анализе «Строк, посвященных фотоальбому молодой леди» особый акцент делается на влиянии искусства фотографии на вербальный текст. В стихотворении «Девичья фамилия» прослеживается параллель с английской метафизической школой поэзии.

***Ключевые слова*:** Филип Ларкин, Уинифред Арнотт, современная британская поэзия, фотография и поэзия, метафизическая традиция, любовная лирика

***Для цитирования*:** Ганин В. Н. История любви в восприятии поэта (Филип Ларкин и Уинифред Арнотт) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 9 (877). С. 137–142. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_137

Original article

Poet's Impression of Love Story (Philip Larkin and Winifred Arnott)

Vladimir N. Ganin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vladgan99@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the poetry of the British author Philip Larkin. It focuses on two poems that depicted the story of his relations with Winifred Arnott. The analysis of the poem «Lines on a Young Lady's Photograph Album» shows influence of photography on the text. There is some similarity between the poem "Maiden Name" and the works of English metaphysical school of poetry.

***Keywords*:** Philip Larkin, Winifred Arnott, contemporary British poetry, photography and poetry, traditions of metaphysical poetry, lyrical love poetry

***For citation*:** Ganin, V. N. (2023). Poet's impression of love story (Philip Larkin and Winifred Arnott). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 137–142. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_137

ВВЕДЕНИЕ

Британскому поэту Филипу Ларкину еще при жизни суждено было обрести репутацию классика национальной литературы. Его произведения относительно рано стали активно включаться в школьную программу и программу английских колледжей. Вместе с тем его творческое наследие не отличается значительным объемом. За время своей литературной карьеры он опубликовал всего 4 небольших поэтических сборника: «The North Ship» (1945), «The Less Deceived» (1955), «The Whitsun Weddings» (1964), «High Windows» (1974). Получалось, что в среднем он сочинял по четыре стихотворения в год. Подобную творческую скупость Ларкин объяснял тем, что обращался к сочинению стихотворений только тогда, когда не мог не сочинять. Примечательно также, что в основу большинства его произведений ложились реальные жизненные события, тщательно обдуманные, прочувствованные, подвергшиеся основательной поэтической рефлексии.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Толчком к созданию стихотворений «Строки, посвященные фотоальбому молодой леди» («Lines on a Young Lady's Photograph Album») и «Девичья фамилия» («Maiden Name») стали отношения поэта с Уинифред Арнотт, молодой выпускницей дублинского университета Королевы, которая стала работать в той же библиотеке, что и Ларкин. (Ларкин всю свою жизнь проработал библиотекарем в различных университетах). Поэт подружился с новой сотрудницей, они вместе выезжали на велосипедные прогулки, ходили в кино, появлялись на вечеринках. Дальнейшему сближению препятствовали несколько консервативные взгляды девушки на отношения между полами. Следующий шаг, по ее представлению, предполагал брак, семейную жизнь, воспитание детей. Ларкина же институт брака пугал и вызывал внутреннее сопротивление. Сам он объяснял означенную позицию неприятными впечатлениями от семейной жизни его родителей.

В августе 1951 года Уинифред отправилась в Лондон на курсы библиотекарей, и здесь она обручилась с молодым человеком, который давно ухаживал за ней и казался ей более надежной партией. По возвращении Арнот объявила Ларкину, что их отношения должны освободиться от любых элементов флирта и принять отстраненно дружеский характер. Конечно, такое требование вызвало разочарование у Ларкина. Общение с Арнотт волновало его; несомненно, он испытывал к девушке сексуальное влечение и очевидно рассчитывал со временем стать ее любовником.

Однако невозможность связать себя узами брака принесла Ларкину и облегчение, не только досаду. Незадолго перед переездом в Дублин он пережил неприятный разрыв с Рут Боумен, с которой у него были довольно длительные отношения, и все же он сумел ускользнуть от брака.

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ И ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ

Исследователи творчества Ларкина называют различные произведения, которые могли бы послужить творческим ориентиром при создании «Строк, посвященных фотоальбому молодой леди». Лиз Крофт усматривает тематическое и структурное сходство данного стихотворения с известной «Одой греческой вазе» Джона Китса [Croft, 2019, с. 20]. В «Оде греческой вазе» место фотографий занимают изображения на керамическом сосуде. В обоих текстах, по мнению исследовательницы, можно выделить три части: «прославление», «отрицание» (отрицаются чувства, которые доминировали в первой части), «откровение» (происходит утверждение нового взгляда на тему произведения). В традиционной поэтике название этих частей в оде имеют такой вид: *apostrophe, strophe, epode*.

Дэвид Тиммс утверждает, что образцом для Ларкина послужило стихотворение Сесила Дэй-Льюиса (Day-Lewis, Cecil, 1904–1972) «Альбом» («Album») [Timms, 1973]. В нем также содержание открывается просмотром фотографий и заканчивается размышлением о том, как прошлое влияет на настоящее. Главное отличие стихотворения Дэй-Льюиса заключается в том, что изображения в альбоме побуждают его к анализу отношений с двумя женщинами. Первая появляется на фотографиях. Поэт когда-то ее любил. Наблюдая, как она меняется с возрастом, он испытывает желание предупредить ее о последней фотографии, где она предстанет совершенно иной, так как чувство, скреплявшее их, исчезнет. Однако последняя фотография отсутствует:

> One picture is missing –
> The last. It would show me a tree stripped bare
> By intemperate gales, her amazing
> Noonday of blossom spoilt which promised so fair
> (*Day-Lewis, 1992*).

Герой не впадает в отчаяние: утешением ему служит осознание того, что теперь он связан любовью с другой, образ которой не запечатлен на фотографиях, но поэт носит его в своей душе.

В стихотворении Ларкина рассматривание фотографий также становится поводом для размышлений лирического субъекта о прошлом в его связях с настоящим и будущим. И все же, в отличие от Дэй-Льюиса, он не пытается с помощью слов передать изображение, акцент делается на чувствах и мыслях, которые они порождают.

Из первой строфы мы узнаем, что герою пришлось приложить усилия, чтобы получить разрешение заглянуть в альбом:

> At last you yielded up the album, which Once open, sent me distracted (*Larkin, 1988*).

Ряд комментаторов уже в начальных строках обнаруживает сексуальную коннотацию и соответствующий настрой в восприятии фотографий лирическим субъектом. Стив Кларк усматривает в таком восприятии фотографий явное сходство с вуайеризмом: *My swivel eye hungers from pose to pose* [Clark, 1997]. Наличие чувственно-плотского начала в зрительной рецепции подчеркивается использованием гастрономических и пищевых образов:

> Too much confectionery, too rich: I choke on such nutritious images (*Larkin, 1988*).

Подобное начало заставляет вспомнить еще об одном биографическом факте, которой редко освещался в жизнеописаниях поэта, – об увлечении Ларкина порнографией. Сам он старательно скрывал это пристрастие и потребовал от адвоката, чтобы после его кончины все издания подобного рода, хранящиеся в его доме, были уничтожены. И все же близкие друзья были в курсе этого необычного увлечения Ларкина, и некоторые из них даже помогали пополнять коллекцию порнографическими журналами и фотографиями. Очевидно, особенности психики Ларкина были таковы, что его реальные сексуальные отношения с женщинами должны были подкрепляться разнообразными визуальными образами из интимной сферы.

Однако Ларкин не был бы «великим» Ларкиным, если бы он остался в пределах заданного первыми строками тематического диапазона и чувственной тональности. Накал сексуального влечения далее спадает, но интерес к героине, иногда прорывается всплесками ревности. Он враждебно воспринимает молодых людей, которые появляются в альбоме рядом с девушкой. Он видит в них соперников и дает им уничижительную оценку:

> …these disquieting chaps who loll
> At ease about your earlier days:
> Not quite your class, I'd say, dear, on the whole (*там же*).

После третьей строфы любовные переживания уходят на второй план. Связывая прошлое с настоящим, лирический субъект погружается в размышления о предназначении фотографии и о том, какую роль она играет.

Фотографию иногда называют самым реалистичным видом искусства. Поэт готов согласиться с этим:

> That this is a real girl in a real place,
> In every sense empirically true! (*там же*)

Однако именно из-за этой способности правдиво копировать окружающий мир он не соглашается воспринимать фотографию как полноценное искусство:

> But o, photography! as no art is,
> Faithful and disappointing! (*там же*)

Верность (*faithful*) оригиналу как раз и является причиной разочарования (*disappointing*).

Ларкину пришлось жить в эпоху, еще не знавшую фотошопа. Поэтому фотограф не в силах устранить недостатки присущие исходному объекту, придать ему большую идеальность и романтичность. Фальшивые улыбки или унылый прозаичный фон сохраняют эти качества

> that records
> Dull days as dull, and hold-it smiles as frauds,
> And will not censor blemishes
> Like washing-lines, and Hall' s-Distemper boards…
> (*Larkin, 1988*).

Эндрю Моушен, автор классической биографии Ларкина, заметил по поводу этого стихотворения: «Привлекательность и успех фотографии, говорится в стихотворении, обусловлены воспроизведением “реальных” людей в “реальном” месте, а также тем, что они “во всех смыслах эмпирически правдивы”. Но именно эти причины не позволяют Ларкину наделить их статусом “искусства”, которое, предполагает он, дает возможность нашему воображению свободно преображать картину» [Motion, 1997, с. 53].

Впрочем, фотодело вообще и фотографии Уинфред в частности не являются центральной темой «Строк, посвященных фотоальбому молодой леди», скорее их можно считать отклонением от главного предмета. Основное же внимание автора сосредоточено на переживаниях героя, которые были порождены альбомом. Как проницательно уловил

Дэвид Тиммз, «Ларкин воссоздает не сами фотографии, а впечатления от разглядывания фотографий в присутствии молодой леди» [Timms, 1973, с. 77].

Что же преобладает во впечатлениях лирического субъекта? Он понимает, что поток времени непрерывен, но зафиксированный на снимке камеры фрагмент прошлого иногда воздействует на нас сильнее, чем увиденное в настоящем. Сведенное в миниатюру прошлое становится «более ясным» (*clearer*) и более притягательным. Однако ностальгия, которую мы испытываем, осознавая, что нам никогда не вернуть прошедших дней, может сопровождаться и болью:

Those flowers, that gate,
These misty parks and motors, lacerate
Simply by being over… (*Larkin, 1988*).

Примечательно, что из деталей, составлявших обстановку съемки, взгляд героя выбирает наиболее романтичные. Он также переживает и мучительное чувство из-за того, что девушка, которую он узнал недавно, совсем не такая, какой была когда-то:

you
Contract my heart by looking out of date (там же).

Выражение *out of date* очень сложно перевести, опираясь только на значения, приведенные в словарных статьях. В данном случае имеется в виду, что девушка теперь обитает вне времени и пространства, в которых она была запечатлена на фотографиях, и лирическому субъекту никогда не удастся познакомиться с той, из прошлого. Это обстоятельство заставляет мучительно сжиматься его сердце.

В следующей строфе поэт развивает эту мысль:

…but in the end, surely, we cry
Not only at exclusion, but because
It leaves us free to cry. We know what was
Won't call on us to justify
Our grief (*там же)*.

И дело не только в том, что мы не можем вернуться в прошлое, но также в том, что наша печаль никак не затрагивает тех, кто находится там. Нам осталась только «свобода оплакивать» (*free to cry*), потому что прошлое (*what was*) никогда не явится к нам, чтобы объяснить, почему мы чувствуем то, что чувствуем (*Our grief*).

Вместе с тем, осознание непреодолимости временной дистанции между прошлым и настоящим (она подчеркивается строками – *however hard we yowl across // The gap from eye to page* – и переносом второй части в следующую строфу) служит и утешением лирическому субъекту. Он осознает, что девушка на фотографиях не только не изменится с течением времени, но станет еще чище и прозрачнее (*clearer*). Это открытие помогает герою примириться с настоящим и с ситуацией разрыва со своей возлюбленной.

В целом, содержание стихотворения отличает стремление к упрощению лексики, эта тенденция была характерна для большей части поэтических произведений «Движения»[1], к которому примыкал и Ларкин. Текст состоит из девять строф, в каждой из которых пять строк (квинтет) и повторяющаяся схема рифмовки *abbab*. Пятистопный ямб составляет ритмическую основу, но он лишен жесткости и отличается по количеству стоп в разных строках. Такой ритм, а также активное использование переноса (*enjambment*) и пауз (*caesura*), придают стихотворению видимость свободного монолога, где преобладают разговорные интонации.

«ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ» КАК МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Стихотворение «Девичья фамилия» («Maiden Name») также посвящено Уинифред Арнотт. Оно было завершено в 1955 году после ее официального бракосочетания, которое произошло в конце 1954 года. Позднее в интервью (1981) Ларкин объяснил, что «Девичья фамилия» «описывает шок, который мы испытываем, когда впервые сталкиваемся с новой фамилией женщины, хорошо нам знакомой в прошлом» [A Concordance to the Poetry of Philip Larkin, 1995, с. 58].

Ларкин обращается к более редкому виду строфы: семистишию (септима) с рифмовкой *abbacca* и пятистопным ямбом, уже не столь раскованным, как в предыдущем стихотворении. Все это придает содержанию более размеренный, медитативный характер. Автор размышляет над довольно парадоксальной идеей, что личность девушки меняется, когда прошлое становится настоящим. Лиз Крофт усмотрела в стихотворении сходство с произведениями Джона Донна, главы английской метафизической школы поэзии XVII столетия [Croft, 2019]. Содержание подобных сочинений формируется вокруг парадоксального образа, концепта (*conceit*). Концепт обычно получает развитие в основной части текста и неожиданное разрешение в концовке.

В первой строфе поэт вводит главный концепт – девичья фамилия не просто условный ярлык,

[1] Поэтическая школа, которая возникла в Великобритании в начале 50-х. «Движение» стало своеобразной реакцией на модернистскую традицию. В противовес модернизму новая школа стремится к более ясному и простому стилю.

прикрепленный к героине, она выступает символом той юной девушки, с которой он когда-то познакомился. Теперь же эта фамилия, вышла из употребления (*disused*), как старая одежда, от которой решили избавиться за ненадобностью. «Пять легких слогов» (именно столько составляли имя и прежнюю фамилию Уинифред) больше не представляют юную знакомую поэта. Именно брак (*law*) переместил героиню из одного состояния в другое. Автор сравнивает это событие с лингвистическим процессом:

> you cannot be
> Semantically the same as that young beauty:
> It was of her that these two words were used
> (*Larkin, 1988*).

Во второй строфе эта идея получает развитие. Имя лишилось обладателя, стало бесхозным и существует только в виде букв на бумаге; например, в старых программах, школьных грамотах, письмах, которые он получал когда-то от девушки. Тогда за этими буквами было ее лицо, ее голос. Однако поэт не может согласиться, что это имя стало пустым звуком, за которым нет ничего. Оно по-прежнему обладает значимостью и ценностью, но только, когда его воспринимают в тесной связи с прошлым:

> Try whispering it slowly.
> No, it means you. Or, since you're past and gone,
> It means what we feel now about you then:
> How beautiful you were, and near, and young (*там же*).

Примечательно, что в последней строке второй строфы после заявления о том, что девичья фамилия не утратила для него смысла, автор делает паузу. Видимо, сочтя, что краткого утверждения недостаточно, он, словно поколебавшись, развивает высказанную идею и переносит аргументацию в последнюю строфу, чтобы придать ей бóльшую весомость и убедительность.

В концовке стихотворения обнаруживается перекличка со «Строками, посвященными фотоальбому молодой леди». Если в первом тексте фотографии уподобляются небесам (*It holds you like a heaven*), сохраняющим ее молодость и красоту, то во втором – роль небес переходит «старой фамилии» (*old name*), поэт называет ее убежищем (*shelter*), которое помогает удержать воспоминания о юной Уинифред. Здесь они в безопасности и защищены от разрушительного влияния времени. Непреодолимая временная дистанция и неизменность его чувств в отношении того, что было между ними когда-то, помогут сохранить в неприкосновенности «первые несколько светлых дней» (*Those first few days, unfingermarked*) от новых жизненных обстоятельств, связанных, в первую очередь, с замужеством героини.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2015 году в Вестминстерском Аббатстве в так называемом «уголке поэтов» в пол была вмонтирована небольшая мемориальная плита, посвященная Филипу Ларкину. На ней поместились и две поэтические строки:

> Our almost-instinct almost true:
> What will survive of us is love (*Larkin, 1988*).

Это цитата из стихотворения Ларкина «Могила Арунделей» (An Arundel Tomb). Она подтверждает, что Ларкин, завзятый холостяк, иногда позволявший нелестные высказывания в адрес женщин, понимал, какое важное место занимает любовь в жизни человека и не мог обойти вниманием эту тему в своем творчестве. Стихотворения «Строки, посвященные фотоальбому молодой леди» и «Девичья фамилия» демонстрируют, что описание любовного переживания в них не является плодом поэтического воображения, а опирается на жизненный опыт. Сам диапазон этих переживаний весьма широк – от плотского влечения до духовного томления, и поэт умело связывает их с серьезными размышлениями о важных проблемах человеческого существования. Впрочем, гармоничное соединение суетного и вечного, низкого и высокого – отличительная черта поэтического таланта Филипа Ларкина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Croft L. The Movement Poet: Philip Larkin – "The Less Deceived". L.: Independently Publ., 2019.
2. Timms D. Philip Larkin. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1973.
3. Clark St. 'Get out as Early as You Can': Larkin's Sexual Politics // Philip Larkin / ed. by Stephen Regan. L.: Macmillan Press, 1997. P. 94–134.
4. Motion A. Larkin and Symbolism // Philip Larkin / ed. by St. Regan. L.: Macmillan Press, 1997. P. 32–54.
5. A Concordance to the Poetry of Philip Larkin / ed. by R. Watt. N.Y.: Olms-Weidmann, 1995.

REFERENCES

1. Croft, L. (2019). The Movement Poet: Philip Larkin – "The Less Deceived". London: Independently Publ.
2. Timms, D. (1973). Philip Larkin. Edinburgh: Oliver and Boyd.
3. Clark, St. (1997). 'Get out as Early as You Can': Larkin's Sexual Politics. In Regan, St. (ed.), Philip Larkin (pp. 94–134). London: Macmillan Press.
4. Motion, A. (1997). Larkin and Symbolism. In Regan, St. (ed.), Philip Larkin (pp. 32–54). London: Macmillan Press.
5. Watt, R. (Ed.). (1995). A Concordance to the Poetry of Philip Larkin. N.Y.: Olms-Weidmann.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ганин Владимир Николаевич
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
профессор кафедры всемирной литературы
Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ganin Vladimir Nikolaevich
Doctor of Philology (Dr. habil), Professor
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
Professor at the Department of World Literature, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию	25.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_143

Художественное пространство и герой, его организующий, в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин»

О. С. Крюкова[1], М. Б. Раренко[2]

[1]*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, florin2002@yandex.ru*
[2]*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Россия rarenco@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются приемы воссоздания художественного пространства и времени в новом романе известного современного российского писателя Е. Г. Водолазкина «Чагин» (2022). В центре романа – судьба выдающегося мнемониста Исидора Чагина, человека во многом противоречивого, чья жизнь пришлась на непростой период истории страны. Пространственно-временные отношения в романе выстраиваются вокруг главного героя, постепенно затягивая в них повествователя – молодого архивного работника Мещерского.

Ключевые слова: Е. Г. Водолазкин, «Чагин», художественное пространство, время, современная художественная русскоязычная проза

Для цитирования: Крюкова О. С., Раренко М. Б. Художественное пространство и герой, его организующий, в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 143–148. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_143

Original article

The Space in the Novel by E. G. Vodolazkin “Chagin” and the Character Who Organizes It

Olga S. Kryukova[1], Maria B. Rarenko[2]

[1]*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, florin2002@yandex.ru*
[2]*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia rarenco@rambler.ru*

Abstract. The article discusses the techniques of modelling of artistic space and time in the new novel by the famous modern Russian writer E. G. Vodolazkin “Chagin” (2022). In the center of the novel is the fate of the outstanding mnemonist Isidor Chagin, whose personality in many ways is contradictory and whose life period falls on a difficult period in the history of the country. The spatial-temporal relations in the novel are built around the main character, gradually dragging the narrator – the young archive worker Meshchersky into them.

Keywords: E. G. Vodolazkin, «Chagin», art space, time, modern Russian-language prose

For citation: Kryukova, O. S., Rarenko, M. B. (2023). The space in the novel by E. G. Vodolazkin “Chagin”and the character who organizes it. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (877), 143–148. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_143

ВВЕДЕНИЕ

Каждая эпоха рождает, как известно, своего героя, который отвечает ее запросам и требованиям. Будучи социальным институтом, художественная литература (более подробно см.: [Гудков, Дубин, 2020]), моделирует реальность, представляя ее в виде художественного образа. «Герой эпохи»» также подвергается художественному переосмыслению.

В новом романе «Чагин» (2022) популярного современного писателя Е. Г. Водолазкина (более подробно о творчестве писателя см.: [Неклюдова, 2015; Николина, Петрова, 2019; Рощина, 2020; Гримова, 2020; Жулькова, 2021; Гримова, Хаминова, 2021]) представлен герой своей эпохи. Чагин – во многом очень противоречивая личность, что, впрочем, не удивительно, поскольку его жизнь приходится на столь же противоречивый период истории России. В то же самое время не будет преувеличением утверждать, что в фокусе внимания автора романа «Чагин» – история страны, «уместившаяся» в историю жизни отдельно взятого ее представителя. Чагин уникален, и в то же самое время он вполне укладывается в рамки своего времени. Его уникальность заключается в его необыкновенном даре – удивительной способности запоминать с первого раза огромные фрагменты текста, как письменного, так и устного. С некоторой натяжкой героя можно назвать творческой личностью, так как означенная ментальная особенность выделяет его из массы обыкновенных людей, не обладающих подобными сверхспособностями. «Феноменальные способности становятся для героя тяжким испытанием, ведь Чагин лишен простой человеческой радости – забывать. Всё, к чему он ни прикасается, становится для него в буквальном смысле незабываемым», – подчеркивается в аннотации к роману [Водолазкин, 2022, с. 4]. Личностные качества Чагина находятся в диапазоне от наивности до самоуничижения, что также свидетельствует о его крайней психологической лабильности.

По мнению литературного критика Михаила Пророкова, герой принадлежит «к излюбленному Водолазкиным человеческому типу, оставаясь с юности до преклонных лет тихим, незлобивым и чудаковатым» [Пророков, 2022, с. 11]. От себя добавим, что иногда его поведение не поддается никакому пониманию, противоречит здравому смыслу, удивляет своей искренностью и наивностью.

Несмотря на то, что в название романа вынесено имя только мнемониста Чагина, в нем два героя и две истории жизни – самого Исидора Чагина и повествователя по фамилии Мещерский. Вторая история подчинена первой в том смысле, что читатель узнает о жизни Чагина, какой она предстает в призме восприятия молодого сотрудника архива. Ему поручено разбирать бумаги почившего архивиста. Разбирая бумаги усопшего, архивист рассказывает о событиях своей жизни того времени. Многие события и обстоятельства жизни повествователя в своей совокупности причудливо связаны с судьбой главного героя. В судьбах двух героев – Исидора Чагина и Павла Мещерского, как это часто бывает в романах Е. Г. Водолазкина (см. например, романы «Соловьев и Ларионов» (2009), «Лавр» (2012), «Авиатор» (2016) и др.), нетрудно увидеть совпадения, которые превращают чтение в увлекательный процесс разгадывания авторских хитросплетений и антитез. Они побуждают читателя задуматься над тем, насколько течение жизни может быть непредсказуемым, насколько крутыми могут быть повороты судьбы.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА

Композиционно роман разделен на четыре части: «Дневник Чагина», «Операция “Биг-Бен”», «Незабываемое», «Лета и Эвноя», названные весьма условно и относящиеся к определенным событиям в жизни Исидора Чагина. Самая объемная часть романа – «Дневник Чагина», и в буквальном смысле, и по тому количеству информации, которую узнает читатель, о жизни Чагина и о жизни повествователя.

Части романа, по мнению Михаила Пророкова, «представляют четыре периода в жизни героя, четыре его ипостаси; при желании их можно было бы назвать «Адепт», «Агент», «Актер», «Архивист». В первой и последней рассказывается трагическая история любви, предательства, утраты и нового обретения. Вторая и третья разительно отличаются от них не только сюжетом, но и жанром: одна походит на шпионский сериал, другая – на латиноамериканскую мелодраму» [Пророков, 2022, с. 11]. Каждой из частей присущи свои стилистические особенности, свой язык, свой тип повествования.

Художественное пространство романа организуется вокруг главного героя, постепенно затягивая в себя архивного работника Мещерского. Судьбы Чагина и Мещерского формально объединяет образ Ники – девушки, волею судьбы однажды оказавшейся на чердаке дома на Пушкинской улице, в котором проживал мнемонист, а затем поселился повествователь, получивший задание разобрать архив покойного, а затем в самой квартире.

В первой части повествование ведется от третьего лица. Дневник покойного Чагина оказывается в руках Мещерского. Дневник исчез, и повествователь был последним, кто его видел. С этого

полудетективного вступления и начинается собственно роман.

События первой части романа происходят в Ленинграде, где учился, а затем и работал заглавный герой. Топография Ленинграда описана довольно подробно. В романе поэтапно отображены: Князь-Владимирский собор, где Чагина отпевали; Пушкинская улица, где находилась квартира мнемониста; 7-я линия Васильевского острова, где жил профессор Спицын; угол Среднего проспекта и 2-й линии, где жил Николай Иванович; гостиница «Европейская», где проходила встреча Чагина с Николаями и многие другие ленинградские локации, отражающие передвижения героя по городу и описанные в его дневнике. Отметим, что «события» жизни Чагина для читателя разворачиваются как бы в «обратном порядке». Многочисленные географические «метки» дополняются фотографиями героя, сделанными в узнаваемых по заметным деталям ленинградских локациях (например, снимок на Аничковом мосту). При таком детальном, почти протокольном описании нынешнего Петербурга, тогдашнего Ленинграда неизбежно возникают и пространственные оппозиции.

Пространственная оппозиция «столица – провинция», типичная для русской литературы, реализуется в противопоставлении Ленинграда Иркутску. Иркутск – это город потенциального распределения Чагина после окончания университета, а также город вымышленной биографии героя; она написана в лучших традициях советского шпионского романа 1950-х годов.

Кульминацией чаепития стал вопрос ректора:

> – Исидор, друг мой, куда вас распределили?
> – В Иркутск.
> Его собеседники покачали головами: далековато…
> И тогда Николай Петрович… бархатным своим голосом спросил:
> – А вы бы хотели остаться в Ленинграде? [Водолазкин, 2022, с. 42].

Распределение в Ленинград и квартирка в центре становятся для героя теми «тридцатью сребрениками», которыми будут оплачены его специфические услуги людям, занимающимся безопасностью «библиотек».

Пространственная оппозиция «столица-провинция» реализуется также в противопоставлении Ленинграда (Петербурга) Тотьме, где умер Чагин и куда ездил повествователь вместе с Никой. Тотьма описана более подробно, чем Иркутск и появляется в разных частях повествования.

В романе есть еще одно географическое противопоставление Петербурга Сольвычегодску и Соликамску. Из Сольвычегодска родом Ника – героиня любовной истории повествователя Мещерского. В романе присутствуют две параллельные любовные линии: отношения Ники и Мещерского, Исидора и Веры. Последнее противопоставление актуализирует сестра повествователя Маргарита, которая иронизирует над провинциальным происхождением Ники во время визита влюбленных к родителям повествователя.

Пространственная оппозиция Москва – Ленинград реализуется в непродолжительных поездках Чагина в Москву – в детстве, с матерью, и затем с Верой.

В романе прослеживается и такая традиционная литературная оппозиция, как «Север – Юг». Север представлен сразу несколькими географическими объектами – Тотьмой, Иркутском, деревней на Севере, где был в археографической экспедиции Павел-повествователь, а также Казахстаном (условным Севером), где отбывал наказание Вельский и куда однажды устремился Чагин; Юг же – Крымом: Алупкой, где Чагин был с матерью в детстве, и Ялтой 1966 года в воспоминаниях Веры. Воспоминание о Крыме приходит к Исидору во сне в третьей части; оно вызвано якобы песком, на котором герою пришлось лежать в библиотечном ящике.

Пространственная оппозиция «Россия – заграница» реализуется во второй части романа – «Операция “Биг-Бен”». И хотя вся эта операция является плодом фантазии одного из Николаев («– А что это вы за операцию «Биг-Бен» выдумали? Главврач вашу тетрадку сфотографировал и послал в компетентные органы» [Водолазкин, 2022, с. 235]), читатель вначале воспринимает ее как реальную, поскольку каноны шпионского романа в третьей части вполне соблюдены. Чагин официально летит в Лондон в составе студенческой делегации, а потом довольно убедительно внедряется в библиотеку Британского музея с целью, поставленной руководством: возвращение Синайского кодекса. Описаний собственно Лондона в этой части немного. Чагин останавливается с группой студентов и присматривающих за ними в студенческом общежитии, в лучших шпионских традициях бежит через форточку туалета, проходит допрос для предоставления политического убежища и устраивается на работу в библиотеку. Для прогулок по Лондону Исидор выбирает лиминальное место – кладбище, где похоронен Даниель Дефо, и потом, в отчете, сопоставляет это кладбище со Смоленским в Петербурге (Ленинграде): «В конце присланной шифровки следует краткое сравнение Банхилл Филдс Бериал Граунд со Смоленским кладбищем. Сопоставляя чувства, нахлынувшие на него на двух указанных объектах, Исидор высказывается не

в пользу английского захоронения» [Водолазкин, 2022, с. 191].

Сопоставления Ленинграда (Петербурга) и Лондона предусмотрены в соответствующем задании куратора Чагина. Для сравнения Исидор выбирает Александровскую колонну на Дворцовой площади и Нельсоновскую колонну на Трафальгарской площади. Более живое и интересное описание Чагин, по мнению куратора, оставил о реках: Темзе, Неве и Ангаре: «Водовороты у опор мостов. Пусть в Неве они и мощнее, но вращение воды осуществляется по тем же физическим законам. И в Лондоне, и в Ленинграде голова следящего за водоворотами начинает кружиться. <…> Однако же самые сильные водовороты встречаются на Ангаре – реке полноводной и быстротекущей» [Водолазкин, 2022, с. 205]. В оптике шпионских приключений сходств между Лондоном и Ленинградом оказывается больше, нежели различий. И в этой же части, в связи с новым допросом Чагина, вновь возникает иркутская тема: Исидор вновь излагает свою иркутскую легенду, пытаясь воспроизвести новые подробности и несколько запутываясь в своей, вымышленной и чужой биографиях (в качестве чужой в показаниях Чагина фигурирует биография куратора). Как и подобает настоящему шпиону, Чагин спасается от допрашивающего его Барлоу побегом по крыше. Герой через окно попадает на файв-о-клок в почтенное английское семейство и тем самым травестирует английский этностереотип. Еще одним этностереотипом является двухэтажный лондонский автобус – даблдекер, который неизбежно появляется в повествовании. На нем Чагин элегантно скрывается от преследователя. Собственно, описания «реального» Лондона в романе нарочито нет. Все «лондонские» локации, представленные в романе, хорошо «известны» читателю по отечественным учебникам английского языка для общеобразовательной школы.

В третьей части, где рассказывается о том, как Чагин пробует себя на артистическом поприще, события вновь разворачиваются в Ленинграде. Исчерпав себя в эстрадной деятельности и демонстрации своих суперспособностей, Исидор устраивается в архив, где ему выделили изолированное помещение. Стремление героя к уединению и архивной деятельности личностно симптоматично. Напрашивается параллель Чагина с героем рассказа Чехова «Человек в футляре», для которого древние языки были способом скрыться от пугающей его современности. Чеховские реминисценции вполне допустимы, особенно в контексте многочисленных упоминаний чеховской пьесы «Вишневый сад», которую разыгрывали в домашней обстановке повествователь третьей части, Спицын и Чагин. Как и другие романы Е. Г. Водолазкина, «Чагин» изобилует «филологическими» реминисценциями.

В четвертой части, которая представляет собой отрывок из эпистолярного романа, в жизни заглавного героя вновь появляется Вера Мельникова, но уже в ипостаси обитательницы дома престарелых. Герой снимает дачу в писательском поселке Комарово, и эта новая локация в романе влечет за собой не только возрождение былых чувств, но и появление литературно-биографических ассоциаций с обитателями этого поселка.

Итак, пространственные оппозиции романа отражают базовые представления героев о географическом пространстве. По воле автора их жизнь осложняется вымышленной поездкой Чагина в Лондон, с одной стороны, и параллельной основной сюжетной линии историей Шлимана – с другой, что расширяет временные и пространственные границы романа. Центром чагинского мира предстает Ленинград – Петербург – Петроград и, в поэтическом употреблении, – Петрополь, который упоминается в чагинской поэме «Одиссей». Появление в романе героя древнегреческого мифа проясняет мечту Исидора о странствиях, которые, в сравнении со странствиями реального Одиссея, весьма скромны. Взаимное несоответствие мечты и реальности объясняется спецификой исторической эпохи, в которой суждено жить герою романа.

ГЕРОЙ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА В РОМАНЕ

Жизнь заглавного героя ограничена годами, выбитыми на могильной плите: 1940–2018, о чем читатель узнает на второй странице романа. Собственно, с фразы «Исидор Чагин, архивист (1940–2018)» начинается повествование о необыкновенной жизни Исидора Чагина, уроженца Иркутска. Основному тексту романа предшествует коротенькое вступление повествователя, заключающее в себе интригу о пропавшем Дневнике покойного «выдающегося мнемониста», которого «забыли» [Водолазкин, 2022, с. 9].

Первая запись Дневника, который ведет Чагин, не пропуская ни дня, описывая самые, казалось бы, незначительные события жизни (поскольку «память лишь воспроизводит события, а Дневник их осмысливает» [Водолазкни, 2022, с. 21]), датируется 1 января 1957 года, т. е. Исидору было 17 лет. Дневник Чагина – своеобразная летопись эпохи: что ели, что носили, как развлекались, как праздновали Новый год, о чем думали и о чем мечтали и пр.

Основные события первой части происходят, вероятно, в первой половине 1960-х годов, в период, последующий обучению героя в университете. На одном из заседаний Шлимановского кружка Вельский делает сообщение о злободневных событиях внутриполитической жизни и рассказывает о волнениях в Новочеркасске, относящихся к 1962 году. Очевидно, что доклад был сделан позднее.

Других прямых временных подсказок в романе довольно мало. 21 апреля (год не обозначен) профессору Спицыну, исследователю памяти, исполнилось бы 90 лет. В четвертой, эпистолярной части, письма датированы (в них указаны день и месяц), и переписка продолжается с 15 марта по 28 апреля опять же необозначенного года. Внутри переписки Ники и Павла возникают даты из прошлого Веры и Исидора: Ялта, 1966-й, и Крутобайкальская железная дорога, 1967-й. В 2016 году Чагин, по свидетельству рассказчика из третьей части романа, исчез окончательно. Из четвертой части становится очевидно, что с 2016 по 2018 год, т. е. до самой смерти Чагин жил в Тотьме.

Однако за скудными цифрами, указывающими на значимые вехи в жизни героя, в романе проступает реальная историческая эпоха, с ее шпиономанией, арестами инакомыслящих, вниманием к безопасности «библиотек», распределением после окончания вуза. Со временем Исидор убеждается в том, что все это преходяще, а вот история Шлимана подлинна, на века, это хрупкий мостик из непростого времени в вечность. Устами повествователя второй части Николая Ивановича автор высказывает свою точку зрения на философию времени: «Если отвлечься от мимотекущего времени и сосредоточиться на вечности, то события – *всегда*. Они существуют вне времени. Лежат, словно на складе, – серые или, скорее, лишенные цвета. Когда же приходит некий человек и делает свой выбор, они наливаются жизнью и цветом. Только так и можно примирить свободу человеческого выбора и всеведение Господа. При таком понимании дел одно другому не мешает» [Водолазкин, 2022, с. 236].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно авторскому замыслу, роман держит читателя в постоянном напряжении. Способность автора удерживать внимание читателя влечет за собой неожиданное сближение «Чагина» с образцами массовой литературы. Всеобщее увлечение «шпионскими коллизиями» представляет собой несомненный признак описанной эпохи, в которой дано существовать и действовать заглавному герою. На роль типичного героя времени Чагин претендовать не может в силу как исключительных мнемонических данных, так и особой чувственности, свойственной многим творческим личностям. Указанные качества Чагина выделяют его из окружающей среды. Чагин не типичен. Типичны для эпохи скорее Николай Петрович и Николай Иванович, своеобразные «наставники» Чагина. Однако сама по себе история «эксплуатации» мнемонического дара вполне отвечает духу эпохи, изображенной в романе. Пытаясь найти свое место в мире, Исидор Чагин последовательно меняет профессии, приобретая новые социальные статусы и примеривая на себя различные маски. Однако гармонии с самим собой он достигает только в одиночестве. Не случайно в конце концов он обретает себя в роли архивиста. И уходит из мира тоже в одиночестве: «Уход его прошел незамеченным, как то и подобает архивисту… Всякому роду занятий – своя жизнь и своя смерть» [Водолазкин, 2022, с. 10–11].

Чудесный дар оказывается свойством изгнанника, проклятьем судьбы. Перемещения героя в реальном и вымышленном пространстве отражают его душевные терзания. Они вызваны необходимостью сотрудничества с Николаями, с одной стороны, и искренним чувством к Вере, не приемлющей предательства, – с другой. Жизненная история Чагина становится еще одним выразительным штрихом к концепции личности, воплощенной в романах Е. Г. Водолазкина. Его привлекают герои, противопоставленные обществу, мучительно ищущие свой путь и свое место в мире, наделенные уникальными способностями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
2. Неклюдова О. А. «Лавр» Евгения Водолазкина как неомифологический роман // Мифологические образы в литературе и искусстве. Сер. «‘Вечные’ сюжеты и образы». М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2015. С. 318–327.
3. Николина Н. А., Петрова З. Ю. Семантика заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор» // Русская речь. 2019. № 6. С. 82–91.
4. Рощина О. С. Нарратор в романе Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 192–198.
5. Гримова О. А. Особенности повествовательной структуры в романе Е. Водолазкина «Брисбен» // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 239–247.

6. Жулькова К. А. Роман Е. Г. Водолазкина «Брисбен»: Особенности поэтики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2021. № 3. С. 167–178.
7. Гримова О. А., Хаминова А. Н. Особенности системы повествования в романе Е. Г. Водолазкина «Оправдание острова» // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 247–249.
8. Водолазкин Е. Г. Чагин. М.: Издательство АСТ, 2022.
9. Пророков М. Чагин, чудо памяти // Газета «Коммерсантъ». 31.10.2022. №202. С. 11. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5644800

REFERENCES

1. Gudkov, L., Dubin, B. (2020). Literatura kak social'nyj institut = Literature as a social institution. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Nekljudova, O. A. (2015). "Lavr" Evgenija Vodolazkina kak neomifologicheskij roman = "Laurel" by Evgeny Vodolazkin as a neo-mythological novel. Mifologicheskie obrazy v literature i iskusstve. Ser. "'Vechnye' sjuzhety i obrazy". Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian academy of Sciences. Moscow. P. 318–327.
3. Nikolina, N. A., Petrova, Z. Ju. (2019). The semantics of the novel title "Aviator" by E. Vodolazkin. Russian Speech, 6, 82–91.
4. Roshchina, O. S. (2020). Narrator in the novel by E. Vodolazkin "Soloviev and Larionov". Siberian Journal of Philology, 1, 192–198.
5. Grimova, O. A. (2020). Narrative structure of E. G. Vodolazkin's novel "Brisbane". The New Philological Bulletin, 4 (55), 239–247.
6. Zhul'kova, K. A. (2021). E. G. Vodolazkin's novel "Brisbane": features of poetics. Social and humanities. Domestic and foreign literature. Seria 7: literature studies, 3, 167–178.
7. Grimova, O. A., Haminova, A. N. (2021), Osobennosti sistemy povestvovatelej v romane E. G. Vodolazkina "Opravdanie ostrova" = Features of the system of narrators in the novel by E.G. Vodolazkin "Justification of the Island". Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii: teorija, praktika, perspektivy razvitija (pp. 247–249): Proceedings of the VIth International scientific practical conference. Krasnodar: Kubanskij Gosudarstvennyj universitet.
8. Vodolazkin, E. G. (2021). Chagin = Chagin. Moscow: AST Publishers.
9. Prorokov, M. (2022). Chagin, chudo pamjati = Chagin, miracle of memory. Gazeta «Kommersant#», 202, 11. https://www.kommersant.ru/doc/5644800

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крюкова Ольга Сергеевна

доктор филологических наук,
заведующий кафедрой словесных искусств факультета искусств
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kryukova Olga Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil),
Head of the Verbal Arts Department at the Faculty of Arts
Lomonosov Moscow State University

Rarenko Maria Borisovna

PhD (Philology), Leading Research Fellow of Linguistics Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	28.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.06.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 80.8+821.111(73)
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_149

Метаязыковая рефлексия в американской поэзии (на примере текстов П. Роджерс)

Ю. С. Холманских
Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия
lacraucity@yandex.ru

Аннотаци. В статье содержится опыт применения когнитивно-дискурсивного подхода к анализу лингвофилософской проблематики в творчестве американской поэтессы – филолога П. Роджерс. Раскрываются особенности креативной концептуализации понятия «язык» и роль метаязыковой рефлексии в поэзии П. Роджерс, обращенной к фундаментальной проблеме взаимодействия мышления, языка и действительности в процессе семиозиса. Описываются когнитивные техники, помогающие автору сформировать целостный интегрированный образ языка.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход, американская поэзия, концептуализация, метаязыковая рефлексия, визуально-образная репрезентация

Для цитирования: Холманских Ю. С. Метаязыковая рефлексия в американской поэзии (на примере текстов П. Роджерс). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 149–155. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_149

Original article

Metalanguage Reflection in American Poetry (based on texts by P. Rogers)

Yulia S. Kholmanskikh
Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia
elacraucity@yandex.ru

Abstract. The article contains the experience of applying cognitive-discursive approach to the analysis of linguo-philosophical problems in the work of the American poet and linguist P. Rogers. The study reveals the features of the creative conceptualization of the concept of «language» and the role of metalinguistic reflection in poetry, addressed to the fundamental problem of interaction between thinking, language and reality in the process of semiosis. The paper also describes cognitive techniques that help the author to form a holistic, integrated image of the language.

Keywords: cognitive-discursive approach, American poetry, conceptualization, metalanguage reflection, visual-figurative representation

For citation: Kholmanskikh, Yu. S. (2023). Metalanguage reflection in American poetry (based on texts by P. Rogers). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 149–155. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_149

ВВЕДЕНИЕ

Современные американские поэтические тексты довольно часто содержат размышления о сущности и фактах языка, его границах и философских основах. Сама поэзия в большой степени «лингвоцентрична» (Н. А. Фатеева), поскольку язык – главный инструмент пишущего. Это базовый концепт, предмет исследования, не вполне доступный исключительно логическому, рациональному постижению, который приобрел «множество интерпретаций как на оси времени (в диахронии), так и на отдельном временном срезе (в синхронии)» [Чернейко, 2001]. Представляют интерес интеллектуальные образы сложного умопостигаемого понятия «язык», сложившиеся в фундаментальных выводах различных типов дискурса. Человеческая личность не существует вне языка, и в этом смысле его можно воспринимать как предельное понятие, то есть такое, «более которых нельзя помыслить» (А. Кентерберийский). Сочетание философского, естественнонаучного, филологического и художественного компонентов порождает метаязыковую рефлексию, в ходе которой ученые – лингвисты, преподаватели университетов, стремятся развить предметную лингвистическую область поэтической речи. Возникает проблемный вопрос: какие именно когнитивные техники помогают ученому – поэту сформировать целостный интегрированный образ языка, сохраняя баланс между научным описанием и субъективным художественным видением? Предметом непосредственного анализа в данной работе станут функции метаязыковой рефлексии и языковые репрезентации концептуальной структуры «язык», оказавшиеся в центре внимания Паттианн Роджерс (род. 1940). Паттианн Роджерс – признанный американский литератор, преподаватель университета, чьи тексты являются новыми для русскоязычной аудитории. Ее творчество известно сочетанием научных размышлений с чувственными образами и философией: «оно поражает нас поэтической гимнастикой, смешивая научную теорию с сочным поэтическим ритмом» [Rogers, 2020].

МЕТОДОЛОГИЯ

В рамках данного исследования предпринимается попытка задействовать когнитивные стратегии для понимания и декодирования художественно-поэтического текста, которые позволили бы нам выделить способы (схемы) авторской концептуализации понятия «язык». При этом обобщенно концепт понимается как «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных … 1996, с. 90]. Способы концептуализации отражают ментальные алгоритмы, закрепляющие момент переживания когнитивного опыта в пространственно-временных координатах. Сознание отмечает основные признаки объектов, фиксирует связи между ними, и затем человек находит языковые единицы для отображения полученного знания в рамках языковой системы. Необходимо учитывать такие факторы, как повторяемость концептуальных схем, их динамический характер и взаимодополняемость в образовании понятийного поля.

Когнитивно-дискурсивная лингвистика (Е. С. Кубрякова), ставящая во главу угла соотнесение когнитивных структур с языковыми, обладает большим исследовательским потенциалом, поскольку в рамках этого метода текст является вербально оформленным результатом познавательной деятельности мозга. Взгляд на образ языка в тексте в когнитивно-дискурсивной парадигме позволяет синтезировать различные исследовательские точки зрения и задействовать несколько методов изучения многоуровневого концепта, в частности, лингвистический анализ, концептуальный анализ, интерпретационный анализ (комментирование и систематизация метаязыковых высказываний), лингвосемиотический и лингвофилософский анализ метаязыковых репрезентаций.

Одним из важнейших понятий в этой парадигме является контекст, как микро и макросреда существования языковых значений, включающая в себя внеязыковые факторы. Они необходимы для понимания языковых значений. При этом когнитивный контекст понимается не столько как совокупность парадигматических и синтагматических связей лексической единицы, сколько как ментальная сфера (концептуальная структура). Она содержит информацию, связанную с языковым знаком, и возникает в качестве когнитивного фона при осмыслении соответствующего объекта реальности. Таким образом, когнитивный контекст понимается широко – он связывается не только с феноменом языка, но и сопутствующим ему ментальным полем. Особо актуален когнитивно-дискурсивный анализ текстов, содержащих метаязыковую рефлексию, поскольку их авторы существуют в пространстве узкопредметного «лингвистического универсума», как «множества письменных текстов – продуктов речемыслительной деятельности человека вне конкретного языка» [Карпов, 1992, с. 38].

Природа концепта «язык» приводит к тому, что попытки его определить через другие, связанные с данной областью понятия носят автореферентный, рекурсивный характер. Деятельность автора приобретает вид метаязыковой рефлексии. Под метаязыком мы понимаем язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык – объект», т. е. как предмет языковедческого исследования» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, с. 509]. Понятие «метаязык» было разработано Львовско-варшавской школой аналитической философии (Р. Карнап, С. Лесневский, А. Тарский). Применительно к лингвистике первым его ввел в научный оборот Р. Якобсон [Якобсон, 1985]. В дальнейшем понятие метаязыка разрабатывали О. С. Ахманова, А. Вержбицкая, Н. Б. Гвишиани В. П. Даниленко, А. А. Немыка, Н. А. Фатеева, М. Р. Шумарина и другие. В данной работе остается за скобками системно-терминологический аспект метаязыка. Автор сосредоточивается преимущественно на метапоэтических феноменах. Они определяют совокупность условий текстопорождения. Здесь метапоэтика – это «поэтика по данным метаязыка (языка, на котором описывается язык – объект) и метатекста, поэтика самоинтерпретации автором своего или другого текста», в нашем случае, языковедческих научных работ [Штайн, Петренко, 2008, с. 14]. Среди привлекающих внимание поэтов лингвистических фактов можно выделить знаковую природу языка, вопросы границ и истинности языкового отображения действительности, проблемы номинации, формирования концептов, референции и смыслообразования абстрактных понятий.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА В ПОЭЗИИ П. РОДЖЕРС

В ходе когнитивно-дискурсивного анализа произведений П. Роджерс были выявлены следующие схемы концептуализации понятия «язык»: выделение основных дефиниционных признаков понятия (актуализация его свойств в речи) и механизм визуально-образных репрезентаций. Каждый из названных механизмов обеспечивает добавление кванта информации в содержание концепта. Его интерпретационное поле формируется под воздействием когнитивных признаков, «которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [Попова, Стернин, 2007, с. 82]. Стоит отметить, что отличительной чертой стиля П. Роджерс является ограниченное использование такого распространенного в рамках поэтического дискурса инструмента языковой репрезентации концепта, как метафора. Это наряду с употреблением в ее произведениях терминов (neuron – нейрон, subsequent – последующий, bivalve – двустворчатый, axis – ось, verb – глагол, predicates – сказуемые, syllables – слоги, vowels – гласные, assertion – утверждение, object – объект, substance – суть, cognizance – компетенция, sentence – предложение, concept – концепт, cellular – клеточный, attributes – атрибуты и т. д.) приближает тексты П. Роджерс к текстам научного дискурса.

Рассмотрим, как именно реализуются вышеописанные когнитивные техники непосредственно в тексте. В стихотворении «Обучая морскую черепаху, которая внезапно обрела дар речи..» (Teaching a Sea Turtle Suddenly Given the Power of Language…) [Rogers, 1994, с. 176–177]автор визуализирует вопрос о взаимодействии мышления, языка и действительности в процессе знакообразования, представив рептилию, неожиданно получившую дар речи. Абстракции, отображаемые в языке, формируются в результате наблюдения и опыта: «твое движение называется скольжение, парящее проталкивание себя» (your motion is called gliding, soaring propulsion of self), «скажи яйцо, скажи я породила, скажи рождение в теплом песчаном суглинке» (say ‘egg’, say ‘begat’, say ‘birth’ in the warm sandy loam). Становится возможным «создать свою личность при помощи языка» [Rogers, 1999, с. 7]. (Здесь и далее перевод автора. – Ю. Х.) Поэт описывает ход создания языковой картины мира, реализацию когнитивных лингвистических механизмов: «очерчивая границы того, что называется «я» (tracing all the boundaries of that which is called ‘self’), «постарайся запомнить тяжеловесную медленно двигающуюся тишину (heavy ponderous slow-shifting silence), которая была всем, что ты не осознавала, пока не обрела голос» (your voice), «здесь, на дне моря, ты вовлечешь себя в формирование мозга (the making of your brain), каждое новое слово одновременно приведет в действие каждый соленый пульсирующий нейрон» (each new word bringing a salt-pulsing neuron simultaneously into existence). Посредством этой образной аналогии П. Роджерс подчеркивает тот факт, что феномен, воспринятый сознанием, но невербализованный, носит смутный характер. Появление специального обозначения для этого факта придает ему четкие очертания. Таким образом, языковое сознание делает субъекта способным порождать тексты, тогда как его языковое самосознание тесно связано с метаязыковой деятельностью: «именно с ощущения этого момента начнется сотворение себя» (it is from the

awareness of this precise moment that the creation of yourself begins).

В стихотворении «The Mad Linguist» (Сумасшедший лингвист) на первый план выводятся размышления о степени адекватности отображения мира имеющимися языковыми средствами. П. Роджерс отмечает: «Номинация – это чисто человеческая деятельность» [Rogers, 1999, с. 25]. Если знак подобран точно, то его употребление способно создать прочную связь между говорящим и называемым объектом, «воссоздать мир при помощи языка» [там же, с. 25]. Визуально – образная репрезентация здесь строится на метафоре: сумасшедший лингвист, говорящий на труднопереводимых наречиях – окружающий мир, нуждающийся в том, чтобы его обозначили, зафиксировали и истолковали. Его конструкции подобны «закручивающимся вокруг своей оси завиткам морской улитки» (winding like the whorls of a whelk's shell around their axis), странная логика речи разворачивается как «сеть переплетенных вытянутых ветвей тополя» (network of ever-smaller branches spreading outward as poplar), «каждый глагол содержит аллюзию восхождения» (every verb contains a subtle allusion to ascension), «сказуемые поднимаются вертикально от сосен в небо» (predicates rise vertically out of pines into the sky). Существуют «языки температуры и солнца, гласные которых звучат медленно и осторожно» (tongues of temperature and sun, voicing the same slow careful vowels). П. Роджерс наглядно представляет семиотическое понятие кода как набора знаков, системы их значений и правил сочетания, а также алгоритмов создания текстов. Код внеязыковой действительности представляет собой шифр, который интерпретируется человеком. Для успешной коммуникации код адресанта и адресата должны совпадать: «все произносимые слова предполагают наличие слушающего, способного их воспринять», говорится в стихотворении [Rogers, 1994, с. 201 – 202]. Однако, по мнению П. Роджерс, это сложнодостижимо, поскольку «язык слишком неточный, слишком ограниченный, чтобы касаться предмета, лежащего в основе поэзии», задача поэта – «постоянно стремиться преодолеть эти ограничения» [McCann, 1987, с. 33]. П. Роджерс задается вопросом о том, «почему вещь не может быть одновременно разными вещами, и даже противоречить сама себе, при этом сохраняя свою целостность» [там же]. Внутренний мир человека полон невербализованных представлений, и, чтобы исследовать неизвестное, требуется напрячь внутреннее семиотическое зрение, зафиксировать его в языке. «Именно в этом смысле П. Роджерс употребляет слово «вспомнить», т. е. «отыскать подходящее имя» (I am trying find your name. I am trying to remember <…> I am trying to recall your name) [Rogers, 1994, с. 44 – 45]. По мнению П. Роджерс, не стоит останавливать процесс познания, как только вещь обрела имя и место в понятийной системе языка. Знак вырывается на свободу, поскольку «приписав знаку значение <…> сознание неспособно удержать его от расползания, перехода, раздвоения, стирания» [Бибихин, 2007, с. 73]. Язык предписывает четкие референциальные связи, но, по сути, субъект имеет дело лишь с вероятностными интерпретациями.

В стихотворении «Прекращение» (The Abandonment), посвященном процессу создания текста, исследуется вопрос о номинативной функции языка [Rogers, 1982, с. 32]. При номинации получают название только те предметы реальности или вымышленной сферы, на которые направлено внимание и мысль субъекта. Обладая зрительными, слуховыми, тактильными ощущениями и интерпретируя их, мозг выявляет закономерности воспринятых явлений, сортирует их, обобщая и кодируя при помощи знака. Стремясь визуализировать это теоретическое положение, П. Роджерс прибегает к цепочке дескрипций, относящихся к основным дефиниционным признакам «мира вне языка». Когда заканчивается речемыслительное действие (when the pen rolled into the infinity), мир исчезает, пропадая в сером небытии неназванного. Небо оказывается сплошной серой плитой без начала и конца (one solid plate of grey <…> from no definable point), холмы становятся предсказуемой плоской серой массой (flat predictable hills of common grey), мир невидимым, безголосым, обездвиженным и пустым (motionless, silent–grey, invisible, out–of–sight, empty). Название крика птицы неразличимо сливается с названием рассеянного аромата цветка (the name of the blue teal's cry merged without detection into the name of the dissipating odor of the butterfly pea). Размышления П. Роджерс о концептуализации и смыслообразовании связаны с философским тезисом Дж. Беркли «существовать – значит быть воспринятым», наглядно иллюстрируют его.

Когнитивная функция языка, способы образования концептов также становятся темой размышлений для поэта и базой для обогащения интерепретационного поля рассматриваемого концепта. Отмечая чувственную основу образования абстрактных понятий, П. Роджерс актуализирует смыслы при помощи визуальных образов: «перемещающиеся скопления морских водорослей, одно за другим, плавающие угри, радужные рыбы и рассыпанные водоросли называются «время» (the passing of seaweed clusters, one after another and floating eels and rainbow wrasse and scattered obelia is called 'time') [Rogers, 1994, с. 176–177]. Многократно отражая объект окружающего мира,

сознание человека выделяет его основные когнитивные признаки, выявляет в них закономерности, распределяет по областям восприятия, обобщает и именует их. Процесс образования концепта всегда обусловлен действительностью, но не полностью определен ею. Так, некто, родившийся в пустыне, воспринимает концепт «восторг» «в терминах текучих разлившихся вешних вод, несущихся через сухое русло» (ecstacy in terms of fluidity, high spring water in motion through the arroyo), для живущего среди равнин «бесконечный плоский диск» представляет собой основу для всех абстракций (basis for all abstractions) [Rogers, 1994, с. 32]. Вид черепахи, панцирь которой напоминает соты, имеет прямое отношение к формированию концепта «концентричность – определенно клеточное строение зрения» (He sees concentricity there for the first time <…> The concept is definitely the cellular arrangement of sight»). Образ панциря служит «универсальным предметным кодом» (З. Д. Попова), становясь ядром, вокруг которого выстраиваются новые когнитивные слои. В основе концепта свободы лежит вид сентябрьского поля, покрытого тенями деревьев (And freedom is this September field covered this far by tree shadows), движущее начало – это прыгающая лягушка (bullfrog, spread and sailing, but the body of initiative), а изменчивость (колебания) – полет бабочки (the butterfly's path <…> erraticism) [Rogers, 1981, с. 57–58]. Впервые запечатленный в сознании образ, базирующийся на сходстве, служит точкой отсчета для последующего формирования интерпретационного поля концепта, обусловливает его связь с другими ментальными структурами. Например, для ребенка, выросшего у моря, его яростная мощь, девятый вал будут ассоциироваться с Божественной силой (the formation of the vocabulary which he chooses to assign to God) [Rogers, 1994, с. 33].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги сказанному выше. Каково семантическое пространство языка, складывающееся в поэзии П. Роджерс? С одной стороны, оно соответствует определению информационной части базового лингвосемиотического концепта «язык». Причем язык понимается как понятийное поле, включающее в себя другие научные концепты. Они связаны с отношениями между знаками: «смысл», «значение», «образ», «символ», «универсалия», «референция», «концепт», «знак», «речь», «модель» [Антология концептов, 2005, т. 1, с. 333]. Образная составляющая концепта, отражающая когнитивные схемы, материализующие концепт в языковом сознании, также вполне универсальна, поскольку она отражает алгоритмы, используемые многими авторами, пишущими о лингвистических вопросах (Т. Хоагланд, К. Легго, Л. Уорш и др.). Это, прежде всего, – выделение основных дефиниционных признаков понятия: свойство языка выносить любую вещь в пространство присутствия, отображать ментальные структуры реального и воображаемого миров, способность к развитию, национальная специфика, умение передавать сообщения, служить средством познания и т. д. Также это – механизм визуально-образных репрезентаций: окружающая действительность как код вселенной, мир вне языка как вакуум, эволюционный характер языка как поступательное движение в физическом пространстве и пр. Индивидуальна здесь интерпретационная часть концепта, куда вошли ассоциативные характеристики понятия «язык».

Поэзия П. Роджерс отражает основное свойство языка, а именно, его двойственность, находящую свое выражение в существовании ряда противоположностей. Язык – это одновременно и объективные невидимые оковы сознания (language is too imprecise, too limited to address the underlying subject of most poems), и субъективный «знак целого мира» – онтологическая сущность [Бибихин, 2007, с. 89]. Язык способен раздробить восприятие, запутав понимание (language simply breaks apart and categorizes the total <…> experience), но также может создать организованную личность (people working with language and words in order to try and explain to themselves what "I" was). Для П. Роджерс язык – не только деятельность, но и ее продукт, через свой гносеологический потенциал позволяющий человеку «исследовать, лелеять и утвердить мир» (investigate the world, nurture the world, affirm the world) Язык принадлежит как материальному, так и идеальному пространству (things that we haven't been able to verbalize yet) [Mc Cann, 1987, с. 34]. Он изменчив и текуч, и в то же время устойчив (ancient language). Язык отражает индивидуальное (человек, рожденный в лесу, формирует концепт «небо» через просвет между деревьями) и коллективное сознание (вопросы универсалий).

П. Роджерс представляет собственный опыт, отражающий семантическое наполнение концепта как сочетание различных типов осмысления реальности, на стыке поэтического, обыденного и научно-лингвистического дискурсов. Метаязыковая рефлексия в поэзии позволяет оценить свои знания языка и о языке: «важно еще одно измерение этой компетенции – креативное, которое трансформирует способность «претворять языковые факты в предмет речи» в способность порождать новые языковые факты и расширять предметную

лингвистическую область поэтической речи» [Фатеева, 2017, с. 77]. Концепт «язык» при помощи свойственных автору лингвостилистических средств репрезентации реальности в художественной картине мира, становится «персонажем» произведения [Бразговская, 2009]. Включаясь в авторскую языковую игру стихотворения, он представляет собой одну из ключевых текстопорождающих доминант. Яркое творческое описание сложных лингвистических фактов делает многоуровневые научные идеи более доступными для восприятия, подталкивает к дальнейшему их развитию в силу заряженного эмоционального импульса, обращению к чувственной природе читателя. Применение когнитивно-дискурсивного анализа художественно-поэтического текста способно обогатить лингводидактику, выводя исследователя в широкий спектр общегуманитарных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чернейко Л. О. Металингвистика: хаос и порядок // Вестник Московского университета. 2001. Серия 9. Филология, №5. С. 39–53.
2. Rogers Pattiann. (2020). https://www.poetryfoundation.org/poets/pattiann-rogers.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Издательство Московского университета, 1996.
4. Карпов В. А. Язык как система. Минск: Вышэйшая школа, 1992.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.
6. Якобсон Р. Избранные труды. М.: Прогресс, 1985.
7. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Язык метапоэтики и метапоэтика языка // Метапоэтика: сборник статей научно-методического семинара «Textus» / под ред. В. П. Ходуса, 2008. Вып. 12. С.14–46.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.
9. Rogers P. Fire-Keeper (New and Selected Poems). Minneapolis: Milkweed Editions, 1994.
10. Rogers P. The Dream of the Marsh Wren: Writing as Reciprocal Creation. Minneapolis: Milkweed Editions, 1999.
11. McCann. R. An Interview with Pattiann Rogers // The Iowa Review. 1987. № 17 (2). P. 25–42.
12. Бибихин В. В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007.
13. Rogers P. The Abandonment // Poetry, April, 1982. P. 32.
14. Rogers P. The Expectations of Light. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1981.
15. Антология концептов: в 2 Т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1.
16. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017.
17. Бразговская Е. Е. Язык как персонаж: художественная философия языка Чеслава Милоша // Филолог. 2009. № 8. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_8_10.

REFERENCES

1. Chernejko, L. O. (2001). Metalingvistika: haos i poryadok = Metalinguistics: chaos and order. Lomonosov Philology Journal , 5, 39–53. (In Russ.).
2. Rogers, Pattiann. (2020). https://www.poetryfoundation.org/poets/pattiann-rogers.
3. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. (1996) = Concise Dictionary of Cognitive Terms. E. S. Kubryakova (ed.), Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
4. Karpov, V. A. (1992). Yazyk kak Sistema = Language as a system. Minsk: Vyshejshaya shkola. (In Russ.)
5. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar (2002) = Linguistic encyclopedic dictionary. V. N. Jarceva (ed.). Moscow: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya. (In Russ.)
6. Yakobson, R. (1985). Izbrannye Trudy = Selected works. Moscow: Progress. (In Russ.)
7. Shtajn, K. E., Petrenko, D. I. (2008). Yazyk metapoetiki i metapoetika yazyka = The language of metapoetics and the metapoetics of language. V. P. Hodus (ed.), Metapoetika: sbornik statej nauchno-metodicheskogo seminara «Textus», 12, 14–46. (In Russ.)
8. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007).Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka = Semantic-cognitive analysis of language. Voronezh: Istoki. (In Russ.)

9. Rogers, P. (1994). Fire-Keeper (New and Selected Poems). Minneapolis: Milkweed Editions.
10. Rogers, P. (1999). The Dream of the Marsh Wren: Writing as Reciprocal Creation. Minneapolis: Milkweed Editions.
11. McCann, R. (1987). An Interview with Pattiann Rogers. The Iowa Review, 17(2), 25–42.
12. Bibihin, V. V. (2007). Yazyk filosofii = The language of philosophy. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
13. Rogers, P. (April, 1982). Poetry. The Abandonment, 32.
14. Rogers, P. (1981). The Expectations of Light. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
15. Karasik V. I., Sternin I. A. (Eds.). (2005). Antologiya konceptov = Anthology of concepts (vol. 1): in 2 vols. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
16. Fateeva, N. A. (2017). Poeziya kak filologicheskij diskurs = Poetry as a philological discourse. Moscow.: LRC Publishing House. (In Russ.)
17. Brazgovskaya, E. E. (2009). Language as a character: artistic philosophy of the language by Czeslaw Milosz. Philolog, 8. http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_8_10. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Холманских Юлия Сергеевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурные коммуникации»
Уральского государственного университета путей сообщения

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kholmanskikh Yulia Sergeevna
PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communications
Ural State University of Railways Transport

Статья поступила в редакцию	14.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.04.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 008
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_156

Символическое «страдание» артефактов
Статья 1

А. А. Смирнова[1], И. В. Леонов[2], И. В. Кириллов[3]

[1,2,3]*Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия*
[1]*allasmir@mail.ru*
[2]*ivaleon@mail.ru*
[3]*os84@yandex.ru*

Аннотация. Двухчастная статья посвящена так называемым символическим «страданиям» артефактов. Речь идет о негативных воздействиях на памятники, которые причиняют им «страдания», но при этом в малой степени затрагивают (или вовсе не затрагивают) материальную составляющую объектов. Изучается фактор множественности позиций субъектов по части восприятия символического «страдания». Уделено внимание особенностям историко-культурного контекста, порождающим подобные ситуации. Осуществляется анализ конкретных примеров причинения символического «страдания».

***Ключевые слова*:** культурное наследие, артефакт, памятник, символическое «страдание», «смысловая аура» памятника.

***Для цитирования*:** Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Символическое «страдание» артефактов. Статья 1 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 156–161. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_156

Original article

Symbolic «suffering» of artifacts
Article 1

Alla A. Smirnova[1], Ivan V. Leonov[2], Igor V. Kirillov[3]

[1,2,3]*Saint Petersburg State Institute of Culture, St.Petersburg, Russia*
[1]*allasmir@mail.ru*
[2]*ivaleon@mail.ru*
[3]*os84@yandex.ru*

Annotation. The two-part article is devoted to the so-called symbolic «suffering» of artifacts. We are talking about negative impacts on monuments that cause them «sufferings», but at the same time they affect (or do not affect) the material component of the objects to a small extent. The factor of plurality of positions of subjects regarding the perception of symbolic «suffering» is studied. Attention is paid to the peculiarities of the historical and cultural context that give rise to such situations. The analysis of concrete examples of causing symbolic «suffering» is carried out.

***Keywords*:** cultural heritage, artifact, monument, symbolic «suffering», the «semantic aura» of the monument.

For citation: Smirnova, A. A., Leonov, I. V., Kirillov, I. V. (2023). Symbolic «suffering» of artifacts. Article 1. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 156–161. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_156

ВВЕДЕНИЕ

История мирового культурного наследия включает массу примеров всевозможных негативных воздействий, которые испытывали на себе памятники. Эти воздействия отражались на их форме и оставляли глубокие отметины и шрамы в их биографиях[1]. В большинстве случаев речь идёт о повреждениях материальной компоненты памятников. В то же время материальный ущерб сказывается и на «смысловых аурах» памятников. В работе с такими памятниками применяются различные практики, направленные на их консервацию, реставрацию, воссоздание. Указанные практики, имея массу вариаций, призваны способствовать сохранению, «излечению», «оздоровлению» и «возрождению» материальных составляющих артефактов.

Вопреки указанному крену на фиксацию материальных повреждений, причиняемых памятникам историко-культурного наследия, существует специфическая группа артефактов, которые не несут на себе зримые отметины «страданий», искажающие их изначальную материальную форму. Вместе с тем означенные памятники устойчиво воспринимаются носителями той или иной культуры как пострадавшие; следы негативных воздействий проявляются в основном на уровне их «смысловой ауры», в символической форме. Особенностью рассматриваемой группы памятников является то, что источником их «страданий» выступают, как правило, целенаправленные действия человека, «наказывающего» артефакт и осознающего, что его действия диссонирующим образом влияют на «ауру» объекта. В то же время следует отметить, что символическое «страдание» может быть причинено и непреднамеренно.

Артефакт, в отношении которого совершаются действия, вызывающие его символическое «страдание», может восприниматься как «виноватый», неугодный и потому заслуживающий наказания. Вместе с тем другая социальная группа может относиться к тому же памятнику как к несправедливо наказанному. Указанное отношение к артефакту во многом основано на его «очеловечивании», проецировании на него качеств субъекта. В результате подобных воздействий памятник становится потерпевшим, униженным, оскорблённым, обвинённым. Данные воздействия и их последствия нередко становятся значимой частью биографий артефактов, их «провенанса».

[1] См. подробнее об этом: [Леонов, Кириллов, 2019; Леонов, Кириллов, 2020].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Говоря о непреднамеренных воздействиях человека, которые причиняют символическое «страдание» артефактам, отметим, что таковые могут совершаться по незнанию, при отсутствии злого умысла, и формируют ощущение «страдания» памятника у людей, осознающих его природу, глубоко погруженных в тот или иной историко-культурный контекст, ценностно-смысловые аспекты бытия определённых артефактов, традицию восприятия конкретных памятников и обращения с ними. Если воспринимающая сторона фиксирует значительные по масштабу аномалии, которые негативно воздействуют на «смысловую ауру» памятника, последний может восприниматься как страдающий.

Символическое «страдание» нередко не уступает по значимости и силе психоэмоциального воздействия «страданиям» памятников, связанным с повреждениями их материальной формы. Действия, которые совершаются вопреки «природе» артефакта, калечат его «ауру», радикально противоречат его предназначению, могут вызвать глубокие переживания. В качестве показательного и значимого для отечественной культуры текста, который содержит упоминания о ситуациях символического «страдания» артефактов, назовём стихотворение К. М. Симонова «Убей его». Исключительной степенью воздействия на читателя наделены строки:

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нём исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчёл
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоем доме фашист топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал…»[2]

Дом, который выступает прообразом Родины, не приемлет присутствия врага. Сам факт нахождения фашиста в доме является абсолютно немыслимым

[2] Симонов К. М. Если дорог тебе тот дом… // Симонов К. М. Соб. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы.

и неприемлемым, полностью противоречащим природе дома и родной земли и вызывающим ситуацию «страдания». Даже упоминание о возможности прихода фашистов производит чрезвычайный эффект. Данное стихотворение – один из наиболее значимых текстов советской литературы времён Великой Отечественной войны – было опубликовано в июле 1942 года, во время тяжелейших боев и отступления Красной Армии к Сталинграду, и имело большое мобилизующее воздействие.

Исторический перечень примеров символического «страдания» артефактов достаточно широк. Так, отдельного упоминания заслуживает практика «наказания» колоколов, весьма распространенная на Руси и в Западной Европе. Например, по приказу царя Бориса Годунова был наказан угличский колокол, который возвестил о гибели царевича Дмитрия, что спровоцировало народные волнения. Наряду с нанесением увечий материальной форме объекта (колоколу вырвали язык и отрубили ухо), ему были причинены и символические «страдания»: артефакт прилюдно высекли и сослали на триста лет в далёкий Тобольск, – что стало значимым аспектом его биографии. По краям колокола спустя время была вырезана надпись: «Сей колокол, в который били в набат при убиении Благоверного Царевича Дмитрия в 1573 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку, в град Тобольск, к церкви Всемилостивого Спаса, что на торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитной» [Сулоцкий, 1871]. Только в 1892 году с разрешения императора Александра III колокол был возвращён к своему историческому «месторазвитию», в Углич; ныне он является экспонатом Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея. Ещё несколько колоколов были сосланы в отдаленные сибирские монастыри другими царями. Также в отечественной культуре бытуют истории об аресте новгородского вечевого колокола после присоединения Новгорода к Московскому государству и о ссылке набатного колокола московского Кремля после испуга царя Федора Алексеевича от его случайного звона. Существовала также практика наказания икон, подобно языческим идолам [Успенский, 1982].

Ситуации символического «страдания» памятников особенно часто возникают во времена революционных преобразований, радикальных «сдвигов» культуры и модернизационных изменений. Во многих случаях символическим «страданиям» подвергают культовые сооружения и объекты монументальной пропаганды предыдущих эпох. Показательным в данном случае является «наказание» монумента Александру III, который стоял на Знаменской пл. (нынешняя пл. Восстания) в Санкт-Петербурге. Памятник продолжал находиться на своём законном месте до конца 1930-х годов, но в 1922 году на его постаменте было выбито стихотворение Д. Бедного:

> ПУГАЛО
> Мой сын и мой отец при жизни казнены,
> А я пожал удел посмертного бесславья.
> Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
> Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Отметим также, что в дни революционных торжеств (начиная с первомайского праздника 1917 года) памятник скрывали при помощи декоративных композиций. В 1927 году, во время празднования 10-летия Октябрьской революции, монумент заключили в клетку. В 1937 году памятник был демонтирован и перемещён сперва на склад, находившийся на Лиговской ул., а потом, после передачи статуи Государственному Русскому музею, в Михайловский сад. В 1950 году статуя была помещена во внутреннем дворе корпуса Бенуа. Наконец, в 1994 году его установили у входа в Мраморный дворец, – где он и находится в настоящее время [Памятник Александру III…, 1996].

Рассматриваемый случай не представляет ситуацию символического «страдания» в чистом виде (памятник был перемещён и оторван от своего «месторазвития»; его первоначальные формы, вследствие появления на нём доски с антимонархическим стихотворением, были искажены), – но сугубо символические перипетии оставили глубокий след в биографии монумента. Заметим, что «наказание» памятника (которое многие носители прежней культуры воспринимали как совершенно непозволительное) широко популяризовалось в советской культуре 1920-х – 1930-х годов. Так, изображение преобразованного памятника было помещено в книгу М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», которая на протяжении долгих лет была единственным учебником отечественной истории, применяемым в школе [Покровский, 1933].

Ситуации символического «страдания» артефактов с некоторой долей условности можно соотнести с гражданскими казнями, которые практиковались в России и некоторых других государствах в XVIII – XIX веках. В российской истории было несколько известных гражданских казней – символическая гражданская казнь И. С. Мазепы (в отсутствие самого Мазепы), массовая гражданская казнь декабристов в 1825 году, «казнь» Салтычихи, Н. Г. Чернышевского (выразительное описание которой содержится в сочинениях В.Г. Короленко [Короленко, 1955]) и т. д. Примечательно, что дореволюционные

русские правоведы включали эти наказания в группу осрамительных (позорящих) – наряду с выставлением у позорного столба, проводом по улице в шутовской одежде или голым и т. п. [Таганцев, 1902]. Гражданская казнь, наследующая церемониям разжалования рыцарей эпохи Средневековья и Возрождения, не сопровождалась причинением явного и существенного физического вреда наказуемому, однако принципиально изменяла его социальный статус – человек лишался сословных прав, чинов и наград и т. д. Так, согласно французскому уголовному законодательству начала XIX века, «гражданская смерть производила все те же юридические последствия, как и смерть физическая: брак разрушался и жена становилась наложницею, а прижитые после того дети незаконными, всякое приобретённое имущество после смерти осуждённого поступало в казну» [Таганцев, 1902]. Зачастую гражданская казнь кардинально меняла и общественное отношение к человеку. Также очевидно, что степень причиняемого «казненному» психофизиологического и символического ущерба была значительна.

Возвращаясь непосредственно к рассмотрению символических «страданий» артефактов, отметим, что практики причинения «страданий» довольно разнообразны и проявляются в диапазоне от «мягких» до весьма радикальных.

Один из самых известных (и радикальных) примеров причинения символического «страдания» артефактам культурного наследия в новейшей европейской истории – выставка «Дегенеративное искусство», которая была открыта нацистами в 1937 году и за последующие четыре года объехала тринадцать городов. В рамках выставки демонстрировались работы ведущих немецких и зарубежных живописцев и скульпторов – импрессионистов, фовистов, кубистов, дадаистов, экспрессионистов, сюрреалистов, творчество которых было объявлено в Третьем Рейхе «упаднических», «большевистским» и «космополитическим». Развеска картин на выставке была довольно хаотичной, многие произведения искусства были размещены без рам, в сопровождении оскорбительных надписей. Названия некоторых картин были написаны мелом прямо на холстах или на рамах. Откровенно оскорбительными были и названия выставочных залов: «Откровения расовой еврейской души», «План марша культурбольшевизма», «Надругательство над немецкой женщиной», «Безумие как метод», «Так душевнобольные видят природу» и др. Рядом с «дегенеративными» картинами были помещены вырванные из контекста цитаты из текстов модернистов, и возле них – «разоблачающие» высказывания нацистских руководителей. Также в залах присутствовали витрины с фотографиями психически больных людей, которые сравнивались с созданными авангардными художниками образами [Козлов, 2007]. Словом, выставка «Дегенеративное искусство» (которую нацистская пресса окрестила «Палатой ужасов»), была беспрецедентным по масштабу примером символического надругательства над европейским авангардным искусством. Необходимо указать, что впоследствии некоторые из представленных на выставке работ были нацистами уничтожены, – что также существенно влияет на восприятие этой выставки как акта «страдания» (не только в символическом плане). Данную выставку можно считать одним из пиков «культурной» (точнее, антикультурной) политики гитлеровской Германии.

Продолжая линейку примеров символического «страдания» памятников, укажем на период французской революции конца XVIII века. В это время многие католические соборы (включая такие значительные как собор Парижской Богоматери и Страсбургский собор) были преобразованы в «храмы разума». В этих «храмах» христианские символы скрывали и заменяли на новые символы. В «храмах разума» отправлялись ритуалы новодельного культа, которые во многом пародировали католические ритуалы (см., например: [Олар, 1925]) и не принимались верующими людьми, приверженными старым порядкам [Олар, 1925]. Добавим, что воздействие на многие культовые объекты осуществлялось не только в символической форме, материальная компонента памятников нередко претерпевала неорганичные трансформации (так, согласно декрету Робеспьера были обезглавлены статуи королей, которые украшали собор Парижской Богоматери). Однако с учётом предназначения указанных памятников различные символические воздействия, которые были на них оказаны, в существенной степени повлияли на их «ауру». Некоторые из данных воздействий носили исключительно символический характер – например, был запрещён колокольный звон.

Другим примером причинения в контексте революционных потрясений памятнику «страдания» (в том числе и символического) является снос монумента премьер-министру Российской империи П. А. Столыпину в Киеве. Указанный демонтаж, состоявшийся в 1917 году, происходил весьма картинно и сопровождался целой серией символических действий. В рамках многотысячного митинга был устроен «народный суд» (с адвокатами и обвинителями); для сноса была построена специальная виселица; после зачитывания «приговора» статую сперва подняли в воздух, а потом сбросили на землю, имитировав повешение. Впоследствии

скульптура была переплавлена. Факт причинения символических «страданий» памятнику, который был обречён на уничтожение, придаёт биографии объекта дополнительный драматизм.

В первой части статьи рассматривались преимущественно артефакты, страдания которых представляются ярко выраженными. Указанные следы зачастую сохраняются в нематериальных «измерениях» памятников навсегда, – даже если при этом «тело» артефакта не пострадало. «Вещи хранят вековые следы прикосновений; они как бы впитывают нечто из окружающего, и умеющий слышать может подслушать их смутный, невнятный шёпот о дремучей были» [Муйжель, 1915]. Как показывает опыт изучения данного феномена, ситуации символического «страдания» устойчиво проявляются на протяжении истории. Но при этом конкретные формы и способы причинения символических страданий зависят от специфики конкретной культуры, от историко-контекстуальных обстоятельств; они изменчивы во времени.

Дальнейший обзор заявленной проблематики будет продолжен во второй части статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 176–183.
2. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдание» как форма бытования артефакта // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 196–203.
3. Сулоцкий А. И. Замечательные по Сибири колокола // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при московском университете / повременное издание под заведыванием О. М. Водянского. Книга первая. Январь-март. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1871. С. 72–84.
4. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Издательство МГУ, 1982.
5. Памятник Александру III. Скульптор Паоло Трубецкой: книга-альбом / Государственный Русский музей, авт. ст. Л. В. Шапошникова. СПб.: Palact Edition, 1996.
6. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. 4-е изд., посмертное. М.: Партиздат, 1933.
7. Короленко В. Г. Гражданская казнь Чернышевского. По рассказу очевидца // Короленко В.Г. Собрание сочинений в 10 т. Т. 8: Литературно-критические статьи и воспоминания; Исторические очерки / подгот. текста и примеч. С. В. Короленко. М.: Гослитиздат, 1955. С. 76-80.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции Н. С. Таганцева, д-ра уголов. права… : Часть общая. Т. 1–2. Т. 2. 2-е изд., пересм. и доп. СПб.: Государственная типография, 1902.
9. Козлов Г. Дегенераты против истинных арийцев // Артхроника. 2007. № 7–8. С. 90–103.
10. Олар А. Культ разума и культ верховного существа во время французской революции: 1793–4 / пер. с. фр. Е. С. Коц и А. Н. Карасика. Л.: Сеятель Е. В. Высоцкого, 1925.
11. Муйжель В. В. С железом в руках, с крестом в сердце: на Восточно-Прусском фронте. Петроград: Т-во А. Ф. Маркс, 1915.

REFERENCES

1. Leonov, I. V., Kirillov, I. V. (2019) «Stradayushchij» artefakt: osnovnye formy voploshchenij i osobennosti vospriyatiya = The «suffering» artifact: the main forms of incarnations and features of perception // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin. (pp. 176–183). № 6 (111). (In Russ.)
2. Leonov, I. V., Kirillov, I. V. (2020) «Stradanie» kak forma bytovaniya artefakta = «Suffering» as a form of artifact existence // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin. (pp. 196-203). № 1 (112). (In Russ.)
3. Sulockij, A. I. (1871) Zamechatel'nye po Sibiri kolokola = Wonderful bells in Siberia. Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri moskovskom universitete ; povremennoe izdanie pod zavedyvaniem O. M. Vodyanskogo. Kniga pervaya. Yanvar'-mart. (pp. 72–84). Moscow: Universitetskaya tipografiya na Strastnom bul'vare. (In Russ.)
4. Uspenskij, B. A. (1982) Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskih drevnostej = Philological research in the field of Slavic antiquities. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russ.)

5. Shaposhnikova, L. V. (1996). Pamyatnik Aleksandru III. Skul'ptor Paolo Trubeckoj = Monument to Alexander III. Sculptor Paolo Trubetskoy: book-album. Gosudarstvennyj Russkij muzej. Saint Petersburg: Palact Edition. (In Russ.)
6. Pokrovskij, M. N. (1933) Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke = Russian history in the most concise essay. 4th ed. Moscow: Partizdat. (In Russ.)
7. Korolenko, V. G. (1955) Grazhdanskaya kazn' Chernyshevskogo. Po rasskazu ochevidca = The civil execution of Chernyshevsky. According to the story of an eyewitness. In Korolenko, V. G., Sobranie sochinenij (vol. 8: Literaturno-kriticheskie stat'i i vospominaniya; Istoricheskie ocherki): in 10 vols. Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)
8. Tagancev, N. S. (1902) Russkoe ugolovnoe pravo: Lekcii Prof. N. S. Taganceva = Russian Criminal Law: Lectures by N.S. Tagantsev, Doctor of Criminal Law... (vols. 1–2: Part general). 2nd ed. St.Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.)
9. Kozlov, G. (2007) Degeneraty protiv istinnyh arijcev = Degenerates versus True Aryans. Arthronika, 7–8, 90–103. (In Russ.)
10. Olar, A. (1925) Kul't razuma i kul't verhovnogo sushchestva vo vremya francuzskoj revolyucii: 1793-4 = The cult of reason and the cult of the Supreme Being during the French Revolution: 1793-4, transl. by E. S. Kots, A. N. Karasik. Leningrad: Seyatel' E. V. Vysockogo. (In Russ.)
11. Mujzhel', V. V. (1915) S zhelezom v rukah, s krestom v serdce: na Vostochno-Prusskom fronte = With iron in his hands, with a cross in his heart: on the East Prussian front. Petrograd: Tovarishchestvo A. F. Marks. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Алла Александровна

доктор исторических наук, профессор
заведующая кафедрой теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Леонов Иван Владимирович

доктор культурологии, доцент
профессор кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кириллов Игорь Викторович

преподаватель кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Alla Aleksandrovna

Doctor of Historical Sciences, Professor
Head of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Leonov Ivan Vladimirovich

Doctor of Culturology, Associate Professor
Professor of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Kirillov Igor Viktorovich

Lecturer of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Статья поступила в редакцию	08.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	01.07.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.07.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 008(075:8)+81:39-811.581
DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_162

Ключевые понятия легизма и их трансформация в современной китайской лингвокультуре

Цун Фэнлин[1], О. В. Дубкова[2]

[1]*Китайский политико-правовой университет, Пекин, Китай, allacong@163.com*
[2]*Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай*
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия
linuan12@mail.ru

Аннотация. Данное исследование выполнено в рамках лингвокультурологии. Авторы выделяют основные понятия древнекитайского учения о государственном правлении, рассматривают их трансформацию, которая возникла под влиянием западных концепций верховенства права. Авторы анализируют также современное понимание идей управления государством и законности политического правления в условиях строительства социализма с китайской спецификой. Основное отличие китайской «законности» от европейского понимания связывается с формированием новой системы социалистических ценностей, в которой народ является хозяином страны.

Ключевые слова: китайская лингвокультура, легизм, верховенство права, законность, система ценностей

Для цитирования: Цун Ф., Дубкова О. В. Ключевые понятия легизма и их трансформация в современной китайской лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 162–168. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_162

Original article

Key Concepts of Legalism and Their Transformation in Modern Chinese Linguistic Culture

Cong Fengling[1], Olga V. Dubkova[2]

[1]*China University of Political Science and Law, Beijing, China, allacong@163.com*
[2]*Xi'an International Studies University, Xi'an, China*
Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia, linuan12@mail.ru

Abstract. The study was carried out within the framework of linguoculturology. The authors identify the main concepts of the ancient Chinese doctrine of state government, their transformation under the influence of Western concepts of the rule of law and the modern understanding of the ideas of state governance and the legality of political rule in the conditions of building socialism with Chinese characteristics. The main difference between Chinese "legality" is associated with the formation of a new system of socialist values, in which the people are the masters of the country.

Keywords: Chinese linguistic culture, legalism, the rule of law, legality, system of values

For citation: Cong, Fengling, Dubkova, O. V. (2023). Key concepts of legalism and their transformation in modern Chinese linguistic culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 162–168. 10.52070/2542-2197_2023_9_877_162

ВВЕДЕНИЕ

Легизм (法家学说) – направление философской мысли Древнего Китая, в основе которого лежит идея 法治 / *законности*. Данное направление – единственное из шести учений, существующих в данный период наряду с конфуцианством (儒家), даосизмом (道家), моизмом (墨家), школой эклектиков (杂家) и школой военного искусства (兵家), которое тесно связано со стратегией управления государством. Легизм исходно является руководящей идеологией для нескольких царств в доциньский период и становится основой для формирования единого Китая в династии Цинь. В настоящее время в Китае пропаганда системы ценностей социализма с китайской спецификой требует возвращения к истокам формирования китайской нации, поэтому в китайских научных кругах активно обсуждаются различные аспекты легизма, предполагающие правление на основе законов, контроль народа над деятельностью чиновников и др., как целостную концепцию управления государством (см., например: [徐楠芝, 2018; 周生虎, 2021; 舒婉, 2022; 马锦涛, 梁宇婷, 2022] и др.). Однако в российской науке наблюдается явный недостаток внимания к данной проблеме. Все это и определяет актуальность и новизну данной работы. Цель нашего исследования – определение понятий, связанных с классической теорией китайского легизма, и их трансформации в современной китайской лингвокультуре.

В китайских научных кругах существуют различные подходы к пониманию и интерпретации теории легизма, различных школ и направлений в рамках философии, политологии, теории права и др., но собственно лингвистических исследований данной философской школы не проводилось, поэтому очень трудно определить рамки лингвистического исследования. При анализе научной литературы на китайском языке мы обратили внимание, что ни одно исследование, связанное с легизмом, не обходится без слов 法 / *закон*, 法制 / *законодательство*, 法治 / *законность* или *верховенство права*, поэтому считаем целесообразным основное внимание уделить данным понятиям.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ШКОЛЫ ЛЕГИСТОВ И ИХ ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ

В основе легизма как философского учения лежит представление о том, что все в мире существует и развивается по установленным Небом законам, любое их нарушение недопустимо, оно приводит к дестабилизации и падению правящего режима. Согласно лингвистическим исследованиям Ван Вэйвэй, слово 法家 / *легизм* впервые встречается в трактате историографа династии Западная Хань Сыма Таня (?–110 до н. э.) [王威威, 2022], где иероглиф 法 *[fǎ]* обозначает *закон*, 家 *[jiā]* – *учение*, таким образом, слово 法家 *[fǎjiā]* можно буквально перевести как школу законов. В русскоязычной литературе наряду с понятием *легизм* также встречаются варианты *школа законников*, *учение законников*, *законники* и др., что в целом не противоречит исходному слову в китайском языке. Традиционно считается, что легизм более связан с реальной политикой, нежели другие философские школы эпохи Сражающихся Царств (475–221 до н. э.).

Основатель легизма Ли Куй (455–395 до н. э.) инициирует движение за политические реформы, которые приносят Царству Вэй процветание; полководец и политический деятель У Ци (ок. 440–381 до н. э.) реформирует Царство Чу, что укрепляет государственную власть и приводит народ к процветанию; слабое с точки зрения национальной мощи Царство Хань также обретает временную стабильность, когда первым министром становится Шэнь Бухай (385–337 до н. э.), осуществивший военную реформу; знаменитая реформа Шан Яна (390–338 до н. э.) в позитивном направлении изменяет судьбу отдаленного, экономически и культурно отсталого Царства Цинь и создает основу для объединения Китая.

Для понимания общей концепции легизма считаем необходимым обратить внимание на три понятия, которые лежат в основе социальной стабильности, обеспечивая укрепление государственной власти, создание сильной армии и безопасность народа. Первое понятие – 势 *[shì]* / *сила* или *власть* – вводится древнекитайским философом Шэнь Дао (IV до н. э.) и указывает на абсолютную власть правителя, его высшее право принимать решения. Предполагается, что и чиновники, и народ должны безоговорочно подчиняться решениям правителя, но правитель должен строго следовать закону при принятии решений. При вынесении высшим правителем окончательных решений недопустимы никакие нарушения закона с его стороны.

Второе важное понятие – 术 *[shù]* / *мастерство* или *искусство* – вводится Шэнь Бухаем, который считает, что монарх должен обладать навыками обращения с подчиненными, иначе власть и закон станут жесткими и неразумными. С одной стороны, это относится в основном к методам назначения, контроля и оценки подчиненных. То есть, когда монарх назначает чиновников, необходимо проверить, достойны ли они своего имени, достаточно

ли они грамотны для выполнения своих обязанностей, последовательны ли их слова и дела, верны ли они монарху. В соответствии с данными критериями осуществляются наказания, чтобы устранять вероломных чиновников, и вручаются награды, чтобы поощрять верные таланты. С другой стороны, легисты придают большое значение навыкам обращения с людьми. Эти навыки относятся к силовой тактике, предполагающей, что правитель должен «судить по результатам, а не по словам», собирать и поддерживать верных чиновников-исполнителей и править Поднебесной, направляя чиновников на выполнение конкретных задач.

Третье понятие – 法 *[fǎ] / закон*, которое вводится Шан Яном и предполагает выдвижение на почетные должности заслуженных людей и жесткое пресечение любых бунтов и мятежей. Если до реформы Шан Яна порядок в Поднебесной определялся 礼 *[lǐ] / ритуалом* или правилами вежливости, то после проведения реформы все определяется 法 *[fǎ] / законом*, высшие должностные лица более не освобождаются от наказаний, предусмотренных законом (см.: [谭宝刚, 2002; 王子秦, 2019; 王威威, 2022] и др.).

Три данных понятия, актуальных для трех школ легизма в период Сражающихся Царств, объединяются в единую теорию управления государством, представленную Хань Фэем (280–233 до н. э.) в трактате «Хань Фэй-цзы». Автор указывает, что строгое соблюдение законов делает государство сильным, в противном случае можно потерять политическую власть. Монарх осуществляет единоличное правление, но он руководит не народом, а чиновниками. «*Чиновников* [*можно*] *сравнить съ руками: ими чешутъ голову и приводятъ въ порядокъ ноги, они помогаютъ теплomъ при холоде и прихлаждаютъ при жаре. Когда острый мечъ грозитъ телу, руки не решатся не схватить его*» [Иванов, 1912, с. 25]. Хань Фэй полагает, что править страной по закону и укреплять страну, следуя закону, это истины, которым необходимо следовать в социальном управлении. Но практика Древнего Китая показывает, что авторитарное правление, основанное на «законе», может использоваться только некоторое время, оно неизбежно приводит к гибели государства уже во втором поколении правителей.

Таким образом, легизм, одно из ведущих направлений философской мысли Древнего Китая, которое становится ведущей идеологией для царств Вэй, Чу, Хань и Цинь, позволяет создать единый Китай под властью сильного правителя. Возникает вопрос, как идеи легизма используются в государственном строительстве Нового Китая и каким образом реализуются в системе базовых ценностей социализма с китайской спецификой.

ИДЕИ ЛЕГИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Большинство китайских ученых считает, что в китайской лингвокультуре понятие 法治 *[fǎzhì] / верховенство права* возникает в результате распространения на восток современных знаний и учений Запада, в Древнем Китае не существует данного слова и понятия. По результатам анализа древнекитайских текстов Чэн Ляоюань делает вывод о том, что в древнекитайском языке не только существует слово 法治 */ верховенство права*, но и присутствует достаточно ясное понимание законного правления. Изначально древнекитайские иероглифы и слова 法 *[fǎ] / закон* и 治 *[zhì] / править* являлись двумя совершенно самостоятельными иероглифами и словами. В эпоху Сражающихся Царств в рамках легизма сформировано «сложное слово» 法治 *[fǎzhì] / букв. управление государством по закону*, *правление на основе законов* или *законное правление*. Автор отмечает, что в трудах легистов существительное 法治 заменяется словами 法理 */ управление по закону* и 治法 */ способ* (*законы*) *управления государством*, что указывает на существование юридического термина и понятия [程燎原, 2009].

Анализ китайской научной литературы показывает, что в современной китайской лингвокультуре концепция легизма имеет разные интерпретации в разные исторические периоды. Считаем целесообразным выделить четыре нижеследующих периода.

1. Конец XIX – начало XX веков (Период правления династии Цин)

Цин Янь Фу (1854–1921) и Лян Цичао (1873–1929) – влиятельные мыслители конца правления династии – проводят важные исследования западной правовой мысли и построения системы правления на основе законов. Опираясь на традиционное китайское культурное наследие, Лян Цичао активно продвигает западную теорию права. Он считает, что Китай должен соблюдать верховенство права, если желает спасти нацию и выжить. Притом верховенство закона должно сочетаться с соблюдением гражданских прав, верховенство права должно сочетаться с нравственным воспитанием. Внедрение верховенства права должно укреплять правовые культурные обмены между Китаем и Западом и идти по пути объединения китайского и западного права [刘新, 1997]. Янь Фу отмечает важность создания законов и системы законного правления. В совокупности они должны

содействовать развитию общества, пропаганде идей свободы и демократии и противодействию феодальному самодержавию. Янь Фу выступает за принцип ограничения власти, а не копирует теорию разделения властей [庞鹏, 2017].

2. 10–20-е годы XX века (Период Китайской Республики)

На основе западной политико-правовой мысли Сунь Ятсен выдвигает точку зрения, согласно которой правовое государство должно сочетаться с демократией. Концепция Сунь Ятсена имеет эпохальное значение в истории развития современной китайской лингвокультуры. Считается, законодательная власть тесно связана с народом. Таким образом, формируется связь понятий «закон» и «демократия». В рамках данного подхода формируются ключевые для современной лингвокультуры представления о том, что 人民应该有权管理法律 / *народ должен иметь право управлять законом*, 人民是国家的主人 / *народ – хозяин страны*, 政府和官吏是人民的公仆/ *правительство и чиновники являются слугами народа*, они должны руководствоваться демократическими идеями и реформировать существующую систему законов.

3. Конец 1970-х годов – 2013 год (Политика реформ и открытости Дэн Сяопина)

После 1978 года Китай начинает переходить от «власти человека» к «власти закона». Как указывает Янь Букэ, "верховенство права" у легистов не совпадает с современным понятием правового государства, что, однако, не препятствует использованию термина «верховенство права» в других значениях [阎步克, 2015]. Как отмечает Сунь Шушэн, в данный период активно разворачивается дискуссия о понятиях 法制 / *законодательство* и 法治 / *законность*, что приводит к пересмотру основных идей легизма и к переоценке традиционных китайских ценностей. В результате формируются общие представления о верховенстве права социализма с китайской спецификой. Данный тип социализма проявляется во власти большинства, а не отдельной личности, в строгом соблюдении принятых законов и других важных аспектах существования правой культуры [孙曙生, 2013]. Отметим, что в данный период формируется новое понимание 法治 / *законности* или *верховенства права*, которые включается в Конституцию КНР.

4. 2014 год – настоящее время (Социализм с китайской спецификой в новую эпоху)

В данный период принимается система базовых ценностей социализма с китайской спецификой для пропаганды новых идей и воспитания нового человека, что привлекает повышенное внимание китайских ученых к анализу легизма и использованию его идей для сознания норм и правил поведения в обществе, а также к выстраиванию отношений «государство – общество» и «государство – личность». Всплеск интереса к традиционной китайской культуре приводит к новому пониманию 法治 / *законности* и к формированию лингвокультуры, связанной с законами.

Таким образом, с конца XIX века по настоящее время активно изучается теория легизма, ставшая идеологическим фундаментом китайского правого государства, однако открытым остается вопрос о связи легизма с современными китайскими ценностями.

法治 / ЗАКОННОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ценность 法治 / *законность* или *верховенство права* включается в систему базовых ценностей социализма в конце 2013 года и с этого времени начинается активное включение данного понятия в китайскую лингвокультуру. Хуан Тао указывает, что 法治 / *верховенство права* не следует рассматривать однобоко, оно находится в процессе непрерывного развития даже в современном обществе, это не только форма права, но и форма ценности, а также форма государства. Автор считает, что эти три уровня динамически комбинируются, чтобы создать тип верховенства права [黄涛, 2014, с. 34–35]. Однако требуется уточнить понимание 法治 / *законности* как базовой ценности социализма.

Ценность должна представлять собой руководящую теорию, имеющую позитивное значение для людей. В Древнем Китае идея правового государства эволюционировала соответствии с историческим процессом. С самого начала, когда человек возобладал над законом, и позднее, когда было установлено верховенство права, Китай проходит единый путь эволюции. То, что мы называем верховенством права, естественно, является принципом политического правления с китайской спецификой, проверенной практикой и общепризнанной социальными группами. Считается, что верховенство права является неизбежным признаком развития

человеческой цивилизации и символом ее прогресса. На реализацию законов влияет менталитет, сознание, идеи, эмоции и поведение людей, членов одной лингвокультурной общности.

В ценностях социализма с китайской спецификой 法治 / *законность* соотносится с понятием 秩序 / *порядок*. Под этим понятием подразумевается материальный и социальный порядок, сформированный законом. Подобно ценностям 自由 / *свобода*, 平等 / *равенство*, 公正 / *справедливость* и др. 秩序 / *порядок* – это цель, преследуемая законом, результат реализации законного правления. Но слово 秩序 / *порядок* не используется при определении основных социалистических ценностей. Как считает Чэнь Хуа, понятие порядка в данном случае не используется главным образом потому, что ценностные характеристики данного понятия далеко не очевидны. Они легко могут вызвать разное понимание. Поэтому слово *порядок* практически не используется. Вместо него используется слово 法治 / *законность*, оно не должно вызывать затруднений для понимания. И в этом огромную роль играет традиция легизма. Легитимные правовые нормы составляют основу общественного порядка. Он соблюдается в правовом государстве [陈烨, 2015].

Чтобы лучше представить ценность 法治 / *законность* в китайской лингвокультуре, приведем высказывание Лю Бина: «Если мы сравним культуру верховенства права со зданием, тогда концепция – это дизайн и душа этого здания, а организация – это его основа, институты станут основными стенами этого здания, язык и культура текста – это внешний вид и форма этого здания, а поведение – это социальный эффект от этого здания» [刘斌, 2009, с. 24].

Нужно отметить, что социалистические ценности в китайском языке связываются с понятием «законность» (法治 / *законность*). Оно относится к надежному общественному порядку, сформированному правовыми нормами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Легизм – одно из философских направлений Древнего Китая, наиболее тесно связанное с системой государственного правления. В основе данной концепции лежит идея управления народом посредством ответственных чиновников, строго исполняющих законы. Высшая власть единолично принадлежит правителю, который карает провинившихся независимо от чинов и прежних заслуг. Концепция верховенства права, заложенная в легизме, оказала огромное влияние на традиционную китайскую правовую культуру. В результате экстралингвистических факторов, связанных с проникновением западных теорий верховенства права, на основе существующего в рамках легизма понятия «управления государством на основе закона» формируется новая концепция правового государства и политического правления, которая включаются в Конституцию КНР, понятие 法治 / *законность* становится одной из базовых ценностей социализма с китайской спецификой. Таким образом, на основе древних представлений в китайской лингвокультуре формируется новое понятие, связанное как, с западной концепцией «верховенства права», так и с древним понятием 法 / *закона*, существующим в рамках теории 法家 / *легизма*. В эпоху Сражающихся Царств понятие легизма становится основой для формирования единого Китая. Выбор данной концепции для построения государственности в новую эпоху определяется прозрачностью и доступностью данного понятия, которое уже на протяжении 2,5 тыс. лет существует в китайском языке и тесно связано с государственным могуществом и процветанием народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 徐楠芝：先秦法家思想对当代法治的价值，载《黑龙江省政法管理干部学院学报》2018年第2期，第1-4页. = Сюй Наньчжи. Значение идей доциньских легистов для современного верховенства права. Вестник Хэйлунцзянского института по подготовке политико-правовых управленческих кадров. 2018. № 2. С. 1–4.
2. 周生虎，刘铁：法治政府建设对先秦法家思想的继承与超越探析，载《领导科学》2021第2期，第111–114页. = Чжоу Шэнху, Лю Те. Анализ наследования и трансцендентности идей доциньских легистов в построении правительства, управляемого законом. Наука лидерства. 2021. № 2. С. 111–114.
3. 舒婉：法家思想对法治中国建设的启示，载《哲学进展》2022第3期，第181-185页. = Шу Вань. От идей легистов к построению верховенства права в Китае. Прогресс в философии. 2022. № 3. С. 181–185.
4. 马锦涛，梁宇婷：习近平法治思想源流刍议——以先秦法家思想的当代借鉴为视角，载《广西教育学院学报》2022第5期，第52–56页. = Ма Цзиньтао, Лян Юйтин. О происхождении идеи Си Цзиньпина о верховенстве права (с точки зрения современной ссылки на идеи доциньских легистов). Вестник Гуаньсийского педагогического института. 2022. № 5. С. 52–56.
5. 王威威：主持人语:古今中西视域中的法家研究，载《中国文化研究》2022第1期，第1–2页. = Ван Вэйвэй. Выступление модератора: Исследования легистов в Китае и на Западе в древности и современном мире. Китайская культурология. 2022. № 1. С. 1–2.

6. 谭宝刚：《先秦法家及其思想略论》，湖南师范大学2002届硕士学位论文. = Тан Баоган. Доциньский легизм и его идеи. Дис. Чанша: Хунаньский педагогический университет, 2002.
7. 王子秦：先秦法家思想对当代中国法治建设的借鉴意义，载《汉江师范学院学报》2019年第5期，第66–70页. = Ван Цзыцинь. Значение идей доциньского легизма для построения верховенства права в современном Китае. Вестник Ханьцзянского педагогического университета. 2019. № 5. С. 66–70.
8. Иванов А.И. Материалы по китайской философии. Школа Фа. Хань Фэй-Цзы / пер. с кит. А.И. Иванов. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1912.
9. 程燎原：古代汉语典籍中的"法治"语词略考，载《学海》2009年第1期，第110–115页. = Чэн Ляоюань. Краткий анализ слова 法治 / законность в древнекитайской классике. Сюэхай. 2009. № 1. С. 110–115.
10. 刘新：梁启超法治思想研究，载《法学家》1997年第5期，第25–32页. = Лю Синь. Исследование идей Лян Цичао о верховенстве права. Юрист. 1997. № 5. С. 25–32.
11. 庞鹏：严复与梁启超法治思想之比较，载《知与行》2017年第3期，第157–160页. = Пан Пэн. Сравнительный анализ идей Янь Фу и Лян Цичао о верховенстве права. Знания и поступки. 2017. № 3. С. 157–160.
12. 阎步克：《士大夫政治演生史稿》，北京大学出版社2015年版，522页. = Янь Букэ. История политической эволюции ученых-чиновников. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2015.
13. 孙曙生："法治"概念在当代中国的继受及其意义，载《政法论丛》2013年第4期，第34-40页. = Сунь Шушэн. Наследование и значение понятия 法治 / верховенство права в современном Китае. Политика и право. 2013. № 4. С. 34–40.
14. 黄涛：重新思考法治概念，载《新华月报》2014年第6期，第34-37页. = Хуан Тао. Переосмысление концепции верховенства права. Ежемесячник «Синьхуа». 2014. № 6. С. 34–37.
15. 陈烨：法治概念的当代中国意蕴探究，载《西藏民族大学学报》（哲学社会科学版）2015年第5期，第101–107页. = Чэнь Е. Исследование значения слова 法治/ верховенство права в современном Китае. Вестник Тибетского национального университета (Философия и социальные науки). 2015. № 5. С. 101–107.
16. 刘斌：中国当代法治文化的研究范畴，载《中国政法大学学报》2009年第6期，第5-24页. = Лю Бинь. Области исследований современной правовой культуры Китая. Вестник Китайского политико-правового университета. 2009. № 6. С. 5–24.

REFERENCES

1. 徐楠芝：先秦法家思想对当代法治的价值，载《黑龙江省政法管理干部学院学报》2018年第2期，第1-4页. = Xu Nanzhi (2018). The Value of Pre Qin Legalism to Contemporary Rule of Law. Journal of Heilongjiang Provincial Political and Legal Management Cadre College, 4, 2–4.
2. 周生虎，刘铁：法治政府建设对先秦法家思想的继承与超越探析，载《领导科学》2021第2期，第111-114页. = Zhou Shenghu, Liu Tie (2021). Analysis of the Inheritance and Transcendence of Legalist Thought in the Construction of a Rule of Law Government in the Pre Qin Dynasty. Leadership Science, 2, 111–114.
3. 舒婉：法家思想对法治中国建设的启示，载《哲学进展》2022第3期，第181-185页. = Shu Wan (2022). Enlightenment of Legalism on the Construction of Rule of Law in China. Philosophical Progress, 11 (3), 181–185.
4. 马锦涛，梁宇婷：习近平法治思想源流刍议——以先秦法家思想的当代借鉴为视角，载《广西教育学院学报》2022第5期，第52-56页. = Ma Jintao, Liang Yuting (2022). A Preliminary Discussion on the Origins of Rule of Law Thought Xi Jinping: From the Perspective of Contemporary Reference of Legalism in Pre Qin Dynasty. Journal of Guangxi Education College, 5, 52–56.
5. 王威威：主持人语:古今中西视域中的法家研究，载《中国文化研究》2022第1期，第1-2页. = Wang Weiwei (2022). Host Language: Legalist Studies from the Perspective of Ancient and Modern China and the West. Chinese Cultural Studies, 1, 1–2.
6. 谭宝刚：《先秦法家及其思想略论》，湖南师范大学2002届硕士学位论文， 58页. = Tan Baogang (2002). A Brief Discussion on Pre Qin Legalism and Its Ideology, Changsha.
7. 王子秦：先秦法家思想对当代中国法治建设的借鉴意义，载《汉江师范学院学报》2019年第5期，第66–70页. = Wang Zisqin. (2019). The Significance of the Legalist Thought of the Pre Qin Dynasty for the Construction of the Rule of Law in Contemporary China. Journal of Hanjiang Normal University, 39 (5), 66–70.
8. Ivanov, A.I. (1912). Materialy po kitajskoj filosofii. Shkola Fa. Han' Fej-Czy = Materials on Chinese philosophy. Fa school. Han Fei-Tzu. Saint-Petersburg: tip. M.M. Stasyulevich. (In Russ.)
9. 程燎原：古代汉语典籍中的"法治"语词略考，载《学海》2009年第1期，第110-115页. = Cheng Liaoyuan (2009). A Brief Study of the Words "Rule of Law" in Ancient Chinese Classics. Xuehai, 2009, 1, 110–115.
10. 刘新：梁启超法治思想研究，载《法学家》1997年第5期，第25-32页. = Liu Xin (1997). Research on Liang Qichao's Thought of Rule of Law. Jurist, 5, 25–32.
11. 庞鹏：严复与梁启超法治思想之比较，载《知与行》2017年第3期，第157-160页. = Pang Peng (2017). A Comparison of Yan Fu's and Liang Qichao's Thoughts on the Rule of Law. Knowledge and Action, 3, 157–160.
12. 阎步克：《士大夫政治演生史稿》，北京大学出版社2015年版，522页. = Yan Buke (2015). Scholar's Political Performance History Draft. Peking: Peking University Press.

13. 孙曙生："法治"概念在当代中国的继受及其意义，载《政法论丛》2013年第4期，第34-40页. = Sun Shusheng (2013). The Succession and Significance of the Concept of "Rule of Law" in Contemporary China. Political and Legal Treatise, 4, 34–40.
14. 黄涛：重新思考法治概念，载《新华月报》2014年第6期，第34-37页. = Huang Tao (2014). Rethinking the Concept of Rule of Law. Xinhua Monthly News, 6, 34–37.
15. 陈烨：法治概念的当代中国意蕴探究，载《西藏民族大学学报》（哲学社会科学版）2015年第5期，第101–107页. = Chen Ye (2015). Exploring the Contemporary Chinese Meaning of the Concept of Rule of Law. Journal of Tibet University for Nationalities (Philosophy and Social Sciences Edition), 5, 101–107.
16. 刘斌：中国当代法治文化的研究范畴，载《中国政法大学学报》2009年第6期，第5-24页. = Liu Bin (2009). Research Scope of Contemporary Legal Culture in China. Journal of China University of Political Science and Law, 6, 5–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цун Фэнлин

доктор юридических наук, доцент
директор Института русского языка и литературы
Китайского политико-правового университета

Дубкова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, профессор
иностранный специалист Сианьского университета иностранных языков
ассоциированный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории
«Теоретические и прикладные проблемы переводоведения»
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Cong Fengling

Doctor of Law (Dr. habil.), Associate Professor
Director of the Institute of Russian Studies
China University of Political Science and Law

Dubkova Olga Vladimirovna

PhD (Philology), Professor
Foreign Specialist, Xi'an International Studies University
Associate Researcher of the Research Laboratory
"Theoretical and Applied Problems of Translation Studies"
Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.04.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	25.07.2023	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 9 (877)

Ответственный редактор выпуска
Н. Н. Германова
доктор филологических наук, профессор.

Редактор В. А. Геронимус
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 23.08.2023
Усл. печ. л. 21,3.
Формат 60x90/8
Заказ № 62/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University
Humanities
Issue 9 (877)

Executive editor
Natalia N. Germanova
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Editor V. A. Geronimus
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 23.08.2023
Conventional printed sheets: 21,3.
Layout format 60x90/8
Order 62/23

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2023

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».